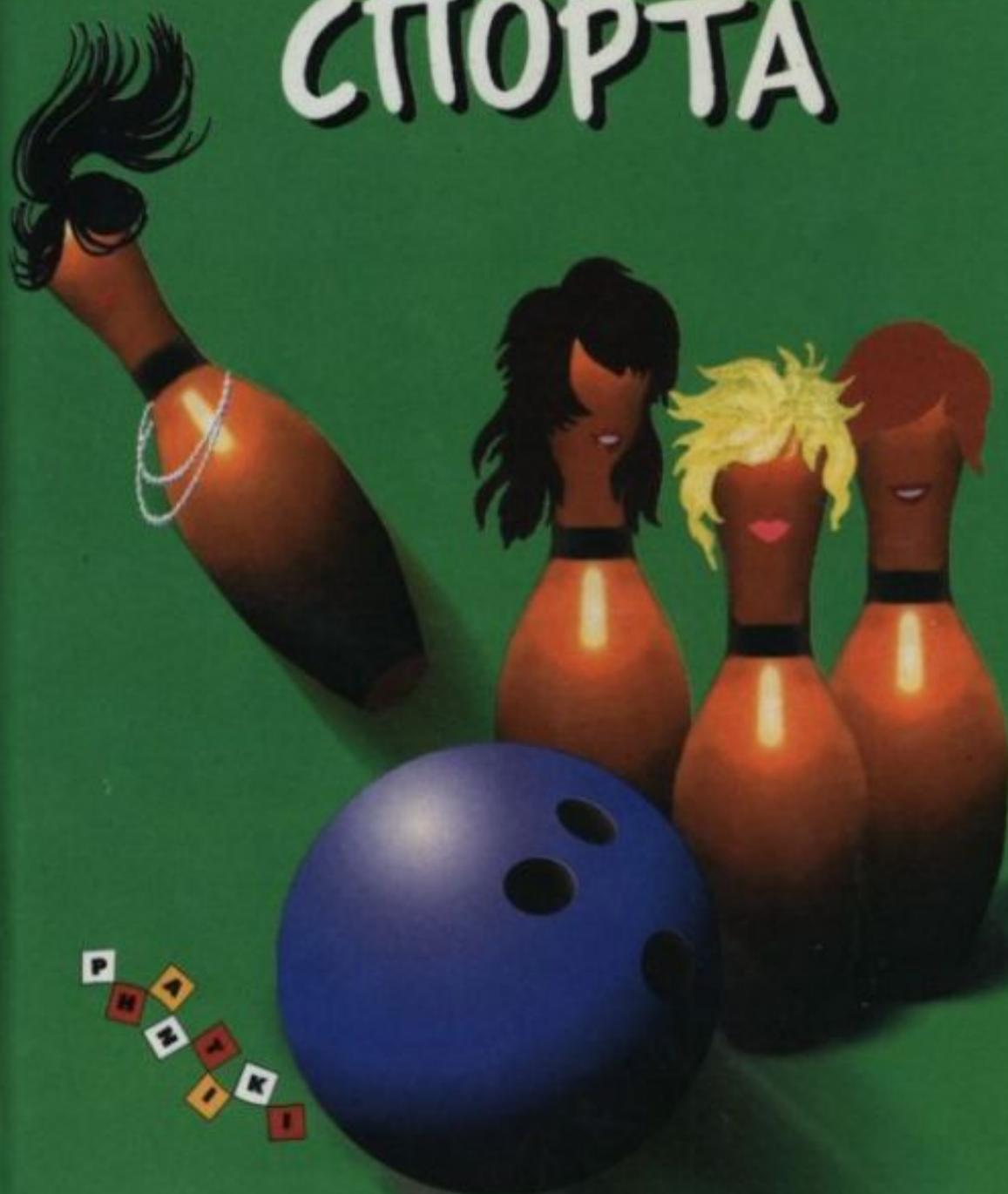

ДЖОН ДИРИ

ЛЮБОВЬ И ДРУГИЕ ВИДЫ СПОРТА

и другие виды спорта

Джон Дири

Любовь и другие виды спорта

Часто ли вы обманывались в мужчинах? И часто ли хотели их понять, но ничего не получалось? Наверняка не раз. И это неудивительно, ведь мужчины куда загадочнее марсиан. Чего хочет мужчина, разобраться всегда непросто, а чего хочет мужчина от женщины — и вовсе тайна за семью печатями.

Джек привлекателен, успешен и... несчастен. Личная жизнь у него не складывается — хоть волком вой. И не оттого, что нет на свете девушки, которая захотела бы сделать его счастливым, — девушек таких полным-полно. Просто нет девушки, которую захотел бы сделать счастливой Джек. И однажды, когда очередной роман дал течь, Джек решил с женщинами завязать. Раз и навсегда. Тут-то все и случилось. Появилась Она, а вместе с ней появились и большие проблемы, которые тут же начали расти как снежный ком...

«Любовь и другие виды спорта» — романтическая комедия, написанная мужчиной. В США, где книга быстро завоевала популярность, роман Джона Дири называют мужским «Сексом в большом городе». И этим многое сказано.

Содержание

#1.....	.0005
Глава первая.....	.0006
Глава вторая.....	.0010
Глава третья.....	.0019
Глава четвертая.....	.0023
Глава пятая.....	.0026
Глава шестая.....	.0031
Глава седьмая.....	.0042
Глава восьмая.....	.0048
Глава девятая.....	.0052
Глава десятая.....	.0060
Глава одиннадцатая.....	.0069
Глава двенадцатая.....	.0075
Глава тринадцатая.....	.0088
Глава четырнадцатая.....	.0090
Глава пятнадцатая.....	.0095
Глава шестнадцатая.....	.0098
Глава семнадцатая.....	.0102
Глава восемнадцатая.....	.0105
Глава девятнадцатая.....	.0107
Глава двадцатая.....	.0115
#22.....	.0118
#23.....	.0119
#24.....	.0121

John Dearie

LOVE AND OTHER
RECREATIONAL
SPORTS

Джон Дири

ЛЮБОВЬ И ДРУГИЕ
ВИДЫ СПОРТА

Перевод с английского
Юрия Корчагина
под редакцией
Игоря Алюкова

Москва
PHANOM PRESS
2005

Джон Дири ЛЮБОВЬ И ДРУГИЕ ВИДЫ СПОРТА

Эта книга посвящается Нью-Йорку, моему городу, где тротуары — сцены, станции метро — концертные залы, а люди храбры и правдивы.

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

Бытие 2:18

Я был и здесь и там, очарованный и в то же время испуганный бесконечным разнообразием жизни.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Глава первая

Том. Женится.

Никак не получается в это поверить. Неужели это все-таки случится?

Попробовал снова. Том... *женится?*

Я тяжело вздохнул, прикрыл глаза и осторожно помотал головой, стараясь не растряссти тупую боль. Мысль в голове по-прежнему не укладывалась, и похмелье здесь было абсолютно ни при чем. Просто за те три года, что мы с Томом снимали квартиру, у него не случилось ни единой подружки. И он даже найти ее не пытался, будто не испытывал в женщинах ни малейшей потребности.

Все-таки жизнь — странная штука. В последние несколько лет мои друзья словно с цепи сорвались и бросились жениться. А странность заключается в том, что первыми к алтарю рванули те, кто в юности девушками не особо увлекался. А те, кто, казалось, и дня не мог прожить, чтобы не пригласить на свидание какую-нибудь смазливую однокурсницу, и десять лет спустя плывут в своих одноместных шлюпках, призывно размахивая флажками.

Перевалившись на другой бок, я нашарил телефон и набрал номер Алекса.

— Ты с подружкой едешь?

— *С подружкой?* Да ты чего, чувак? — загоготал он. — Кто ж с собой на пляж песок носит?

Алекс обожает незатейливые присказки и произносит их так, будто открывает собеседнику некую высшую истину. Наверное, поэтому он и подвизается в рекламе. Обычно я понимал его эзопов язык, но только не в это утро. Во-первых, едва ото сна очнулся, а во-вторых, голова просто раскалывалась.

— Ты о чем? — пробормотал я.

Меня определенно мутило. Голова трещала все сильнее, и меньше всего хотелось сейчас разгадывать ребусы Алекса.

— *Джек, это же свадьба!* — возмутился в трубке голос Алекса. — Настоящий заповедник. Одинокие подружки счастливой невесты. Женщины! Да они дуреют на свадьбах. У них крышу сносит, понимаешь? — Он похотливо закудаhtал. — Это все равно что ловить рыбу в ведре, чувак.

* * *

Вечером меня ждали в Нью-Джерси на репетиции свадьбы. Невеста, которую звали Мишель, жила в Пассейике — это меньше часа езды от моего дома, прямо за мостом Джорджа Вашингтона. Проще и дешевле было отправиться туда на автобусе, но я, разумеется, презрел благоразумие и взял напрокат машину. Раз уж я безлошадный обитатель Манхэттена, надо пользоваться любым поводом, чтобы прокатиться с ветерком.

Алекс, конечно же, сел мне на хвост. Официальная часть его не интересовала, но ближе к ночи в Пассейик собиралась прикатить вся наша университетская шатия-братия. А мой приятель не из тех, кто пропустит попойку. Жаль, что я сам забыл о вечеринке со старыми друзьями и так набрался накануне.

Когда мы проехали по мосту, оставив позади мой любимый Манхэттен, Алекс спросил:

— Ну чего, чувак, ты готов? Предвкушаешь?

Помимо дурацких присказок Алекс обожает и дурацкие словечки. Ничто на свете не заставит Алекса отказаться от его любимого слова «чувак». Для

него это дружеское обращение, вроде «приятель», «дружище» или «старина», как у Гэтсби. А может, так он желает придать весомости своим словам. Иисус тоже ведь всю дорогу повторяет в Евангелии: «Истинно говорю вам...» или «Я — Господь Бог ваш». Алекса не смущает, что все остальные избавились от этого словечка лет этак десять назад, вместе с бордовыми галстуками, которые мужчинам после тридцати противопоказаны. Он вставляет его повсюду, и это порядком достает. Примерно так же некоторые (в основном женщины, по моим наблюдениям) не могут как бы не вставить «как бы» через каждые как бы три-четыре как бы слова. Так или иначе, Алекса невозможно представить без его «чувака». Сам Алекс тот еще чувак — жилистый, слегка сутулый, с непослушной шевелюрой и хулиганской, но обаятельной мальчишеской ухмылкой.

— Предвкушаю что? — поинтересовался я.

— Встречу с отчаявшимися, сексуально озабоченными женщинами, разумеется, — ответил он.

Я нахмурился.

— Вообще-то я завязал с женщинами.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Алекс.

— С женщинами и выпивкой. И то и другое отнимает слишком много времени и денег. В общем, я не хочу разориться и мне не нужны лишние неприятности.

— Брось, чувак. Попалась одна чокнутая, и у тебя уже мозги набекрень.

— Не одна. Всего лишь последняя.

— И что теперь? Запишешься в геи?

— А что, отличная перспектива, — вздохнул я. — Непьющий неженатый гей.

— Надолго тебя не хватит.

— Еще как хватит.

* * *

Я не собирался напиваться вчера вечером. По крайней мере, так сильно. Но выпить, признаюсь, хотелось.

С тех пор как мы с Ким расстались, друзья пытались свести меня буквально с каждой свободной девушкой в нашем небольшом городке. Приятели и приятельницы, знакомые друзей и знакомые знакомых, сестры и коллеги друзей знакомых. Вчера это была Сэм. Саманта, если уж быть точным.

Мы договорились встретиться в новом испанском ресторанчике на Второй авеню. Довольно приятная девушка. Неглупая и привлекательная. Редактор в журнале «Отдых и путешествия». Но первое свидание, как и полагается, про двигалось со скрипом. В какой-то момент Сэм сказала:

— А ты знаешь, что чем выше человек, тем больше он потребляет воды и кислорода? Каждые лишние два сантиметра — это сотни дополнительных литров воды в год.

Я немного помедлил, размышляя над столь поразительным откровением, после чего заключил:

— Значит, баскетболисты опасны для окружающей среды?

— Ага, ужасно опасны, — согласилась она.

Ни тени улыбки. Даже бровью не повела.

В другое время я бы, наверное, не придал этому значения. Но вчера ее слова

вывели меня из себя, устал я от дурацких игр в «отношения». После того как мы с Ким порвали, свидания с женщинами не доставляли мне ни малейшего удовольствия. Это все равно что запихивать в себя еду после нескольких часов безудержной рвоты. Даже самый слабый, едва уловимый намек на флирт вызывал у меня тошноту и головокружение. В какой-то момент это стало настолько невыносимо, что я уже не мог обойтись без предварительной подготовки — порции виски или бокала-другого вина покрепче.

Вы спросите, зачем было подвергать себя такой пытке? Если встречаться с женщинами так неприятно, чего ради стараться? Но друзья в один голос убеждали, что я не должен сидеть дома, ныть и распускать слюни. Мол, нужно собраться с силами, снова вскочить в седло и с остервенелой жаждой мести рвануть вперед. Отчасти я был согласен. Все так — надо воспрянуть духом, забыть о неприятностях. Новые знакомства, новые свидания и как можно больше ни к чему не обязывающего секса — вот лучшее лекарство от хандры и самоедства. Его я и потреблял в неумеренных дозах. Правда, очень скоро выяснилось, что потреблять лекарство я могу, лишь хорошенько накачавшись спиртным.

Окончательно же меня добил вопрос Саманты, заданный на двадцатой минуте свидания. Нам как раз принесли горячее. Едва я запустил вилку в паэлью с креветками, Саманта кокетливо глянула на меня, улыбнулась и этак по-приятельски спросила:

— А ты уже публиковался?

Девушка явно навела справки. Почти все друзья знали, что я пишу в свободное время. Вообще-то времени этого у меня было не так уж и много — все-таки шестьдесят часов в неделю я провожу в банке, помогая структурировать слияния и поглощения. И тем не менее я не сдавался, пробовал и надеялся. Уже несколько лет я мечтал, как однажды оставлю стерильный мир цифр и процентов и заживу свободной творческой жизнью. Жизнь настоящего писателя.

Я знал, что не бездарен. У меня все в порядке с наблюдательностью, я хороший рассказчик, да и стиль у меня ничуть не хуже, чем у авторов раскрученных бестселлеров, которые я проштудировал самым тщательным образом. Там, откуда я родом, практичность у людей в крови. Если бы я сомневался в своем таланте, то и мучиться понапрасну не стал. Свои возможности я оценивал вполне трезво. Но главное — мне нравилось писать.

Я не учился ни на каких писательских курсах, а закончил экономический факультет. Но, как сказал Трумэн Капоте, ты либо писатель, либо не писатель, и никакие учителя тут ничего не изменят. Конечно, я мечтал о романе, но пока довольствовался рассказами, оттачивая мастерство и вырабатывая неповторимый стиль.

Вряд ли Саманта планировала задеть меня. Даже наверняка нет. Скорее она хотела ненавязчиво расспросить о том, что для меня важно. Бедняжка, она и предположить не могла, что ее вопрос меня просто взбесит. По многим причинам взбесит.

Во-первых, я еще не публиковался и, как большинство неопубликованных писателей, не любил, когда мне об этом напоминали. Конечно, я гордился тем, что самые престижные журналы страны исправно отвергают мои рассказы, возвращая их с небольшим письмецом. Во всяком случае, их там пролистывают. Но вообще-то, если бы их еще и напечатали, у меня имелось бы больше по-

водов для гордости.

Кроме того, вопрос «А ты уже публиковался?» подразумевает, что, пока тебе не заплатили, ты вроде как и не настоящий писатель. Прошу понять меня правильно: как дипломированный экономист, я ничего не имею против доллара и порадовался бы даже незначительному коммерческому успеху своих шедевров. Но нельзя же все мерить деньгами! Выходит, долгие месяцы, что я корпел над книгой, были пустой тратой времени, коль скоро книга не имела сногшибательного успеха у платежеспособной публики?

А еще я услышал в вопросе Саманты некий скребущий подтекст, такое злорадное женское любопытство и тайную снисходительность. Фразочка «А ты уже публиковался?» намекала, что если ты хоть как-то умеешь марать бумагу, обладаешь хоть крупицей таланта и можешь складывать слова в более-менее осмысленные предложения, то тебя обязательно должны напечатать. О, если бы все так и обстояло! Вот совсем недавно я прочел статью одного известного редактора. Он утверждает, что лишь одному из десяти тысяч новоиспеченных писателей удается закончить роман, попасть под крылышко агента и издать свое творение.

Все это я говорю вовсе не для того, чтобы найти себе оправдание, а чтобы вы поняли мою реакцию.

Словом, когда Саманта безобидно и даже вежливо поинтересовалась: «А ты уже публиковался?» — моя досада — на самого себя и неудавшийся вечер — зашкалила. Процедив в ответ: «Все еще ковыряюсь кое над чем», я решил, что не остается ничего другого, как упиться в стельку. Но, увы, убежать от действительности можно лишь на время, да и самоуважения пьянство не прибавляет. Кроме того, подобные побегі обходятся довольно недешево — за интоксикацию, как химическую, так и эмоциональную, приходится расплачиваться.

Зато нынче утром, когда я страдал от последствий очередного неудавшегося свидания, мне вдруг открылась истина. Воздержание! Никаких женщин и никакого вина. Полное очищение организма.

Вот оно, решение. Единственно разумное и верное. Так тому и быть.

Глава вторая

С Мишель я не был знаком. Алекс тоже. Она, как и Том, работала в Чикаго, где около года назад они и встретились. Том не просто женился, он женился на незнакомке. Тяжело смириться с мыслью, что твой друг женится на девушке, которую ты и в глаза не видел.

Недолгая прогулка на автомобиле и выпитый по дороге литр минералки привели меня в чувство. Подъезжая к Пассейику, я уже походил на человека. Мы поселились в гостинице, бросили свое барахло, отдышались и потопали в церковь. И опоздали на двадцать минут.

Том стоял перед входом вместе со своими родителями и еще двумя людьми. Он искренне обрадовался нам и заново познакомил с предками, после чего представил преподобного Джорджа, добродушного толстячка лет со рока пяти, чьи черные волосы уже начали седеть. После всех этих реверансов Том наконец взял за руку женщину, стоявшую рядом с ним.

— Ребята, — обратился он к нам чересчур уж ласково, — это Мишель.

— Очень рад познакомиться. Наконец-то, — сказал я, пожимая протянутую руку.

Мишель оказалась абсолютно заурядной шатеночкой, невысокой и с невыразительными чертами. Почему-то сразу пришло на ум выражение «серая мышка». И еще «католичка».

— Взаимно. — Она натянуто улыбнулась. — Все уже ждут внутри.

Я покорно кивнул и направился в церковь, по дороге шепнув Алексу:

— Злитесь, что мы опоздали.

— Угу.

Я не раз пытался представить себе, на ком женится Том, если вообще женится. Чтобы жениться, нужно ведь как минимум с кем-то познакомиться. В колледже Том исправно находил себе спутницу, когда мы шли на танцы или еще куда. Но в остальное время он проявлял к девушкам преступное равнодушие. При этом в его ориентации мы не сомневались. Просто зажатый тихоня Том казался не слишком лакомым кусочком. Невысокий, коренастый, с намекающей лысиной, длинноватым носом и глазами пусть и голубыми, но расставленными чересчур широко. Том был не искушен в любовных делах, трезво оценивал свой потенциал и ждал девушку, которой придутся по душе его скромные достоинства. Ходили даже слухи, что Том до сих пор девственник.

К тому же он всегда был рьяным католиком. Католичество — вещь растяжимая. Взять вот беременность, с ней все просто: либо женщина беременна, либо нет. С католичеством все гораздо сложнее. Наша церковь предоставляет верующим право придерживаться более свободных или более пуританских взглядов. Вот почему крайними точками католицизма являются доходящее до абсурда попустительство и полный деспотизм. Я всегда был довольно либерален, тогда как Том, по-моему, был ужасно консервативен. Во время учебы в колледже, да и после его окончания мы не раз сталкивались лбами по самым разным вопросам — от контроля над рождаемостью и гомосексуализма до исключительного права мужчин на духовный сан и нравственного облика Папы Римского. Глубоко неверующий протестант Алекс обожал слушать наши католические дискуссии — прихлебывал пиво и переводил заинтересованный взгляд с меня на Тома и с Тома на меня, точно наблюдал за теннисным мат-

чем. Зная упертость Тома, я, честно говоря, сомневался, что он когда-нибудь найдет себе жену.

Вот поэтому я удивился новости о его женитьбе, но ничуть не удивился, увидев Мишель. Она напомнила мне мою мать. А еще монашку. Бледная, невзрачная, с тоненькими серенькими волосиками и невыразительными глазами. Собственная реакция на невесту друга меня не порадовала. Все-таки не стоит выносить приговор после пары минут знакомства, к тому же мы действительно опоздали.

Через полчаса мы с Алексом сидели во втором ряду и наблюдали, как Том, Мишель и преподобный отец Джордж репетируют завтрашнюю церемонию. Наклонившись к Алексу, я шепнул:

— Ну и как она тебе?

Алекс сложил руки на груди, придирчиво оглядел невесту и задумчиво прищурился. Спустя несколько секунд раздумий он прошептал:

— Она никогда не даст ему раком.

* * *

Предсвадебный ужин оказался недурен, но, как и следовало ожидать, банален: за сочным бифштексом последовали глупые тосты родственников и друзей. Вино выглядело соблазнительно, но я мужественно хлебал чай со льдом.

Вернувшись в отель около девяти, я услышал жуткий гам, доносившийся из бара. Ясно, наши уже в сборе. Я распахнул дверь, и меня встретили радостные крики друзей, с которыми мы не виделись несколько лет. В баре было душно от дыма, гомона и смеха. Кто-то растолстел, кто-то полысел, кто-то поседел, но в целом все выглядели на уровне. Настроение у меня мигом улучшилось.

Ближе к полуночи бар погрузился в темноту, зато лица моих друзей буквально светились от удовольствия. Кроме нас никого не осталось: мы распугали всех прочих постояльцев отеля. Верный своему слову, я пил только колу.

— Все сюда! Слушайте анекдот, — раздался голос Джинны от дальнего конца стойки.

Судя по дымящейся сигарете, Джина успела изрядно набраться. На трезвую голову она не курит. Живет Джина в Бостоне и уже дважды бегала знаменитый бостонский марафон. Все нехотя замолчали.

— Значит, так. Бог создал Адама, а потом и говорит ему: «Адам, ты клевый малый. Просто клевый. Ты — мое лучшее творение. Я создал тебя по своему образу и подобию. Поэтому я дал тебе то, что отличает тебя от остальных моих творений».

«А чего ты мне дал-то?» — заинтересовался Адам.

«Во-первых, большущий мозг».

«Супер! — обрадовался Адам. — Спасибо, Боже. Так это все, что ль?»

«Нет, не все. Еще дал я тебе самый большой пенис».

— Неправда! — вдруг встряла Энн.

— Правда, — возмутилась Джина, недовольная тем, что ее перебили.

— А как же лошади и слоны? — не успокаивалась Энн. — Ты что, ни разу в зоопарке не была?

И тут дамы принялись переглядываться, кто с видом умудренного знатока, а кто с выражением искреннего удивления.

— Имеется в виду, относительно размеров тела, — вставил я, понимая, что

Джина сама никогда не сообразит.

— Во! — подхватила она. — Спасибо, Джек. — Повернулась к Энн и рывкнула: — *Молчать и не перебивать!*

Все засмеялись.

— Черт, забыла, на чем остановилась.

— Самый большой член, — охотно подсказали мы.

— Ах да. Значит, Адам говорит Богу: «Вот это да! Спасибо, Боже».

Но тут Бог добавляет: «Только есть один нюанс».

«Начинается... Какой еще нюанс?»

«У тебя не хватит крови, чтобы пользоваться мозгом и членом одновременно».

Девушки чуть не повалились со стульев от хохота. Мы тоже посмеялись, но как-то вяло, снисходительно, хотя и без обиды.

Ох уж эти шутки про мужской член! Никогда не мог понять, что в этой части тела такого забавного и почему анекдоты о ней пользуются бешеной популярностью. Вот и сейчас, глядя трезвым взглядом на подвыпивших и хохочущих друзей, я недоумевал, над чем же они, собственно, смеются.

Нет, смысл шутки понятен. Но я не понимаю, *что в этом смешного*. Что смешного в пенисе? Ведь если про него сложено несметное количество анекдотов, значит, он сам по себе воспринимается как нечто забавное. Почему никто не рассказывает анекдоты про влагалище? Потому что влагалище — это не смешно. Есть много анекдотов про сиськи, но, согласитесь, это не одно и то же. Похоже, в пенисе есть что-то комичное или просто абсурдное.

Одна моя знакомая честно пыталась мне объяснить:

— Ну, потому что это такая... *штука!* Будто лишний кусок! И прямо спереди! Это так *странно*, — и она неосознанно схватилась за ту самую «штуку» обеими руками. — Я даже представить не могу, как это. Он же, наверное, все время мешается.

— Видимо, к этому привыкаешь и перестаешь замечать, — ответил я. — Как соринка в глазу.

— Но он ведь не в *глазу!* — возмутилась она. — Он прямо *там!* Спереди! Как ручка! Как шланг! А еще всякие фокусы выделяет. — Глаза моей подружки расширились. — То увеличивается, то суживается. А иногда становится совсем *малюсенький*. Сокращается! Как будто у тебя в штанах живое *существо!*

Вот-вот. Уж куда как забавно, когда у тебя в штанах живое существо, независимое и чужеродное. И каждый мужчина должен вечно договариваться с этим существом, имеющим свои собственные приоритеты. Свои собственные предпочтения. И свои собственные интересы. Интересы, порой не совпадающие с интересами хозяина, к которому он так привязан. Неужели весь смысл анекдотов про член только в том, что мужчины иногда ведут себя странно, нелогично, если не сказать тупо, как будто эрекция и впрямь вызывает резкий отток крови от головы, провоцируя кислородное голодание мозга? Хотя что-то в этом есть, особенно если вспомнить, как я вел себя с Ким... Значит, женщины любят анекдоты про пенис, потому что мужчины в них сплошь и рядом безнадежные идиоты. Хорошенькое дело. А мужчины любят такие анекдоты, потому что в них находят оправдание своему поведению.

На любой вечеринке наступает момент, когда большая компания распада-

ется на две группы: мужчины собираются у одного столика, женщины у другого. Через несколько минут за мужским столиком говорят только о сексе. Мы не виделись несколько лет, и нам было о чем рассказать друг другу.

Хитом программы стала удивительная история о том, как один из наших приятелей покорил Эверест мужских сексуальных фантазий — Секс с Двумя Женщинами.

— Соседки по комнате, — пояснил он.

Картинка была та еще. Толпа мужиков с выпученными глазами и застывшими сладострастными улыбками, слегка подавшись вперед, дабы не пропустить ни малейшей скабрезной подробности, внимала красочному рассказу. О таком мечтал каждый, но мало кто рассчитывал когда-нибудь осуществить свою мечту. За те десять минут, что длился рассказ, никто даже пива не отхлебнул.

Но в самом финале нас ждало чудовищное разочарование.

— И вот, значит, лежим мы — я и эти роскошные блондинки, — они, значит, извиваются, вертятся, ползают друг по другу...

Мы кивали в такт, словно под гипнозом.

— Вы не поверите, что случилось потом... — вдруг помрачнел он. — То есть *не случилось*.

Все замерли. Потом, догадавшись, в чем дело, переменились в лицах.

— Не может быть! — прохрипел Алекс в ужасе. — *Не может быть!*

Наш герой страдальчески кивнул:

— Вяленький цветочек.

— Ааааааааааааа! — закричали мы, охваченные мировой скорбью.

И после этого мне скажут, что иметь существо у себя в штанах — забавно? Нет, вы только подумайте: почти заполучить заветный трофей, держать его на мушке и вдруг почувствовать, что твой дружок от переполнивших его... м-м-м... чувств грохнулся в обморок. Каково! Мы опечалились не меньше, чем если бы у нашего друга обнаружили рак предстательной железы.

* * *

Свадебная церемония намечалась на одиннадцать. К половине десятого я уже проснулся, оделся, позавтракал и готовился отчалить. Алекс же только-только вылез из постели и поплелся в душ.

— Алекс, мне нельзя опаздывать! Я выезжаю через десять минут, — предупредил я.

— Без проблем, чувак! — слышалось из-за шторы.

Одевался он уже в машине.

Молодоженам повезло, денек выдался удивительный, и мир казался ярче, насыщенней и чище обычного. Маленькая старая церковь больше походила на лютеранскую или пресвитерианскую, чем на католическую. Ее стены из крупных блоков песчаника венчала типичная для северных окраин Нью-Джерси колокольня.

Гости уже съезжались. Слава богу, мне не пришлось встречать их и рассказывать на предназначенные места, этим занимались братья Тома. Мы с другими приглашенными со стороны жениха кружком стояли у алтаря. Словно забыв, где находимся и для чего собрались, мы украдкой рассматривали женщин. Чтобы обмениваться впечатлениями и выставлять оценки, слова нам не требовались, вполне хватало выразительных взглядов и гримас.

Наконец настало время появиться Мишель.

Подружки невесты проходили сквозь бледно-лиловую тафту, а мне казалось, что это ветер задул в церковь гигантский ватный шар или снежинку.

Том с братом и, по случаю, шафером, Майком, присоединились к нам. Жениха вырядили в такой же смокинг, как у меня, только бабочка у Тома была белая. Мы удалились в ризницу — душную комнатенку справа от алтаря, прямо возле кафедры. Отец Джордж как раз закончил облачаться. В его праздничной ризе сочетались белый, зеленый и желтый — цвета, символизирующие радость, оптимизм и обновление.

— Ну как, готов? — едва заметно ухмыльнулся он.

Том тяжело вздохнул:

— Так готов, что дальше некуда.

— Смотри, у тебя последний шанс дать задний ход, — предупредил священник.

Мы дружно рассмеялись. Забавно услышать такое из уст святого отца. Правда, сам преподобный не смеялся. Он даже не усмехнулся. Он смотрел на Тома серьезно и строго, будто пытался заглянуть в душу. До меня вдруг дошло, что он вовсе не шутил, задавая вопрос.

Похоже, и Том это понял. Он сильно сжал губы и кивнул. Не знаю, был он действительно уверен в своем решении или просто хотел побыстрее со всем покончить. В любом случае, святой отец успокоился.

— Когда заиграет музыка, можешь выходить, — велел он.

Священник покинул ризницу, и мы остались одни. Друзья. Мужчины. Приятели того парня, который вот-вот навсегда принесет свою жизнь в жертву женщине. Неважно, как вы относитесь к браку, но момент этот удивительный. Чувство было такое, что вся бесконечная энергия вселенной сконцентрировалась в этой душной комнатенке в Пассейике, штат Нью-Джерси.

Мне захотелось сказать Тому что-нибудь достойное минуты, что-нибудь важное и проникновенное. Но, как нарочно, ничего не приходило на ум.

Кто-то произнес: «Вот это да!» — и все с облегчением рассмеялись.

Пожимая нам руки, Том поблагодарил за поддержку, потом достал откуда-то несколько синих коробочек и раздал.

— Откройте.

Внутри обнаружили упакованные в подарочную бумагу посеребренные походные фляжки с искусно выгравированными инициалами.

— Тяжеленькие, — заметил кто-то.

Том улыбнулся:

— Ага, полные.

Последние минуты холостяцкой жизни Тома мы провели, произнося тосты и выпивая за здоровье жениха прямо в ризнице. В тот момент антиалкогольная клятва волновала меня меньше всего.

* * *

Одна за другой подружки невесты торжественно прошествовали по проходу. Музыка заиграла громче, и Мишель неспешно направилась к алтарю, символизовавшему начало новой жизни. Отец невесты гордо вышагивал рядом. Все гости встали, держа фотоаппараты наизготовку.

Когда процессия приблизилась, я заметил, что у отца Мишель сдали нервы и по его морщинистому лицу катятся слезы. Том ждал их у подножия алтаря.

Дрожащими руками папаша откинул фату с лица дочери, поцеловал разок, другой. Потом повернулся к Тому (интересно, уловил ли он запах виски?) и соединил руки жениха и невесты. Обычай этот, сколь бы наивным и нелепым ни казался, всегда производит впечатление. Наконец расчувствовавшийся родитель протиснулся в передний ряд, к своей половине. Та — ни слезинки, кремень кремнем — улыбнулась мужу и утешающе положила руку ему на плечо.

Отец Джордж поприветствовал жениха с невестой и начал службу. Мы стояли. Мы сидели. Снова стояли. И снова сидели. Выходили к аналою и зачитывали отрывки из Священного Писания. Мы узнали, что любовь терпелива и милосердна. Что она не превозносится и не гордится. Что любовь между мужчиной и женщиной праведна, потому что она есть отражение безграничной и неизменной любви Бога ко всем нам.

И вот настал решающий миг: Том и Мишель поднялись для произнесения клятвы. Вместе с ними поднялись все приглашенные. Лишь сестра невесты копошилась на полу, пытаясь расправить шлейф подвенечного платья. Со своего места, метрах в трех слева от Тома, я мог еще раз внимательно рассмотреть Мишель. Платье простенькое, но элегантно; накрашена, но макияж неброский и наложен со вкусом; каштановые волосы изящно собраны и припилены на затылке, отчего Мишель походила на принцессу. Словом, красива, как бывают красивы все невесты.

На мгновение я даже позавидовал Тому. Его поиски завершились. Он нашел ее.

Вдруг ни с того ни с сего вспомнилось вчерашнее замечание Алекса. Я смотрел, как Мишель произносит клятву, как ее щеки заливаются румянцем, а в глазах блестят слезы, слышал, как дрожит ее голос, и в башке у меня крутилось слово «раком».

* * *

Действо продолжилось в загородном клубе по соседству. Большой круглый зал, маленькие круглые столики. Шведский стол на сто пятьдесят человек. Похоже, родители Мишель выложили целое состояние.

Торжественная часть напоминала видео-повтор прошлого вечера: салаты, сочный бифштекс или рыба, торт или фрукты, тосты и речи. Том и Мишель позировали со свадебным тортом, но от швыряния букета и подвязок[1] все-таки воздержались — слава Всевышнему, благоразумие восторжествовало.

Наконец погас свет и над танцполом завертелся зеркальный шар. Диджей смикшировал классиков вроде Фрэнка, Луи и Эллы с популярными однодневками и, что совсем уж непонятно, разбавил все это гимном обманутой женщины «Я выживу».

Плеснув себе содовой, я в одиночестве торчал у бара и поглядывал на происходящее. На сердце лежала тоска: огромный зал забит гостями, в большинстве своем женщинами, а женщины — это прекрасно, незамужние женщины — еще лучше, но тут все, как на подбор, католички! Последнее обстоятельство сильно меняло дело.

Алекс, конечно же, уже кого-то закадрил. Почти весь вечер он танцевал с одной из подружек невесты — блондинкой с впечатляющим и почти обнаженным бюстом. Видя, как они смеются и прижимаются друг к другу, я искренне пожалел бедную девушку.

Внезапно рядом раздался чей-то голос:

— Привет!

Я обернулся. Рядом со мной стояла вполне привлекательная особа, высокая и темноволосая, на вид лет тридцати.

— Привет, — удивленно откликнулся я.

— Белого вина, — заказала она бармену.

Взяв бокал, снова повернулась ко мне и представилась:

— Сара Митчелл, школьная подруга невесты.

— Джек Лафферти. Университетский друг жениха.

— Похоже, тебе здесь одиноко. — Сара улыбнулась.

— Что, так заметно?

Она кивнула.

Я небрежно пожал плечами:

— Так, наслаждаюсь видом простого человеческого счастья.

— Обдумываешь новую книгу?

— Как ты сказала?

— Я слышала, что ты писатель.

Я напрягся. Раз навела справки, значит, не просто так подвалила.

— Пока только учусь, — неловко пошутил я. — И вкалываю в банке.

— Понятно и знакомо. — Она оглядела танцующие пары. — А я — музыкант, маскирующийся под юриста.

— Правда? — удивился я такому совпадению. — И на чем ты играешь?

— На гитаре. Классической. — Она покосилась на меня и заговорщически добавила: — Но у меня есть «фендер»[2].

— Да ну? — рассмеялся я.

— Странно, правда?

— Есть малость.

— Девочкам ведь полагается играть на фортепьяно или на флейте, да?

— Ну, типа того.

— Вот и моя мама тоже так считает, — усмехнулась она.

Зазвучали начальные аккорды «Свободы» Джорджа Майкла. Публика завизжала от восторга и бросилась на танцпол.

— Знаешь, — Сара поставила свой бокал на стойку, — я не видела, как ты танцуешь.

— И ничего не потеряла.

— Да ладно. Смотри, сколько народу. — Она оглянулась на толпу, уже всю дергающуюся в центре зала. — Тут никому до тебя и дела нет.

Я пригляделся к ней повнимательнее. Приятное лицо с мягкими и утонченными чертами — аккуратный нос, изящные губы, волевой, но не грубый подбородок, веснушки, разбросанные по переносице, словно напоминание о солнечном детстве. Но больше всего меня поразили ее глаза. Ярко-зеленые, с коричневыми и серыми крапинками, они казались огромными на узком лице. И странный взгляд — пристальный и требовательный, я однажды видел такой взгляд у какого-то ночного зверька. Удивительно, но этот чуточку звериный взгляд вовсе ее не портил. Привлекательная девушка. Даже красивая. И футболка с потертыми джинсами ей очень к лицу.

Ладно, одернул я себя, машины тоже бывают красивыми. Но лично я никогда не заведу машину, даже самую красивую, даже самую великолепную, пока живу на Манхэттене. Если подумать, чем круче машина, тем меньше она мне

нужна. Нью-Йорк — не лучшее место для красоты. Слишком рискованно и слишком накладно. Я и сам как Нью-Йорк — красота мне ни к чему. Вместе с очередными проблемами и суетой.

— Понимаешь, я только что оправился от гриппа. Не думаю, что танцы пойдут мне на пользу. Но все равно спасибо за приглашение.

Сара Митчелл, школьная подруга невесты, иронично улыбнулась, кивнула и отошла.

* * *

На следующий день по дороге в город Алекс отчитывал меня:

— Почему ты с ней не поговорил?

— Я поговорил с ней.

— И что ты ей сказал? Чтоб она отвалила?

— Нет. Что мне не хочется танцевать.

— И зачем ты это сказал?

— А что, я обязан танцевать со всеми, кому приспичит?

Алекс нахмурился:

— А кому еще приспичило?

Я притворился, что не слышал вопроса:

— Откуда ты вообще об этом знаешь?

— Об этом все знают.

— Откуда?

— Народу, если помнишь, было не так чтобы много.

— Всего каких-то сто пятьдесят человек.

Я погрузился в молчание, раздосадованный допросом, который учинил мне Алекс. Какого хрена за мной устраивают слежку?

— Я уже тебе говорил, — наконец прервал я затянувшуюся паузу, — что закончил с женщинами. Во всяком случае, до поры до времени. И меньше всего мне сейчас нужна охотница за мужем.

— С чего ты взял, что она из этой породы?

— Ты же сам сказал.

— Да ничего такого я не говорил. — Алекс помедлил секунду. — А она сексапильная.

Я промолчал.

— К тому же умная. Окончила Пенсильванский университет. Юридический факультет. Живет на Ист-Сайде. Работает в...

— Ты что, ее агент? — взорвался я.

— Чувак, я просто снабжаю тебя информацией.

— Можешь засунуть ее себе сам знаешь куда.

— Джек, — застонал Алекс, — приличными девчонками не разбрасываются.

И это говорит человек, который сам недавно перестал встречаться с женщиной только потому, что она отказалась удовлетворить его просьбу и сбрить волосы на лобке! Вот именно, *не подровнять*, а *сбрить*.

— Если она не может даже это для меня сделать, — разорвался тогда Алекс, — какого хрена вообще тратить на нее время? Не вижу смысла.

Меня это не столько возмутило, сколько поставило в тупик.

— Но разве это не *интимный* вопрос? — Я постарался говорить не слишком ехидно. — Кстати, вообще не понимаю, что заставило тебя просить ее о такой

услуге. Ну, отказалась и отказалась — что в этом ужасного?

— Это ж очень простая просьба! — заорал Алекс. — Чик-чик — и готово. И все равно никто, кроме меня, не узнает. Если она не желает идти мне навстречу в таких мелочах, что дальше-то будет?

С Алексом спорить бесполезно, он всегда найдет какое-нибудь немислимое обоснование своим поступкам.

Поэтому сейчас я просто сказал:

— Если тебе так нравится Сара, сам и приглашай ее на свидание.

— Не могу. Она не в моем вкусе. Она в твоём вкусе. К тому же ты ей понравился.

— Да она меня знать не знает. Мы разговаривали три минуты. А в конце я ее, если разобраться, фактически послал.

Алекс едва не пыхтел от раздражения.

— Когда Том и Мишель вернутся из свадебного путешествия, ты позвонишь им и попросишь ее телефон.

После нескольких минут тягостного молчания я снова заговорил, понадеявшись сменить тему:

— А ты, кажется, так и не вернулся вчера в свой номер?

Пауза, затем похотливый смешок:

— Нашел временное пристанище, чувак.

— Кто-то из подружек невесты? Та блондинка?

Тут я, конечно, увидел его коронную ухмылку.

— Знатная деваха.

Глава третья

В среду я на час опоздал на день рождения одной своей хорошей приятельницы. Она устраивала скромную неформальную вечеринку в своей новой квартире в Вест-Виллидже. Когда я наконец явился, в гостиной набилось уже человек двадцать. Вовсю наяривал энергичный джаз, и народ отрывался по полной. Не заходя в комнату, я просканировал взглядом толпу и отыскал Джени. Она тоже заметила меня и стала протискиваться навстречу.

— Джек, — она рассмеялась и обняла меня, — как здорово, что ты пришел!

— Извини за опоздание. — Я сунул ей бутылку дорогущего вина, которую купил по дороге. — Как всегда, задержали в последний момент. — Потом чмокнул ее в щеку: — С днем рождения!

— Спасибо, дорогуша.

Я снова огляделся:

— Классная квартирка.

— Да уж. — Она одарила меня сияющей улыбкой. — Мы здесь всего месяц. Вот и решили разом отпраздновать день рождения и новоселье.

Джени мне всегда нравилась. Высокая и стройная, с темными, коротко стриженными волосами, она походила на итальянку. И характер у нее легкий. Познакомившись на последнем курсе университета, мы чуть не закрутили роман, но в итоге остались «просто друзьями».

Она поволокла меня за собой:

— Давай-ка устрою тебе небольшую экскурсию.

Квартира оказалась большой, с двумя спальнями и огромной гостиной. На кухне прекрасно помещался массивный обеденный стол. Сам я до сих пор обитал в однокомнатной каморке, поэтому с завистью разглядывал жилище по-другому.

— Мы собираемся задержаться в Нью-Йорке, — пояснила Джени. — Пришлось затянуть пояса, чтобы снять такую квартирку.

— Да-а, и, наверное, туго затянуть.

Хотя квартира была замечательная, от мысли о том, сколько может стоить ее аренда, я слегка содрогнулся. Люди в Нью-Йорке живут вместе не только ради регулярного секса, но и из-за умопомрачительных цен на жилье. Заглянув во вторую спальню, размером почти с мою халупу, я понял, что пора изменить отношение к роли женщины в семейном бюджете. По крайней мере, теоретически.

Джени приоткрыла очередную дверь, нырнула внутрь и тут же выскочила обратно.

— Мэтт разговаривает с Токио, — прошептала она. — Это кабинет. Потом полюбишься.

Покончив с экскурсией, она упорхнула к остальным гостям. Я тоже потопал в гостиную. Маневрируя между телами, я протиснулся к импровизированному бару в дальнем конце комнаты. Стоило мне плеснуть себе выпить, как рядом раздалось:

— Да ты, оказывается, алкоголик!

Я резко обернулся, на пару мгновений потеряв дар речи. Потом все-таки выдавил с трудом:

— Сара?

— Все время застаю тебя у бара, — засмеялась она. — Типичный писатель.

Как типичный финансовый аналитик, я сострил:

— Два совпадения еще не означают тенденцию.

Сара снова рассмеялась.

— И потом, это всего лишь газировка.

— Так ты что, совсем не пьешь? — изумилась она.

— Завязал.

— С чего бы?

— А ты разве не слышала, что алкоголь — это яд?

Сара притворно вытаращилась:

— Что, правда?

— Во всяком случае, для меня, — вздохнул я. Вполне искренне вздохнул.

По ее виду было понятно, что она ждет продолжения, но я молчал. И не только потому, что вторая случайная встреча уже не похожа на случайность. Просто Сара выглядела иначе. Нежнее. Наверное, из-за прически. На свадьбе волосы у нее были гладко зачесаны назад и собраны в узел, а сегодня они локонами непринужденно рассыпались по плечам. С распущенными волосами она выглядела куда как женственнее. А если честно — просто шикарно выглядела.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась она, поскольку я продолжал молчать.

— Ты о чем?

— Грипп прошел?

— А, грипп, — печально вздохнул я. — Прошел вроде. Спасибо. А... ты что здесь делаешь?

Она снова картинно округлила глаза:

— То же, что и ты, полагаю.

— Извини. Я так ошарашен, что плохо соображаю. Откуда ты знаешь Джени?

— Вообще-то она живет с моим братом.

Тут у меня отвисла челюсть. Я потряс головой, будто избавляясь от навяздения.

— Постой... Мэтт — твой брат?

Она кивнула с улыбкой:

— А что в этом такого? А ты решил, что я одна из подружек Джени?

— Так и есть, — признался я. — Сам не знаю, с какой стати.

— Потому что мыслишь штампами. Помнишь, как ты удивился, когда я сказала про гитару? Вот и сейчас то же самое.

Да, этой девушке палец в рот не клади. Я задумчиво пригубил минералку и изобразил раскаяние:

— Все мы во власти стереотипов.

С моей стороны это было замаскированное извинение, и Сара, как ни странно, именно так и поняла.

— Не надо обобщать, — усмехнулась она.

Пора менять тему, а то эта женщина сожрет меня заживо.

— Ну как тебе квартирка? — спросил я.

— Супер! Везет же некоторым. Прямо зависть берет! Ты уже сориентировался?

— Успел обнюхать все, кроме кабинета. Мэтт... то есть твой брат... Нет, ну бывают же в жизни совпадения! Мэтт болтал там по телефону.

— Пошли, это нужно видеть. — Сара решительно ухватила меня за руку и потащила через гостиную.

Остановились мы только в кабинете.

— Правда, впечатляет?

Комната, четыре на пять, действительно впечатляла. Две стены сплошь закрывали книжные стеллажи из мореного дерева, на полках плотно стояли увесистые тома. Мягкий золотистый свет заходящего солнца лился в комнату сквозь огромные окна, лишь слегка прикрытые тяжелыми, старомодными шторами. На внушительных размеров антикварном столе лежал смехотворно тонкий ноутбук. В углу, отображая результаты биржевых торгов за день, мигала изящная пластиковая коробочка — наверное, терминал Блумберга[3]. Вот это кабинет так кабинет. Классический интерьер в сочетании с современными техническими наворотами. Так и помереть недолго — от зависти.

— Славный уголок для писателя, правда? — заметила Сара.

— Не то слово.

Я оглянулся на нее. Она поймала мой взгляд и чуть заметно улыбнулась. В кабинете было тихо, гам вечеринки остался за тяжелой дверью, и вряд ли кто из подгулявших гостей мог сюда вломиться. Я продолжал смотреть на Сару. Красивая. Образованная. Умная. Мне вдруг захотелось узнать ее поближе. Встретиться. Выпросить номер телефона... Но слишком уж решительно и недвусмысленно она себя вела. Я не готов к такому натиску. Отведя взгляд, я стал рассматривать фотографии, висевшие над столом. Странные для кабинета фото. Особенно меня впечатлил черно-белый пейзаж — засыпанный снегом Центральный парк. На фоне белой дорожки чернел одинокий силуэт, над которым сходились черные ветви.

— Классный снимок, — искренне восхитился я.

— Спасибо.

— Это *твое*? — изумился я.

Сара кивнула:

— Помнишь снегопады в девяносто шестом?

— Да.

— Я в первый же день с утра пораньше, пока снег был чистый, выскочила на улицу и отщелкала пару пленок. — Она задумчиво улыбнулась, глядя на фотографию. — Забираясь по холму к «Метрополитен», заметила этого человека. Он медленно брел по аллее. Это было так красиво. Но после того как я сфотографировала, мне почему-то почудилось, будто я украла всю эту красоту.

Словно под гипнозом, я открыл рот, чтобы немедленно пригласить ее на свидание, но, опомнившись, спросил:

— Ты училась фотографии?

— Нет. Это увлечение, так, снимаю от случая к случаю. Хотя мне очень нравится фотографировать. Жаль, времени вечно не хватает.

Я кивнул и снова посмотрел на снимок. Рядышком висело расплывчатое фото Джени в компании Альберта Гора[4].

— Как ты относишься к Элу Гору? — светски спросил я.

Сара, похоже, слегка опешила, но вида не подала.

— Никогда не думала об этом. Кажется, у него не все в порядке с имиджем.

— То есть?

— Его не воспринимают так, как воспринимали Клинтона. Особенно женщины.

— Но ведь они из одной политической команды.

— Я не о том. У него нет харизмы. — Она криво усмехнулась. — Вообще-то, мне полагается презирать Клинтона за то, как он обошелся с Хиллари и дочерью. По-женски презирать. И по-человечески. То есть я, конечно, не оправдываю его, но... — Сара замолкла, словно почуяв мое неодобрение. — Просто... почему-то он мне *симпатичен*.

— Да? И чем же? — Я выдавил натянутый смешок.

— Во-первых, он демократ. Это самое главное. А еще... он умный, отчаянный, уверенный...

— Скажи лучше, самоуверенный.

— И все равно он классный.

Господи, да что она несет!

— Согласись, в нем что-то есть. Он такой... сексуальный! — И Сара прыснула, как девчонка-малолетка.

— Ты не в курсе, где здесь туалет?

Улыбка сползла с лица Сары.

— Э-э... да, конечно, по коридору направо.

Через десять минут я позорно сбежал, так и не узнав номер ее телефона. Я лишний раз убедился в правильности своего решения — к черту женщин.

Глава четвертая

Если у меня и оставались какие-то сомнения относительно женщин, на следующий день они улетучились окончательно.

Я бездельничал у себя в конторе, когда в дверь постучали и в кабинет заглянула Карен.

— Можно тебя на минутку? — плаксиво спросила она.

Карен тридцать шесть, и она до сих пор не побывала замужем. По-своему она даже хорошенькая: маленькая, худенькая, с рыжеватой шевелюрой (понятное дело, крашеной) и темными испуганными глазами. Я уже несколько лет подрабатываю ее главным консультантом по мужикам. А их в жизни Карен пруд пруди. Обычно треп с Карен меня несколько не напрягает, пожалуй, даже наоборот. Я ощущаю себя одновременно вуайеристом и великим психоаналитиком. Но в то утро у меня не было настроения выслушивать ее нытье. И если бы Карен не выглядела так жалко, я бы просто вытолкнул ее за дверь.

Итак, она бухнулась в кресло напротив и залилась слезами.

— Что на этот раз?

— Меня бросил Дана, — прохныкала она.

— Это который по недвижимости?

Карен мрачно кивнула. В жизни не видел этого Дану, но мне он не нравился. Я инстинктивно опасаюсь типов со странными именами.

— Мои соболезнования, — соврал я.

— Все шло так чудесно, — всхлипнула Карен, утирая нос бумажной салфеткой. — И вдруг, ни с того ни с сего, он *бросает* меня.

Она зарыдала с удвоенной силой. Я молчал и думал о своем.

— Ну что за народ эти мужики, — горько выдохнула наконец Карен. Потом еще раз высморкалась в салфетку и сверкнула на меня глазами, требуя проявить солидарность.

Но вместо того чтобы поддержать ее, я выложил все напрямик. Сколько можно наступать на одни и те же грабли? В конце концов, не девочка уже, минимум двадцать лет стажа в любовных делах. Так почему — нет, это просто уму непостижимо — приходится втолковывать ей одно и то же?

— На какой раз ты запрыгнула к нему в постель?

Карен разве что не вздрогнула. Посмотреть на нее — оскорбленная невинность, да и только.

— Вот только не надо смотреть на меня так, — предупредил я.

Карен уставилась в пол.

— И врать мне не надо.

— На втором свидании, — мрачно буркнула она.

У меня вырвался невольный смешок:

— Ну тогда все понятно.

У Карен вытянулось лицо.

— Это почему?

— Господи, да потому! Мы же с тобой уже это обсуждали. Сколько можно?

— Но после этого прошло четыре месяца.

— Ну и что?

— И он постоянно звонил мне. И мы встречались.

Карен замолчала и уставилась на меня.

— Что с того, что встречались? — устало сказал я. — Это ничего не меняет.

Тут она выложила свою козырную карту:

— Он клялся, что любит меня.

— Карен, я тебя умоляю.

— Но...

— Мужчины не женятся на доступных женщинах. И ты это знаешь.

Она гордо вскинула голову и прожгла меня взглядом. Ни одна женщина не признает, что она доступная, даже если переспала со всем городом.

— Чему тебя учили всю жизнь, а? Чем меньше предложений, тем выше спрос. — Я перешел на язык финансов — может, так до нее дойдет. — Инфляция неизбежно приводит к девальвации. Понимаешь?

Карен снисходительно кивнула, будто я читал ей лекцию о пользе регулярной чистки зубов.

— Мужчины по своей природе — собственники. Мы любим то, что принадлежит исключительно нам. Свою территорию. Своих женщин. — Я как можно строже посмотрел на Карен и сдвинул брови. — Доступные женщины — это слишком ненадежно. Ты уже это проходила.

— Но как он догадался, что он далеко не первый?

— Ну, если ты прыгаешь к нему в койку на втором свидании, поверь, тут есть над чем поразмыслить.

Карен еще выше вздернула подбородок, глаза ее уже буквально полыхали ледяным огнем. Но я не дрогнул.

— Мужчина убежден: если женщина согласилась переспать с ним, значит, она спит со всеми подряд. Вряд ли именно он оказался таким исключительным.

Припертая к стенке, Карен ушла в глухую оборону.

— Знаешь, он ведь тоже *не сопротивлялся*. — Она чеканила каждое слово. — Сам был не прочь, *еще как* не прочь.

— А ты думала! Если ты сама навязываешься, что ж ему отказываться?

— Но в этом же нет никакой логики!

— Как раз наоборот, абсолютно логично. С какой стати мужчине отказываться от того, что женщина преподносит ему на блюдечке с голубой каемочкой? И с какой стати ему думать, будто очередная куколка, запрыгнувшая к нему в постель, — та самая, единственная? Пойми, самый надежный способ убедиться в том, что ты достойна стать его женой и матерью его прелестных деток, это испытать тебя. Спровоцировать. А если ты поддашься и не выдержишь испытания, то он просто получит удовольствие. Ситуация беспроигрышная.

Я замолчал. Карен сидела с остекленевшим взглядом.

— Выходит, ты предлагаешь мне вообще ни с кем не спать? — наконец спросила она.

Я тяжело вздохнул:

— Господи, да нет же! Ведь мужчина никогда не женится на женщине, с которой он ни разу не переспал.

— *Что?*

— Согласись, это вполне естественно. Брак заключаешь на всю жизнь. Ну или надолго. Надо же убедиться, что вы совместимы.

— То есть если я запала на парня, то мне не следует спать с ним слишком

рано, иначе он подумает, что я шлюха, и бросит меня. Так, что ли?! Но в то же время я обязана забраться к нему в штаны, иначе он решит, что я фригидная, и отошьет меня. Так, да?!

— Зришь в корень.

— И как же определить, когда не слишком рано, но и не слишком поздно?

— А вот это загадка. У каждого свой таймер.

Карен даже не потрудились скрыть свое презрение:

— По-твоему, я должна подстраиваться под эгоистичные прихоти *мужиков* ?

— Ты просто должна контролировать себя. Тебе самой решать, когда, с кем и сколько раз. Если тебе приспичило перепихнуться — твое право. Но если ты хочешь кольцо на палец, может, не стоит так гнать?

— Но вам-то, кобелям, позволено гулять налево и направо!

— Не то чтобы *позволяется*. Просто большинство женщин ничего другого от мужчин и не ждут. Они привыкли считать, что мужики — сволочи, что это норма, с которой приходится мириться. Мол, все они одинаковы, и чего с них взять. — Я пожал плечами. — У нас же более высокие требования.

— Это несправедливо! — заорала Карен.

— Никто и не говорит, что справедливо. Но такова жизнь.

— Да пошел ты!

Несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами, потом я откинулся на спинку кресла и распахнул окно позади себя. Затем мы молча поменялись местами — как всегда после тяжелых психологических сеансов. Карен уселась за мой стол, порылась у себя в сумочке, вытащила сигарету и закурила. Она судорожно затягивалась и выдыхала дым в окно.

— А почему ты ни разу не сосватал меня кому-нибудь из своих приятелей? — вдруг спросила она.

— Думал, тебе не нужна помощь.

Карен сделала еще одну длинную затяжку. Она выглядела измученной и обессиленной.

— Теперь нужна.

* * *

Вечером я обнаружил в почтовом ящике большой пухлый конверт. Моя последняя рукопись. Очередной журнал отослал ее обратно.

Я механически открыл конверт и заглянул внутрь. Так и есть. К первой странице моего творения кто-то прилепил записку следующего содержания:

Уважаемый мистер Лафферти,

благодарим Вис за предоставленную рукопись.

Безусловно, в Вашем творчестве заметен большой потенциал, но, к сожалению, присланный нынешний материал показался нам настолько однобоким и плоским, что разочаровал нас.

Желаем успеха в поисках издателя.

Редакция.

Вот интересно, будучи «однобоким» и «плоским», мог ли мой рассказ *не* разочаровать их?

Глава пятая

Два дня спустя, в субботу, я столкнулся с Алексом в спортзале. Накануне он ходил на свидание. Познакомился с кем-то в метро. Тоже мне, нашел место для знакомств. И похоже, все закончилось не так, как он рассчитывал.

— Неужели такая уродина? — изумился я, увеличивая вес штанги.

— Да нет, нормальная вроде. Мордашка там, фигурка. И сынишка у нее славный. Но у нее язык проколот, а я этого не переношу.

— То есть у нее в языке железяка? — развеселился я.

Алекс сморщился:

— Ужас как противно. Я даже целоваться с ней не смог.

— Куда же ты смотрел, когда знакомился?

— Наверное, она ее специально нацепила для такого случая. — Его аж передернуло. — Куда катится молодежь? Что за мания дырявить себя где ни попадя? Откуда это вообще пошло? В *наше* время такого точно не было.

— Говорят, это способ самовыражения.

— Самоувечья, вот чего это способ, — пробурчал Алекс. — Это как те придурки, что как-то раз показывали у Опры[5]. Прикинь, они настолько офигели от своей тупой житухи, что режут руки и ноги бритвами ради новых ощущений.

Теперь меня передернуло — от изумления.

— И давно ты смотришь Опру?

— Да всю жизнь.

— Ты же в это время на работе?

— Ее повторяют вечером, после новостей в одиннадцать. Просто класс. Очень советую.

— Это же передача для женщин.

— Ничего подобного, это передача о женщинах, — поправил он. — А для нас с тобой золотая жила. Там все: о чем женщины думают, что им нравится, что их раздражает, какие книги они читают. Чего они хотят от мужиков. Что их возбуждает.

— И что, обо всем этом там говорят?

— Ага. В этом шоу есть все, что нужно знать, чтобы затащить красотку в постель, — прокряхтел Алекс сладострастно. — Seriously, чувак, им стоит ориентировать вечерний повтор на мужиков. Может, даже переименовать, ну, типа «Как ублажать женщин».

— Надо будет поглядеть, — сказал я почти серьезно.

— Так вот, не то чтобы я против пирсинга в принципе. Например, проколотые уши — это нормально. Меня даже дырявый пупок не раздражает, по-своему сексуально. Но *губы*, или *брови*, или *нос*, или... *язык*! Это же, на хрен, *омертельно*. И как назло, половина моих знакомых прокололи себе языки!

— Я слышал, от этого оральный секс только слаще.

— Я тоже чего-то такое слышал. — На лице Алекса отразились недоверие и ужас. — Но это же *извращение*. Может, я и идиот, но стараюсь держать свой инструмент подальше от колюще-режущих предметов.

— Полностью согласен, — ухмыльнулся я.

— Молоденькие свистушки, конечно, дело хорошее, но в последнее время я все чаще размышляю, не переключиться ли на ровесниц. У них тоже полно

тараканов в башке, но по крайней мере металлоискатель на их языки не реагирует.

— Слушай, а Тошнотик все еще жива?

Алекс пожал плечами:

— Наверное. Может, звякнуть ей?

Пару лет назад мы с Алексом условились запоминать его многочисленных подружек по какой-нибудь особой примете. Запутаться в его женщинах ничего не стоило, к тому же имена часто повторялись. В основном мы давали простые и незатейливые прозвища, например, его новая знакомая получила кличку Дырявый Язык. Попадались и более оригинальные, вроде Прокурорши — помощницы окружного прокурора, склонной к легкому садо-мазо. После пары экспериментов подобные «забавы» не столько возбуждали Алекса, сколько пугали.

Тошнотик работала на телевидении. На втором свидании они с Алексом отправились в ресторан, где выдули две бутылки вина, и, судя по всему, дама не рассчитала свои силы. Все обошлось бы, если б им не захотелось пойти в кино — целоваться в темном зале и все такое. Ковыляя по вестибюлю кинотеатра, бедолага еле переставляла ноги на шпильках, а потом и вовсе рухнула физиономией в пол. После того как ее подняли и мало-мальски привели в чувство — интересно, кто в этот момент испытывал большую неловкость? — она заявила, что в полном порядке. Но через десять минут после начала сеанса, когда действие алкоголя усилилось, ее вывернуло прямо на сидящих впереди зрителей. А наутро она проснулась с таким смачным фингалом, что ей пришлось звонить на работу и просить больничный. Отсюда и прозвище.

— Не знаю, — нахмурился Алекс, — наверное, мне нужно встряхнуться. У тебя нет никого на примете?

После минутного колебания и вопреки здравому смыслу я сосватал ему Карен. В конце концов, взрослые люди, сами разберутся.

— Она работает в банке, — объяснял я, отжимаясь. — Мы знакомы уже много лет.

— А почему ты раньше о ней ничего не рассказывал? — насторожился Алекс.

— Да как-то не представлял вас вместе.

— А сейчас вдруг взял и представил?

— Ну... раньше ты не интересовался нашими ровесницами. А Карен как раз тридцать шесть, вот я и вспомнил о ней.

— Да, но почему так вдруг, с бухты-барахты...

Вот ведь прицепился.

— Ладно. Она недавно рассталась с другом и пару дней назад спросила, нет ли у меня подходящей кандидатуры. Не хочешь — не встречайся.

— Нет, нет, наоборот. Это же клево! — затараторил Алекс воодушевленно. — Дамочка после недавнего разрыва — это то, что надо. Тяжелые переживания собственной неполноценности. И сексуальная месть. Особенно если их бросили. Он ее бросил?

— Алекс, я не знаю. — Я уже раскаивался, что заикнулся о Карен. — Мы с ней хорошие друзья, и сейчас она вся на нервах. Может, Карен и не лучший вариант.

— Напротив, это классный вариант! Да ты не волнуйся. Все будет тип-топ. Я

буду вести себя как истинный джентльмен.

Я вздохнул, не ожидая от этого знакомства ничего хорошего. Затем, скрипя от напряжения зубами, отжался еще несколько раз. Когда я обессиленно встал, Алекс заявил:

— Честное слово, пора в спортзалах ввести ограничения на одежду.

— Ты о чем?

Скривившись, он кивнул в сторону. Там размахивал легкими гантельками толстый старый хрыч. Черный обтягивающий костюм из латекса подчеркивал каждую выпуклость, каждую жировую складку. Я быстро отвернулся.

— Черт возьми, я не для того выкладываю по сто баксов в месяц, чтобы смотреть на всякую гадость, — возмущенно помотал головой Алекс.

Я сел на скамью.

— Я виделся с Сарой.

— С кем?

— С Сарой. Ну, помнишь, со свадьбы.

— Да ну? Позвонил? — Изумленная мина мигом сменилась широкой лукавой улыбкой. — Я знал, что ты позвонишь! Говорил же, что долго ты не удержишься.

— Я ей не звонил. Мы случайно встретились.

И я поведал Алексу про вечеринку, про Джени и про то, что Сара оказалась сестрой Мэтта.

— Смешно, да? Тесен мир.

— Это не мир тесен, дурень. Это судьба! — Алекс ехидно ухмыльнулся.

Я махнул рукой:

— Обычная случайность.

— Ага, случайность, — передразнил он. — В Нью-Йорке каких-то восемь миллионов человек. То и дело натыкаешься на знакомых. — Еще одна двусмысленная ухмылка. — Надеюсь, на этот раз ты не терял времени даром?

— Да, мы очень мило поболтали. — Я снова плюхнулся на тренажер, собираясь подкачать пресс. Как говорится, крепче пресс — чаще секс.

— И?..

— Что «и»?

— Когда свиданка?

— Никогда, — прокряхтел я.

— Ты что, и телефончик у нее не взял?

— И не думал.

— Ну ты и козел!

— Господи, Алекс, что ты никак не угомонишься?

— Да я просто понять не могу, в чем твоя проблема.

— Нет никакой проблемы.

— Ошибаешься, есть. Я же не слепой. Чувак, Сара — девушка высший класс. И фигурка ничего, и мозги на месте. Редкая комбинация. Любой бы на это повелся. К тому же ты ей нравишься. А тебе плевать. Тебе до лампочки. И мне интересно — почему?

— Потому что она шизанутая!

— Шизанутая? — удивился Алекс. — Да с чего ты взял?

— Ты знаешь, что она мне заявила? Мол, Билл Клинтон сексуальный! — Я делал ударение на каждом слове, будто сам не мог в это поверить. — Представ-

ляешь? Билл Клинтон! *Сексуальный!* Билл, который так гордится своим членом, что разгуливает по Белому дому со спущенными штанами. *Сексуальный, мать твою!* И это говорит женщина, которую ты считаешь умной!

— Джек, не надо впутывать политику в любовные дела...

— Дело не в политике! — заорал я. — Я сам за него голосовал! Ладно бы она ценила его как политика! У него с этим все нормально. Но она ведь не то имела в виду. Он ей нравится как *мужик!* — Меня передернуло. — Я, говорит, понимаю, что не должна симпатизировать ему. То есть как человек. А как женщина я должна вовсе ненавидеть Клинтона за то, как он обошелся с женой и дочерью. Но я, говорит, не могу ничего с этим поделать! — И я захлопал ресницами, изображая куклу Барби.

— И чего ты так завелся? — Мой монолог не произвел на Алекса никакого впечатления.

— Меня это злит! Бесит! Как может уважающая себя женщина считать Клинтона привлекательным? Посмотри на него: в нем же нет ничего, на что могла бы позариться нормальная девушка. Опозорился сам, оскорбил жену и дочь, а Саре он кажется *сексуальным!*

Пока я разорялся, Алекс пялился на меня, и лицо его оставалось абсолютно бесстрастным.

— Черт побери, бабы же вечно вопят, что мы думаем не головой, а членом, — продолжал я. — Но по крайней мере, мы не малодушничаем! А женщины... они же просто шизанутые! Визжат и топают ногами, требуют уважения и равенства, защиты от сексуальных домогательств, но тут же заводятся и стонут при виде мужика, который обращается с ними как со спермоприемниками! Они утверждают, что ищут примерного семьянина, который будет мыть посуду, менять пеленки, играть с детьми, но на самом деле ищут Джона Кеннеди! Все они заявляют, что им нужен примерный семьянин Альберт Гор, а в действительности вождедеют кобеля Билла Клинтона!

— Обращайся с женщинами как с грязью, и они к тебе присохнут, — глубокомысленно заметил Алекс.

Откровенно говоря, я никогда раньше не слышал этого выражения, зато вспомнил вдруг другое, очень похожее.

— Всякая женщина обожает фашиста, — процитировал я.

— Вот именно, — отозвался Алекс. — Неплохо сказано, Хемингуэй.

— Это не я придумал, а Сильвия Плат.

— Одна из твоих подружек? — заинтересовался Алекс.

Я автоматически кивнул, погруженный в свои мысли:

— Ее тоже бросили.

— Правда? Она еще свободна?

— Не в твоем вкусе, — отрезал я и направился к другому тренажеру.

— Дело в том, — Алекс не отставал от меня, — что женщин притягивают сильные, уверенные в себе мужчины. Конечно, они хотят уважения, равенства и всего остального. Но все равно им нужен настоящий мужик, который возьмет власть в свои руки.

Я остановился и посмотрел на него с любопытством.

— А почему? — распалялся Алекс. — Потому что подсознательно они хотят, чтобы их покорили. Чтобы их пленили. Овладели ими. Продемонстрировали силу.

Я отвернулся и двинулся дальше.

— Не изнасиловали, — поспешно объяснил он, — а схватили. Как Ингрид Бергман в «Касабланке» или как Скарлетт. Помнишь, как в «Унесенных ветром» Ретт подхватывает ее на руки и тащит вверх по лестнице? Вот этого женщине и нужно. Сила и романтика. Им нужен Богарт. Или Хемингуэй, — добавил он, полагая, что хоть это меня заденет. — Или Джон Уэйн. Мужчина, который не знает отказа. Они хотят, чтобы их таскали за волосы.

Я нарочито громко вздохнул.

— Я тебе говорю, чувак! Вспомни Кинг-Конга: горилла похищает блондинку и утаскивает с собой. Эта тварь готова убить любого, кто посягнет на ее игрушку. И что блондинка? Сперва ей страшно до одури, а потом она втюривается в гориллу, тоже до одури.

Я с сарказмом смотрел на него. Алекс поймал мой взгляд и нахмурился.

— Ну ладно... А ты глянь, кого рисуют на обложках этих дебильных любовных романов, которые американки хавают миллионными тиражами. Не Шварценеггера. И не Фила Донахью, которого хоть в платье выряди, все равно останется мужиком. А этого красавчика Фабио! Пещерного человека двадцать первого века!

— Значит, по-твоему, чтобы пользоваться успехом у женщин, надо стать неандертальцем?

— По-моему, нужно давать им то, что они хотят. Нужно опуститься до их уровня. — Алекс замолчал, оглянулся на пыхтящего в углу толстяка и снова повернулся ко мне: — По-моему, Джон Уэйн никогда не носил латекс.

Я вдруг представил картину: Джон Уэйн — настоящий ковбой с обветренным лицом, крепко сидящий в седле, — облачен в обтягивающее трико. Жуть!

Глава шестая

Любовные истории сродни снежной лавине, цунами или урагану: если угодил в эту стихию — спасения не жди.

Через пару дней после нашего с Алексом разговора я обнаружил на автоответчике сообщение от Джени.

— Привет! — весело и беззаботно щебетала она. — Вот решила звякнуть, поблагодарить, что нашел минутку завернуть на день рождения. Жаль, не удалось поболтать как следует. Приволоклось больше народу, чем мы рассчитывали. И потом, ты так быстро слинял! Куда-то торопился?..

Не надо быть Кассандрой, чтоб предугадать, что будет дальше.

— Заметила, ты болтал с сестрой Мэтта. Замечательная де-е-е-вушка-а-а, — протянула Джени со значением. — К тому же *не замужем*.

Хотя в комнате никого не было, я непроизвольно закатил глаза.

— Кстати, — продолжала она, — не собираешься прошвырнуться в Мет[6] на следующей неделе? Ты ведь, кажется, все еще член благотворительного клуба?

Ну, в общем, да. Хотя я об этом почти забыл.

Несколько лет назад, когда мне удалось скопить немножко денег, я решил заняться благотворительностью. Ежемесячно выкладывал пятьсот долларов на поддержку музея «Метрополитен», Городского балета Нью-Йорка и Публичной библиотеки. Это не давало мне права носить гордое звание «меценат», но повышало самооценку, сокращало налоги и позволяло посещать лекции, спецпоказы и представления, самый пафосный из которых — ежегодный бал-церемония. Когда присутствие на презентациях не обязанность, а редкая возможность приодеться и выползти в свет, ждешь их с нетерпением. Особенно если учесть, что там всегда толкуются дочери и племянницы корпоративных боссов. Конечно, эти расфуфыренные девицы не лишены снобизма, и мода их обычно интересует гораздо больше, чем книги, картины или балет, зато они весьма недурны собой и умеют прикинуться утонченными штучками. Несколько моих выходов в свет заканчивались приглашением продолжить вечеринку в особняках Лонг-Айленда или Коннектикута, а пару раз дело даже дошло до постели. Пусть воспоминания и не самые яркие, зато роскошные апартаменты хорошо запомнились.

— Я отчаливаю в Чикаго по делам, — ворковала Джени, — поэтому прийти не смогу, но там будет Мэтт. Он представляет фирму, и... — опять этот бесстыжий тон, — Мэтт рассчитывает, что Сара составит ему компанию. Ну, это так, к слову. — Смешок за кадром. — Пока, дружочек.

* * *

Что ж, шикарная нью-йоркская вечеринка сейчас как раз то, что надо. Приемы в «Метрополитен» и другие «подшефные» мероприятия я забросил с тех пор, как расстался с Ким. Она обожала церемонии и все с ними связанное: ощущение избранности, возможность повыпендриваться, блеск, великолепие и всю эту шикарную мишуру. Естественно, любая подобная вылазка ассоциировалась у меня исключительно с Ким. Но нельзя же киснуть до бесконечности! Пора немного развеяться, а заодно и приобщиться к достижениям культуры. К тому же вполне возможно, что светская болтовня под изысканные перебивы струнного квартета пойдет на пользу моему душевному состоянию.

Правда, меня изрядно раздражало и беспокоило неприкрытое сводничество Джени. Мало того, что мне предстоит оказаться там, где мы бывали исключительно с Ким, так еще прикажете держаться начеку и ни на секунду не забывать о Саре Митчелл и матримониальных планах моей давней приятельницы.

Несколько дней я старательно взвешивал «за» и «против», а потом все же решил рискнуть. Наверняка туда звали целую толпу, и мне не составит труда скрыться от Сары и Мэтта. Может, я их и вовсе не увижу. Да и должен же я хоть что-нибудь поиметь за свои кровные пятьсот монет.

* * *

В тот вечер Манхэттен накрыл антициклон. Душный день сменился прохладным вечером, а липкая влажность уступила место бодрящему ветерку. Яркое освещенный «Метрополитен» сиял на фоне ночного неба, напоминая гигантский бриллиант.

Я поднялся по широкой парадной лестнице, прошел через главный вход и словно попал в другую эпоху. Меня всегда поражало, как преображался Большой холл в подобных случаях. Огромное помещение больше всего походило на рыцарский зал какого-нибудь старинного замка, а никак не на вестибюль музея. Эта иллюзия создавалась при помощи сложного освещения: сверху лился интимный свет, а развешанные по периметру цветные прожекторы разбрасывали красные, зеленые и белые огни по высоким стенам и своду. Причудливые деревья и кустарники в огромных кашпо заслоняли скучные мраморные стены, превращая холл музея в подобие волшебного сада. Спрятанный в одном из таких уголков «дикой природы» струнный квартет играл Моцарта. Для удобства гостей в каждом углу вестибюля устроили бар, а по залу сновала целая армия официантов. В черных брюках, белых фраках и с серебряными подносами, они ловко маневрировали между гостями, предлагая закуску и напитки.

В музее, как я и думал, собрались сотни мужчин и женщин — сплошь смокинги и вечерние платья от-кутю. Я молча рассматривал изысканную толпу, и все мое существо наполнялось трепетом и восторгом, знакомым только обитателям Манхэттена. *Вот он — Нью-Йорк!*

На входе меня оделили буклетом, в котором организаторы нахваливали вполне стандартную программу вечера: пара часов на коктейли в Большом холле и осмотр новых экспозиций, далее ужин и танцы в Храме Дендура[7]. К счастью, музейные залы достаточно просторны, так что будет легко отследить приближение Сары и вовремя смыться. Увижу ее издалека и стремительно растворюсь в толпе. Будто меня и не было.

Спустя полчаса я действительно заметил Сару и Мэтта — они болтали в кружке из пяти-шести человек. И опять, уже во второй раз, ее внешность поразила меня. Волосы Сара снова закрутила в тяжелый узел — как в день нашего знакомства, но выглядела при этом совершенно иначе. Скорее всего, все дело было в наряде. Пожалуй, по части элегантности Сара превзошла всех присутствующих дам: великолепное платье из ярко-си-него струящегося атласа, с глубоким вырезом и микроскопическими, едва заметными бретельками. И как последний штрих — двойная нитка жемчуга, нежно обвивавшая шею. Супер — вот единственное слово, каким я мог бы описать сегодняшнюю Сару. Я едва не присвистнул от восхищения.

Восхищение восхищением, но я остался верен данному себе слову. Женщины отныне меня интересуют лишь умозрительно, а сегодняшний мой выход в свет — это прежде всего ради поднятия душевного тонуса. Молодой, уверенный в себе человек возвращается к жизни — вот в чем суть предпринятой вылазки. Конечно, стоит вспомнить былые навыки и приемы, которые я успел подзабыть, так что легкая тренировка мне не помешает — как спортсмену, залечившему травму. Непринужденный, ни к чему не обязывающий флирт — вот моя тренировка. Но ничего серьезного. К тому же вон сколько красоток сюда набежало, элегантных, богатых и готовых на все. Так что, дорогая Сара Митчелл, вы в полном пролете, вы меня не интересуете. Как говорит Алекс, на пляж со своим песком не ходят, а тут песка видимо-невидимо.

Но пока я занимался этим самовнушением, Сара обернулась, заметила меня, дружески улыбнулась и... И все. Не помахала мне рукой, не предложила подойти. И уж точно не бросилась мне навстречу. Сдержанно улыбнулась, отвернулась и продолжила трепаться как ни в чем не бывало.

Вот черт, меня это задело. Не знаю почему, но задело. И чем дальше, тем больше я дергался.

Я изо всех сил старался вести себя так, как принято на подобных мероприятиях: фланировал по залу, расточал улыбки и кивал при виде любой мало-мальски знакомой физиономии, изредка даже останавливался, чтобы перекинуться словом-другим. Но я никак не мог сосредоточиться и приступить к осуществлению своего плана. Иной раз в самый разгар беседы я отвлекался проверить, что там поделывает Сара, и, естественно, терял нить разговора, а потом ловил на себе изумленные взгляды: видимо, мне задавали вопросы, которые я просто-напросто пропускал мимо ушей.

Поскольку я никак не мог найти себе места, то решил прибегнуть к старой тактике, знакомой еще со школьных времен. Прячась за спинами официантов, моих невольных соучастников, я медленно приближался к Саре, стремясь очутиться в ее поле зрения. А достигнув нужного места, принялся там болтать с независимым видом, ни с кем не заговаривая и изображая беспомощного идиота — вот, мол, один я одинешенек, поговорить и то не с кем. Сара наверняка меня видела — неприкаянного, точно буй на волнах, — но даже бровью не повела. Просто ноль внимания. Она меня явно игнорировала, что не могло не раздражать. И, сознавая свое раздражение, я раздражался еще больше.

Пораскинув мозгами, я понял, что свалил дурака, когда бесцеремонно, не попрощавшись, свалил со дня рождения Джени. Неудобно вышло. Как-никак, мы с Сарой болтали, даже какая-то искорка между нами проскочила, а я вдруг взял и сбежал. Исчез, не сказав ни слова. Наверняка ее мой демарш обидел. Или хотя бы озадачил. Меня бы такое поведение точно озадачило. Да что там озадачило — покорило бы! Но черт возьми, не мог я слушать всю эту ахи-нею про сексуального душку Билли Клинтона. Да и вообще, случались и более странные вещи, — например, когда Кристи Бринкли слиняла от Билли Джоэла [8]. Ладно, надо подойти самому и поздороваться. Может, даже извиниться за то свое исчезновение, наврать про срочные дела, свалившиеся как снег на голову. Словом, продемонстрировать хорошее воспитание.

Неторопливо обогнув толпу, я вплотную подкрался к Саре с фланга. Она увлеченно внимала какому-то идиоту с толстой шеей — явно спортсмен, пере-

квалифицировавшийся в банкиры. Искусственный загар, подтянутая фигура, элегантный смокинг... Толстая Шея распинался, как один из клиентов недавно прикупил подержанную яхту, а десятилетняя дочка клиента отрыла в одной из кают несколько пакетиков с кокаином. Сара из кожи вон лезла, изображая интерес, но получалось у нее крайне неубедительно.

— Какой ужас, — заметила она безучастно, дослушав рассказ до конца.

Толстая Шея загоготал:

— Я ему так и выдал: «Вот что бывает, когда экономишь и вместо новья покупаешь всякую рухлядь!»

Хотя Сару явно утомило его общество, я не желал навязываться, торчал себе с краю и терпеливо слушал этот бред.

— А вы чем занимаетесь? — просипел Толстая Шея, сверкнув отбеленными зубами.

— Я — юрист, — коротко ответила Сара.

— Правда? И в какой сфере?

— Боюсь, что в самой скучной — корпоративные тяжбы.

— Во как. А чем занимаетесь в свободное время?

Похотливый подтекст был очевиден. Этот парень просто на ходу подметки резал, но, как оказалось, не на ту напал.

— Свободного времени у меня просто нет. — Сара выдавила улыбку. — Сплошная работа.

Заметьте, ни слова ни про фотографию, ни про гитару. Сам того не желая, я обрадовался. Слегка сместился влево, чтобы Сара посмотрела на меня. Но она не посмотрела, хотя не заметить меня просто не могла. С каждой минутой мое положение становилось все более идиотским. Как полный придурок я мозолил ей глаза, а она в упор меня не видела. С этим пора было кончать, и я уже собирался отчалить, как Сара вдруг уставилась на меня и радостно вскрикнула:

— Джек!

И такая искренняя радость была в ее голосе, что я на мгновение даже поверил, будто мое появление стало для нее приятным и крайне неожиданным сюрпризом. Зато ее толстошейей собеседник полоснул по мне злобным взглядом, словно я только что увел его бумажник.

— Как поживаешь?

По идее, я должен был чувствовать обиду, но почему-то ничего такого не чувствовал.

— Надо же, все-таки решился.

— Что, прости?

— Сам знаешь что.

Сара взглянула мне прямо в глаза, чуть приподняв брови. Скрыть растерянность я не смог, и Сара, довольно хмыкнув, обратилась к Толстой Шее:

— Было приятно познакомиться.

— Может, как-нибудь встретимся, — удрученно пробормотал тот.

Но Сара уже отплыла от него на приличное расстояние. Я послушно следовал за ней. Мы миновали несколько «кружков по интересам» и добрались до бара. Сара заказала шампанское и повернулась ко мне:

— И почему же ты передумал?

— Насчет чего?

— Почему подошел ко мне?

Я изобразил недоумение:

— Что значит — почему?

— Откровенно говоря, мне казалось, ты так и исчезнешь, не сказав ни слова.

Я прикинулся, будто только что сообразил:

— Ты сердишься, что я тогда ушел по-английски.

— Сержусь? — удивленно переспросила она. — Не обольщайся. Хотя, надо признать, слинял ты ловко. Я даже решила, что, может, чем тебя обидела.

— Брось. Я тогда ушел так быстро, потому что обещал еще в одно место заскочить. К Джени я заглянул совсем ненадолго, собирался поздравить ее и сразу уйти. Хотел с тобой попрощаться, но ты с кем-то разговаривала, вот я и не стал мешать.

Тут я заметил, что Сара явно прокручивает в уме события того вечера, и попробовал сменить тему:

— Как тебе эта тусовка?

— Ужасно. — Она скривилась. — Шампанское сносное, и на том спасибо. Но на эти приемы, как правило, сбегаются главные зануды в городе.

— Это ты о них? — Я оглядел зал. — О нашей надежде и опоре, о высшем свете Нью-Йорка? О тех, кто спонсирует «Метрополитен» и знает толк в искусстве?

Сара расхохоталась.

— Побойся бога, Джек. Кто приходит сюда ради искусства? Да все эти люди заявили с одной целью — завести полезные знакомства или снять кого-нибудь. Только ради этого они и записались в меценаты.

Я покраснел.

— А избранные они только потому, — продолжала Сара, — что у них есть немного лишних денег. Только при чем тут искусство?

— А ты цинична.

— Цинична? Ты так считаешь? В нашем распоряжении целый музей, гуляй по залам, наслаждайся шедеврами сколько душе угодно. И сколько человек воспользовались этой возможностью?

Я огляделся. А ведь Сара права: в Большом холле не протолкнуться, здесь шумно и весело, а в музейных залах царит гробовая тишина. Разве что пара любопытствующих ошивается у входа в первый картинный зал.

— С таким же успехом можно было и в баре устроить эту вечеринку, — заметила Сара.

— Тогда зачем ты пришла?

Она напряглась, будто я ее подловил, и сухо ответила:

— Моему брату позарез требовалась спутница. А вот что ты здесь делаешь?

— Я тоже из меценатов. Так что решил прошвырнуться — на людей посмотреть, себя показать, а заодно выяснить, что из себя представляет новое поколение красоток. Глядишь, и мне что-нибудь перепадет.

— И как, перепало? Кого-нибудь подцепил?

— Так, приглядел парочку экземпляров.

Сара натянуто улыбнулась.

— Может, прервешь охоту ненадолго? Хоть узнаешь, куда идут твои денежки.

— Ну, если это поднимет мне настроение, я готов.

Сара показала на свой пустой бокал бармену, и тот с улыбкой наполнил его. Пригубив шампанское, она потащила меня сквозь толпу кутил и прожигателей жизни к главной лестнице. В атласном платье и жемчужном ожерелье, с бокалом шампанского в руке, Сара прекрасно вписывалась в рыцарский интерьер музея. Мы взобрались по лестнице под необъятные своды галереи и оказались у грандиозного полотна Тьеполо «Триумф Марии».

Наверху Сара повела меня по кругу. Мы миновали витрины с китайским фарфором, тарелками и вазами эпохи династии Цин и задержались у какого-то невзрачного чайничка, почему-то приглянувшегося Саре.

— Глазам своим не верю, — сказал я. — Только на прошлой неделе видел такой же в универмаге.

Сара ухмыльнулась и потянула меня дальше. Свернув направо, мы чуть не заплутали в плохо освещенных залах, под завязку набитых статуэтками, керамическими горшками и чеканкой с Кипра. Точнее, это я чуть не заплутал. Сара, похоже, знала музей как свои пять пальцев.

Наконец мы приблизились к длинному залу. Над входом висела табличка: «Живопись и скульптура Европы XIX века». Оставив за спиной древних киприотов, мы смело шагнули через две тысячи лет. Сам зал, в котором располагалась скульптурная галерея Кантора, отвечал духу времени: величественные неоклассицистские колонны, замысловатая лепнина на потолке. Яркий электрический свет, льющийся сверху, словно подчеркивал, что перед нами искусство нового времени.

Пройдя в глубь зала, мы повернули налево и оказались в просторном помещении, где висели картины Дега: сплошь обнаженные красотки, занятые туалетом. Названия замысловатостью не отличались: «Женщина обтирает руку», «Женщина обтирает ногу» и «Женщина расчесывает волосы». Словом, красотишки предавались главному занятию красоток во все времена — прихорашивались.

Сара остановилась у первой же картины, на лице ее проступила едва уловимая улыбка. Казалось, она рассматривает фотографию старого друга.

— Любишь Дега?

Она кивнула:

— Вообще импрессионистов люблю. Мне близок их подход к изображению мира. Мягкие краски, отрывистые мазки, игра света. А особенно нравится пастель, как у Дега. Она свободнее и смелее, чем масло. Знаешь, это вообще был великий период. Не только в живописи, но и в музыке.

— И в литературе, — добавил я.

Она резко обернулась:

— В литературе?

— Ага, старик Хемингуэй как-то сказал, что старался писать так же, как писал Сезанн.

— Правда? Потрясающе! — почти вскрикнула она, но продолжила уже поспокойнее: — Постой... а разве можно писательский труд сравнивать с работой художника? Это же огромная разница.

— А почему нет? Я не уверен, что точно Хемингуэй имел в виду, но, если подумать, труд писателя не так уж отличается от труда художника. Вот ты сказала про отрывистые мазки. А Хемингуэй любил писать отрывистыми фразами

и описания предпочитал немногословные. Он старался писать беспристрастно, объективно, не приукрашивая и не вдаваясь в пространные рассуждения. Просто рассказывал о жизни, какой он ее видел. В точности как импрессионисты.

— Действительно, — чуть слышно сказала Сара.

Мы медленно двигались по комнате, ненадолго притормаживая перед каждой картиной. Я чувствовал легкую неловкость, разглядывая обнаженных женщин в присутствии Сары. Решив разрядить обстановку, я попробовал сосчитать:

— «Плейбой» девятнадцатого века.

Сара оглянулась.

— Ты что, издеваешься?

— А что? Так оно и есть.

— При чем здесь «Плейбой»? Как вообще можно сравнивать?

— Может, ты не заметила, но тут сплошная обнаженка.

— Разве это главное? Тут важны свет, текстура и техника. Важно изображение предмета, а не сам предмет.

— Тем не менее это голые женщины. Если бы Дега интересовали исключительно нюансы света и текстуры, он продолжал бы писать своих балерин. Или деревья, поля и пляжи. Но он писал голых баб.

— Что-то ты перевозбудился...

— Я просто пытаюсь тебе втолковать, что Эдгар и компания писали обнаженную натуру, потому что им нравилась обнаженная натура. Это сейчас можно скачать фотки из Интернета или купить журналчик в киоске. А тогда с этим было туго.

— Ты что, правда так думаешь? — Сара покрутила пальцем у виска.

Кажется, я вот-вот потеряю очки, так ловко заработанные всего несколько минут назад. Но, как ни странно, меня это ничуть не трогало. Более того, я с удивлением вдруг обнаружил, что совсем не прочь поругаться. Может, виной напруг — все-таки впервые за долгое время заявился в «Метрополитен», да еще без привычной подруги. А может, просто разозлился из-за того, что Сара весь вечер игнорировала меня. Или же испугался, что попался на ее крючок. В общем, неважно, по какой причине, но мне вдруг захотелось побыть в шкуре злобного карлика и побренчать на чужих нервах. Вывести Сару из равновесия. Посмотреть, какая она во гневе. И потом, любая точка зрения имеет право на существование, в том числе и моя. Особенно моя.

— Разумеется, я так думаю. Потому что так оно и было.

— Это же смешно! — возмутилась Сара. — Что тут общего с «Плейбоем»?

— А в чем разница?

— Да во всем!

— Например?

— А ты сам не видишь?

— Не вижу, так что объясни.

— Во-первых, женщины на картинах — самые обычные, если хочешь, обычные. Это не нимфы с полуоткрытыми ртами, о которых вы, мужчины, вечно грезите. Это здоровые, пышные женщины, а не вешалки с силиконом. У них большие ягодицы, толстые бедра, складки жира на талии и обвислая грудь. Когда в последний раз ты видел таких в «Плейбое»?

— Так себе аргумент. Просто в те времена мужчинам нравился другой тип женщин. Вкусы меняются. Если бы Дега жил в наши дни, он позвал бы в натурщицы кого-нибудь вроде Синди Кроуфорд. Еще аргументы? — Я старался говорить как можно беззаботнее. Не то чтобы мне хотелось победить в этом споре, и все же...

Но Сара не собиралась сдаваться.

— Хорошо. Если ты приглядишься повнимательнее, — тон ее уже мог сойти за надменный, — то заметишь, что женщины не позируют. Не смотрят вожде-ленно на художника. Не лежат, раздвинув ноги. И не ползают на четвереньках, нелепо изогнувшись и оттопырив задницы.

Так-так, всего за пару минут мы перешли от «ягодиц» к «заднице».

— Они заняты обычными, повседневными заботами. Принимают ванну, вытираются, расчесывают волосы. Они даже не замечают, что на них кто-то смотрит. К твоему сведению, Дега однажды признался, что писал своих женщин так, будто украдкой подглядывал за ними. Что его купальщицы вели себя естественно и непринужденно, как кошки, когда те вылизывают себя.

— Дега украдкой подглядывал, как женщины вылизывают себя? — поразился я, с трудом сдержав смех.

— Как кошки вылизывают себя, извращенец.

Я не выдержал и громко расхохотался.

— И еще, заметь, натурщицы не симулируют блаженный экстаз. На большинстве картин, — Сара обвела рукой зал, — ты даже лиц их не увидишь.

— Если подумать, это еще хуже. Выходит, твой Дега женщин и за людей-то не считал. Натурщицы для него были безликой плотью.

— Ну, это уже ни в какие ворота... — возмутилась Сара и, вспомнив про свой бокал, отхлебнула шампанского.

— Почему тебе так претит мысль, что Дега был обычным мужиком и любил смотреть на голых женщин? Неужели это умаляет ценность его картин? Разве женщины сами не мечтают казаться привлекательными и сексуальными? Да все замужние женщины жалуются, что для своих мужей они только матери да кухарки, и вечно ноют, что мужья засматриваются на малолетних свистушек. Вы ведь сами хотите, чтобы в вас видели объект желания.

— Мы хотим, чтобы в нас видели *личность*, — объявила Сара. — Личность, а не какой-то там объект. А в желании казаться привлекательной нет ничего зазорного! — Она уже почти кричала.

— Тогда нет ничего зазорного и в том, чтобы воспринимать женщину как сексуально привлекательную личность, правда? А если так, то почему Дега не мог писать голых женщин только потому, что ему нравилось на них смотреть?

— Не мог!

— Да почему?

— Потому! Я уже все тебе объяснила!

Ого, неслучайно говорят, что гнев красит женщину.

— Ты что, меня совсем не слушаешь? Если бы Дега писал женщин для того, чтобы взбудоражить свое воображение, он делал бы это иначе! Ты посмотри на эти картины. Разве можно, глядя на них, думать, что Дега был импрессионистом-вуайеристом?!

— Но это все равно голые женщины. И с этим ничего не поделаешь, —

невозмутимо сказал я.

— Да что ты как заведенный талдычишь «голые, голые». Они не *голые*, а *обнаженные*.

— Какая разница...

— Большая. Серия называется «*обнаженные*», а не «*голые*».

— Это нечестно, — возмутился я. — У тебя кончились аргументы, и ты начинаешь придираться к словам.

— Все честно! Не мне тебе объяснять, какое значение могут иметь слова.

— Тогда тебе, наверное, будет неприятно узнать, что, по-моему, «обнаженная» звучит даже более эротично, чем «голая».

— По-моему, тоже.

Я изумленно уставился на нее.

— А что тут такого? — Сара пожала плечами.

— Все это время ты утверждала, что картины Дега — чистое и непорочное искусство. Что в них нет и намека на эротику. Что женщины на картинах *обнаженные*, а не голые. А теперь ты признаешься, что слово «обнаженные» звучит более эротично, чем «голые». — Я вскинул руки. — Ты противоречишь сама себе!

Кажется, я ее доконал. Она шагнула ко мне, глаза ее сверкали.

— Во-первых, это ты противоречишь мне. Во-вторых, твои заявления настолько абсурдны, что я не понимаю, что мы обсуждаем. В-третьих, Дега никогда не был женат и однажды даже заявил, что женщины безобразны. Сомневаюсь, что ему так уж нравилось смотреть на *безобразных* женщин. В-четвертых...

— Он считал женщин *безобразными*?

— В-четвертых, «обнаженная» звучит более эротично, чем «голая». Но эротизм не равнозначен похоти. Эротизм куда тоньше и сложнее, чем сексуальность.

— Согласен, но...

— Между «обнаженная» и «голая» *огромная* разница. Такая же, как между эротикой и порнографией. Как между Моцартом и Мерилином Мэнсоном. Любовью и совокуплением. Благородным вином и мочой, которую подают в китайских ресторанах. Все дело в утонченности вкуса. В умении различать оттенки, чувствовать нюансы и глубину. Это то, что отличает нас от африканских горилл, членов студенческих клубов и биржевых брокеров.

Нет, она была просто восхитительна.

— И в-пятых, Джек. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, поэтому кончай прикидываться.

Я невольно ухмыльнулся.

— А ты знаешь, что я знаю. Так, да?

— Да!

— Откуда?

Сара отвернулась и снова уставилась на картину. Рассматривая «Женщину, купающуюся в неглубоком тазу», она сказала:

— Я не привела бы тебя сюда, если бы чувствовала, что ты думаешь иначе.

* * *

Через несколько месяцев после того, как мы с Ким расстались, я наведалься в одно заведение, расположенное в нескольких кварталах от моего дома. Мне

о нем рассказал один мой приятель.

Это было самое обычное кафе, с заурядным интерьером, ничем не выделявшееся из сотен других нью-йоркских забегаловок. Традиционно длинное и узкое помещение с маленькой барной стойкой у входа, десяток затертых кушеток и стульев и столько же шатких обшарпанных столиков. Кафе напоминало студенческий клуб. Подавали там кофе, пиво и вино, выпечку и пирожные — все по заоблачным ценам. Чем-чем, а ценами в Нью-Йорке никого не удивишь.

Что делало это место особенным и достойным упоминания — по крайней мере, так считал мой приятель, — это агентство знакомств. Пользоваться его услугами — одно удовольствие, уверял он.

Везде, где только можно, на полках, столах, стульях, в стопках и россыпью валялись папки-скоросшиватели с пометками «Мужчина ищет женщину», «Женщина ищет мужчину» и, как полагается прогрессивному заведению на Манхэттене, «Мужчина ищет мужчину» и «Женщина ищет женщину». Папки буквально распухли от тысяч аккуратно заполненных анкет.

Сами анкеты были достаточно банальными: пол, возраст, образование, любимое место отдыха, любимое время суток, любимая музыка, что больше всего привлекает вас в мужчине/женщине, что больше всего отталкивает в мужчине/женщине, как вы обычно проводите выходные, ваши достоинства и недостатки. Словом, все, что нужно знать, чтобы отыскать свою половину... или партнера/партнершу на следующую пятницу.

Чтобы назначить встречу тому, чья анкета тебе понравилась, необходимо выложить десять долларов и заполнить собственную анкету. После этого тебе присваивают личный номер, а твоя анкета вкладывается в соответствующую папку и заносится в электронную базу данных. Только после этого можно выписать номер понравившейся девушки и заплатить еще три доллара за запрос. Персонал кафе уведомляет ее по электронной почте о желающем познакомиться. Она обращается в кафе, получает *твою* анкету и решает, хочет ли она с тобой встречаться. Если хочет, то администрация кафе может позаботиться о месте встречи, то есть забронировать для вас столик. То же самое, только в иной последовательности, происходит, если кто-то выбирает тебя.

Сначала это заведение привело меня в дикий восторг. Грандиозная бизнес-идея! Переполненный зал — это во *вторник-то* вечером. Видно, дела у кафе идут отлично. Даже если ты не собирался платить по три доллара за адресок и оставлять свою анкету за десять, невольно все равно ввязывался в просматривание чужих анкет. Это цепляло: вдруг и вправду встретишь кого-то необыкновенного (*интересно, а она/он захочет со мной встретиться?*). В результате толпа народу ежедневно заказывала в кафе чашечку кофе за три доллара и пирожное за пять. Это как минимум. Вот он, наглядный пример предприимчивости и деловой смекалки: найди способ, как использовать энергию человеческой сексуальности, и всю оставшуюся жизнь можешь стричь купоны. Неудивительно, что в виртуальном мире самые большие деньги делают порносайты.

Но через какое-то время я впал в тоску. Сидя на продавленном диване и не спеша потягивая пиво, я наблюдал, как посетители без устали просматривают папку за папкой и выписывают номера. В переполненном зале все сидели впритык друг к другу. Но ни один человек даже не попытался познакомиться

с соседом. Пожалуй, такого количества сексуально озабоченного народа, собранного в одном месте, Нью-Йорк не видел с конца семидесятых, когда гремел знаменитый клуб «Студия 54». Каждый из сидевших в том кафе запросто мог написать у себя на лбу: «Умираю, как хочу познакомиться!» Но при этом ни один не посмотрел на соседа/соседку и не сказал: «Привет. Может, познакомимся?»

В надежде разогнать тоску я пролистал пару папок под грифом «Женщина ищет мужчину». Читая анкету за анкетой, я узнавал, какое время суток предпочитают незнакомые мне женщины, где они любят отдыхать, какие напитки употребляют. Но на самом деле меня волновало только одно: на что они западают в мужчинах.

Большинство ответов меня ничуть не удивило: глаза, улыбка, доброта, упругие ягодицы, плоский и рельефный живот, ум и все такое. Несколько ответов слегка озадачило: красивый нос, мужественная челюсть, сильные ноги, свежее дыхание. Самой популярной мужской чертой, как и следовало ожидать, оказалось «хорошее чувство юмора».

Зато третий или четвертый по распространенности ответ поверг меня в шок, потряс и сразил наповал.

Руки.

Это же все равно что написать «локти» или «колени».

Руки? Больше всего женщин в мужиках привлекают руки? Не смешите меня!

Но вот же — черным по белому — снова и снова: «опрятные руки», «красивые руки», «сильные, сексуальные руки», «ОБОЖАЮ руки!!!».

Я чуть со стыда не умер за миллионы и миллионы мужиков. Мы сроду не стояли в очередях, чтобы записаться на прием к маникюрше. Да что там в очереди, нас в маникюрный салон под дулом пистолета не загонишь. Некоторые вообще моют руки только по большим праздникам.

Получается, мы ни черта не смыслим в женщинах и их сексуальных фантазиях?

* * *

Четыре дня после похода в «Метрополитен» я вел с собой внутреннюю борьбу, но в конце концов все же снял трубку телефона. Может, еще обойдется, может, в справочной нет ее номера или Сары не окажется дома, когда я позвоню.

Номер был, и она оказалась дома.

Кажется, она даже обрадовалась. Неожиданно для себя и я обрадовался, что она обрадовалась.

Мы немного потрепались. Пожаловались друг другу на работу. Обсудили общих знакомых.

Я предложил поужинать в субботу.

— С удовольствием, — ответила она.

Глава седьмая

Не прошло и двух недель, как я нарушил данное себе «торжественное обещание» держаться от женщин подальше. И за свою глупость поплатился на следующее же утро. Беда, как известно, не приходит одна, поэтому приключилось три неприятности сразу.

Во-первых, я проспал. После звонка Саре я слишком разволновался и забыл включить будильник. В результате проснулся на двадцать минут позже обычного и теперь скакал по своей камерке как ошпаренный.

Обитал я в тесной квартирке на четвертом этаже пятиэтажного дома на Восемьдесят первой улице, чуть левее Коламбус-авеню. У меня одна небольшая комната, отдельная, хотя и совсем маленькая, ванная и отдельная, хотя и бесконечно крохотная, кухня. Несмотря на свои мизерные размеры, квартира удобная и даже уютная. Благодаря высокому, почти три с половиной метра, потолку она выглядела даже просторной. Два больших окна, на зависть знакомым, выходили на юг. Выложенный мозаичной плиткой нефункционирующий камин с очагом из черного кирпича и широкой деревянной полкой придавал моему жилищу лоск.

Я видел в квартире только два серьезных недостатка. В узкой кухне еле-еле умещались холодильник, маленькая плита и раковина, причем дверца холодильника открывалась лишь наполовину. Но если честно, лилипутские размеры кухни меня особо не удручали, поскольку готовил я редко. По моему глубокому убеждению, готовить для себя невыгодно даже с экономической точки зрения. А если учесть время, потраченное на готовку и последующую уборку, приплюсовать усталость в конце рабочего дня... Определенно, существуют гораздо более приятные и разумные способы провести свободный вечер. К тому же ужин всегда можно купить на вынос в каком-нибудь кафе или ресторанчике по соседству. Неудивительно, что из продуктов у меня обычно можно было найти только коробку сухих завтраков да пару бутылок соуса для спагетти. Зато в холодильнике всегда ждали своего часа шесть-восемь банок пива «Амстель», пакет молока, несколько упаковок томатного сока, початая бутылка водки и белая коробочка с каким-нибудь «му-фу», давно покрывшимся плесенью.

Хуже обстояло дело со спальным местом. Подобно тысячам обитателей тесных манхэттенских квартир, нормальной кровати, которая заняла бы четверть комнаты, я предпочел компактный раздвижной диван. Сначала я каждый вечер снимал подушки, складировал их в углу, раздвигал диван, поправлял матрас и укладывался спать. Потом мне это осточертело. К тому же я обнаружил, что спать на ровном полу гораздо удобней и приятней, чем на выгнуто-покатой конструкции из деревянных ребер и металлических опор. И мы с матрасом перекочевали на пол. Хотя, честно говоря, вся эта система меня немного раздражала и явно не способствовала полноценной сексуальной жизни.

Но как бы там ни было, с квартирой мне повезло. И отстегивал я за нее всего девятьсот долларов в месяц, таких цен уже не бывает. Просто наш дом из тех немногочисленных домов, в которых арендная плата регулируется специальным комитетом. Лично я отрицательно отношусь к этой социальной программе, по-моему, она ухудшает и без того тяжелую ситуацию на рынке арен-

дуемого жилья. Однако это совершенно не мешает мне пользоваться ее преимуществами.

По этой маленькой льготной квартире я и метался теперь. Впрочем, та же сцена повторялась уже много лет изо дня в день. Каждое утро я умудрялся потерять самое необходимое — ключи, бумажник, пропуск. В панике я взглянул на настенные часы: десять минут девятого. *Черт!* Я опаздывал уже на двадцать минут.

Завязывая галстук перед зеркалом в ванной, я начал привычное упражнение. Так... бумажник... бумажник... Где я видел его в последний раз? Вчера в кармане пиджака? Заученным движением затянув галстук, я бросился к пиджаку, висевшему на спинке кресла-качалки, и проверил внутренний карман. *Есть!* Ладно, гордиться нечем, это было легко. Я сунул бумажник в задний карман брюк.

Теперь пропуск... пропуск...

Я быстро обшарил комнату взглядом. Пропуск... пропуск... про-о-о-опуск... *вот он!* На телевизоре. Пластиковая карточка скользнула в нагрудный карман рубашки.

Все?.. Господи... ключи! Ключи... ключи... ключи-и-и-и... Черт бы их побрал! Ключи найти обычно труднее всего — они могут прятаться где угодно, например под разбросанной одеждой или бумагами.

Я носился по комнате, шаря на столе, на журнальном столике, на музыкальном центре, на комодке...

Предварительный осмотр результатов не дал, и я чуть не взревел от досады. Ну почему я до сих пор не приучил себя к порядку? Неужели так трудно класть эти долбаные ключи *в одно и то же место каждый день?*

Я предпринял вторую, более тщательную попытку. Еще раз на журнальном столике — под счетами, журналами... На столе — снова журналы, старые газеты, толстовка, опавшие листья сохнувшего на окне цветка... На комодке... На каминной полке... Дьявол, куда же они подевались?!

Пока я бегал по комнате, мои мысли тоже бегали. Преимущественно они вертелись вокруг домашних дел.

Может, пора полить цветок? Нет времени, и потом, он же еще не до конца завял, доживет до вечера.

Может, убрать матрас на диван? Нет времени, и потом, что ему не лежит на полу.

Может, прибрать носки, трусы, шорты, полотенца с кресла, с комоды, с дивана, с пола? Нет времени, и потом, в гости я никого не звал, так что беспокоиться не о чем.

Может пора помыть посуду? Не помыть, так хоть ополоснуть? Нет времени, и потом, хрен с ней, с этой посудой.

* * *

Неприятность номер два: мерзкая погода.

Обнаружив наконец ключи на бачке унитаза, я схватил портфель и пиджак, запер дверь и помчался по ступенькам вниз. Распахнув входную дверь, я наткнулся на стену плотного тяжелого воздуха. Утро, двадцать минут девятого, а столбик термометра уже подкрадывался к отметке +30.

Однако меня удручал не столько летний зной, сколько влажность, которая в то утро достигала губительных девяноста процентов. Некоторые болезненно

реагируют на пыльцу, которая вызывает у них тяжелейший насморк. Я же очень чутко воспринимаю малейшее изменение влажности. Настолько чутко, что могу почти безошибочно, в пределах нескольких процентов, определить ее уровень. Ничто на свете так не угнетает меня физически и морально, как склизкое, липкое ощущение, вызываемое чрезмерной влажностью. Я не могу сосредоточиться, не могу работать и, что самое ужасное, не могу спать. На протяжении всего лета, сидя дома, я ни на минуту не выключал свой маленький оконный кондиционер. От того, что я гонял этот прожорливый агрегат по четырнадцать часов в сутки, мои расходы на электричество подскочили в три раза, но я без колебаний оплачивал все счета и не собирался отказываться от единственного полезного изобретения всех времен и народов.

Сейчас же от внезапного перемещения из райской прохлады моего однокомнатного оазиса в жаркую и густую влажность я окаменел прямо у подъезда. Меня затошнило. Станция метро находится в начале Восемьдесят первой улицы, всего в ста метрах от моего дома, но преодолеть это расстояние в такую жару все равно что заскочить на пару минут в русскую баню. Я чувствовал, как покрываюсь липкой пленкой пота.

Добравшись все-таки до метро, я обнаружил станцию безлюдной, значит, поезд только-только ушел. Сам не знаю зачем, я подошел к краю платформы и взгляделся во мрак тоннеля.

Темно, как в пещере. Ни намек на поезд.

Развернувшись, я удрученно вздохнул и поплелся к своему привычному месту. Руки я старался держать как можно дальше от туловища. Но легче от этого не становилось: тело просто заживо сгорало под костюмом. Ручейки пота текли по спине, по груди, донимая меня. Жалея, что не родился человеком-амфибией, я умоляюще вглядывался в конец платформы. Глухо.

Боже, сжался...

Я начал метаться по платформе. Легкий ветерок, создаваемый движением, облегчения не приносил, но хоть какая-то имитация свежести. Восемь шагов в одну сторону, разворот, восемь шагов в другую. Люди на платформе тоже изнывали от духоты, каждый боролся с ней по-своему. При этом они искоса поглядывали на меня, как на встревоженного тигра в клетке.

Отмерив второй круг, я заметил мужчину, который сидел на скамейке у стены и читал газету. Носовым платком он то и дело промокал взмокший лоб. От одного его вида — рубашки, галстука и *пиджака* (толстого твидового) — у меня едва не началась истерика...

Отвернувшись, чтобы не видеть этого жуткого зрелища, я опять подошел к краю платформы и снова взгляделся в глубину тоннеля. Свет! Поезд! Мое спасение, мое убежище — он уже приближается! Наконец-то!

Я ощутил приятное дуновение холодного сухого воздуха. Поезд влетел на платформу. Ура! Он со скрипом остановился, напоследок приготовив мне и прочим мученикам еще одно испытание — выброс адски горячего воздуха из компрессоров под вагонами. И вот двери открываются. Мы спасены! Один шаг — и я будто в холодильнике... Да, да! Боже, да-а-а! Как я люблю — просто обожаю! — кондиционеры. Неописуемая, неземная, нетронутая влажностью прохлада. Дуй... дуй... дуй!

Я вздрогнул от удовольствия, как только морозный воздух коснулся моей несчастной кожи и вождеденный холодок пробежал по спине. И хотя в вагоне

оставались свободные сиденья, я уверенно пробрался к своему любимому месту — в самом центре вагона, где, как показывал опыт, напор охлажденного воздуха наиболее сильный. Пристроив портфель между ног, вынул «Таймс» и, выпрямившись, ухватился за ледяной поручень. Нет, кто бы что ни говорил, но нью-йоркское метро — истинный рай под землей. Холодный и сухой рай, в котором так приятно почитать газету, не глядя по сторонам, не замечая случайных попутчиков, словно отделенный от них прозрачной мембраной.

Капли пота продолжали скатываться по спине, но худшее уже позади. Пока доберусь до своей станции, приду в норму.

Но стоило мне немного успокоиться, как произошла катастрофа. Нокаут, контрольный выстрел в голову. Едва поезд тронулся, как рядом раздалось:

— Джек?

Я отклеил взгляд от газеты, повернул голову и онемел от ужаса. Через два человека от меня радостно скалилась Ким. Я честно попытался скрыть свои эмоции, однако, боюсь, ничего не вышло.

— Здравствуй, Ким, — вежливо произнес я и снова уткнулся в газету.

Но не тут-то было. Мой сухой тон ее не обескуражил. Ким бесцеремонно растолкала пассажиров, не обращая ни малейшего внимания на их возмущенные возгласы, и протиснулась ко мне.

— Как дела? — проворковала она с фальшивой заботливостью.

И я не выдержал. Это же Ким, совсем рядом, в полушаге. Ким с ее стройным, подтянутым телом, смуглым лицом, независимым и дерзким характером. И главное, с ее неповторимым запахом, сочетающим дорогие духи и ее собственный аромат. Этот запах всегда действовал на меня безотказно. Он казался одновременно простым и сложным, призывным и остужающим, грубым и утонченным. Выяснилось, что я прекрасно помню этот восхитительный, пленительный и сладострастный аромат, хотя и не отдавал себе в этом отчета. В тот же миг, как по мановению волшебной палочки, я перенесся в прошлое, погрузившись в забытое уже состояние тихого восторга. Я вдруг почувствовал головокружение и слабость в ногах. Мое любимое место в центре вагона превратилось в камеру пыток, и ни единого шанса для бегства. Покрепче ухватившись за поручень, я попытался прийти в себя и смог наконец выдавить:

— Как ты очутилась на этой ветке?

Ким живет на Риверсайд-драйв, в четырех кварталах к западу, ближе к Второй и Третьей линиям.

— Да так, дела в Коламбусе.

Или в чьей-нибудь квартире, зло подумал я. И тут же одернул себя: какое тебе дело до ее личной жизни.

— У меня все в порядке. А у тебя?

— Более или менее.

Она вздохнула и для пущего эффекта потупила глаза. Знаем мы, к чему этот трагизм — ждет, что пущусь в расспросы. Не дождетя. Я кивнул и снова вернулся к газете.

— Я так рада тебя видеть, — прощепетала она, мгновенно меняя тактику.

— Боюсь, не могу сказать того же.

И снова тихий вздох, само раскаяние и сожаление. Ким прильнула ко мне:

— Джек, прости. Мне очень, очень жаль, что так получилось.

— Мне тоже.

- Это было глупо.
- Согласен.
- И ужасно нечестно.
- Да уж.
- Меня будто загнали в угол.
- Ким, о чем это ты?
- Ты слишком сильно меня любил.

Я отказывался верить своим ушам. Вот это да! Я слишком... Нет, это заявление слишком наглое, слишком возмутительное — даже для Ким. Наверное, я ослышался. Но, оторвавшись от газеты, я наткнулся на невинный и невозмутимый взгляд. Она все-таки сказала то, что сказала. И, судя по всему, искренне в это верила. Моя растерянность сменилась изумлением. Несколько секунд я пялился на нее, не в силах вымолвить ни слова. Подобное бесстыдство просто восхищало.

— Я любил слишком сильно? — переспросил я.

Она с готовностью кивнула.

— Так, значит, это я во всем виноват? — Нарастающий гнев помог мне выйти из ступора. — Я виноват, что ты переспала с клиентом за три недели до нашей свадьбы?

Ким переменилась в лице, ее глаза нервно забегали — не услышал ли кто последней фразы. Я ухмыльнулся, помотал головой и снова принялся за газету.

— Мне стало трудно дышать, понимаешь? — зашептала она, снова прижимаясь ко мне. — Рассел — не более чем глупая попытка вернуть свободу и независимость.

— Ким, отстань.

— Я была так несчастна. Мне хотелось свободы.

— Теперь у тебя предостаточно свободы, так что можешь прыгать от счастья.

— Я не прыгаю от счастья. Вовсе нет. По правде, мне грустно, ужасно грустно.

— Мне очень жаль.

— Я скучаю по тебе, Джек.

Я усмехнулся.

— Может, попробуем все сначала?

Я растерянно уставился на нее. Опять этот невинный, доверчивый взгляд.

— Ты в своем уме? — полюбопытствовал я.

— Была в своем, — вздохнула Ким. — Но больше нет.

После чего, будто по сценарию, ее взгляд затуманился слезами, губы задрожали. Того и гляди расплачется.

— Почему мы не можем начать заново?

Совершенно взбешенный, я отвернулся. Прямо передо мной сидела чернокожая толстуха. Ее безразличный, намеренно бессмысленный взгляд ясно говорил, что она не упустила ни единого слова. Нет, ну что за скотство! Сидит тут и нагло подслушивает. Меня словно помоями облили. Чтобы хоть как-то компенсировать моральный ущерб, я свирепо уставился на толстуху. Поразительно, но эта баба и не подумала отвести взгляд. Несколько секунд мы смотрели глаза в глаза, потом она едва заметно подмигнула и медленно покачала

головой: мол, не поддавайся, парень.

Поезд тормозил, приближаясь к станции. Неожиданный толчок вывел меня из транса. Двери вагона распахнулись, я глянул вверх — «Рокфеллер-центр», моя станция. Быстро повернувшись к Ким, я пробормотал «извини» и начал торопливо протискиваться к выходу.

* * *

В моем кабинете надрывался телефон. Швырнув портфель в угол, я потянулся через стол и схватил трубку.

— Может, ты все-таки *передумаешь*? Ну пожалуйста?

Запасы удивления я на сегодня исчерпал.

— Ким...

— Послушай, — перебила она умоляюще. — Я знаю, что не имею никакого права, но... Джек, я же не могу без конца извиняться. Ну хочешь, я снова извинюсь? Прости меня, пожалуйста, я очень, очень, очень, я *ужасно* виновата.

После чего в трубке раздалось то ли хныканье, то ли сдавленный смешок. Она что, смеется там надо мной?

— Джек, я всего лишь женщина, и далеко не идеальная женщина. Да, я причинила тебе боль, но нельзя же быть таким жестоким и требовать от меня абсолютного совершенства.

Я вдруг ощутил вселенскую усталость и без сил опустился в кресло.

— Я уже давно собиралась тебе позвонить, но все откладывала, боялась. Что тут удивительного. А когда сегодня увидела тебя в метро...

Еще одна порция хныканья-смеха.

— После всего, что было, после нашей близости, Джек, неужели мы не можем просто встретиться? Выпить? Поговорить?

Глава восьмая

— Так как вы проводите свободное время?
Вот первое, что я от нее услышал.

Мы с приятелями сидели в баре известного ресторана на Двадцатой улице, возле Грамерси-парка[9]. Я что-то рассказывал, когда один из парней вдруг расплылся в широченной улыбке, приветственно замахал рукой и вскочил.

Подвалив к компании из трех человек, выходящей из ресторана, он дружески пожал руку мужчине и поцеловал в щечку его спутницу. Третьей была Ким. Ни мой приятель, ни я с ней прежде не встречались, так что наша встреча стала той самой роковой случайностью, которая изменила всю мою жизнь.

Сказать, что Ким мне приглянулась, все равно что назвать Эверест холмом. Высокая и стройная, с волосами какого-то необычного, шоколадного оттенка, мягко спадающими ниже обнаженных плеч, в облегающем черном вечернем платье, с ниткой жемчуга она выглядела просто умопомрачительно. Темные глаза блестели, а правильной формы губы словно налились вишневым соком. Судя по безупречной оливковой коже, ее предки были французами или греками. Позже выяснилось, что они итальянцы. Ким стояла позади своих друзей, будто позируя. Я пожирал глазами гладкую струящуюся ткань ее платья, плотно облегающую соблазнительные бедра; руку, не то застенчиво, не то лукаво спрятанную за спину, и другую, непринужденно сжимающую маленькую модную сумочку. Да, красавице не откажешь в чувстве собственного достоинства и уверенности в своей неотразимости.

Ким казалась элегантной и одновременно дикой, даже вульгарной. Она обвела зал медленным взглядом хищника, и я потерял почву под ногами. Настоящая роковая красотка. На такую просто невозможно было не запасть, и плевать на последствия.

Нас представили. Не произнеся ни слова, Ким небрежно и в то же время интимно коснулась моей ладони.

Вместо того чтобы познакомиться поближе, мы молча стояли и ждали, когда наши друзья наконец наговорятся. Минута утекала за минутой, а мы все молчали. Ситуация становилась все более странной. Я нервно переминался с ноги на ногу, сунув руки в карманы и с трудом сдерживаясь, чтобы не пожирать Ким взглядом. Ким же чувствовала себя вполне непринужденно, она лишь изредка поглядывала то на меня, то на друзей, да порой ее губы подрагивали в едва заметной улыбке. Кажется, ее забавляли и мое стеснение, и явная неспособность выдавить хоть слово. Пару раз ее взгляд задержался на мне, она словно присматривалась — как голодная львица присматривается к жертве. Несколько месяцев спустя Ким призналась, что всего-навсего пыталась представить меня без одежды. Если бы я заподозрил это тогда, то непременно бы грохнулся в обморок — от возбуждения. Или как-то иначе осрамился.

В какой-то момент я понял, что если немедленно не заговорю, то перестану себя уважать. Я шагнул к ней и выпалил:

— Вы живете в Нью-Йорке?

Ким кивнула, и губы ее изогнулись в улыбке более отчетливой, а если уж быть до конца честным, то не в улыбке даже, а в ухмылке — Ким вполне адекватно отнеслась к моей жалкой попытке завести светскую беседу, и мой интеллект ее отнюдь не сразил наповал. Пока я переживал свой провал, она

вдруг приблизилась ко мне почти вплотную и негромко спросила:

— Так как вы проводите свободное время?

У меня было полное ощущение, будто я влил в себя стакан неразбавленного скотча.

Вопрос был не просто странный, он противоречил всем приличиям. Вместо того чтобы светски поинтересоваться, чем вы, мол, занимаетесь, Ким с ходу решила выяснить, как у меня обстоят дела с личной жизнью. Господи, да надо быть глухим и слепым, чтобы не уловить сексуального подтекста в ее словах. Эта красавица явно поднаторела в провокационных вопросах, подумал я, открыл рот и тут же закрыл, так и не сумев выдать ни звука. А Ким безмятежно разглядывала меня своими бездонными темными глазами и ждала.

Будь я умнее, находчивее и остроумнее — иными словами, будь я Хамфри Богартом, — я бы выдержал паузу, глядя глаза в глаза, и выдал какую-нибудь шокирующую реплику, что-то вроде: «Обожаю приковывать красивых женщин к кровати и вылизывать их с ног до головы, не пропуская ни дюйма». Увы, подобная находчивость не входит в число моих достоинств. Вместо этого я хрипло откашлялся и просипел:

— Ну, в общем, кино люблю. И музыку... *Живую* музыку, — добавил я в жалкой надежде произвести впечатление человека утонченного. — В центре иногда бываю, джаз слушаю. Блюз тоже.

И я заткнулся, чувствуя себя даже не дебилом, а гораздо хуже. В насмешливом взгляде Ким отчетливо читалось: «Ты упустил свой шанс, парень. Свободен».

Она кивнула и присоединилась к своим словоохотливым друзьям. А я топтался на месте еще минуты три, униженный и раздавленный.

На следующий день в моем кабинете раздался звонок.

— Вы еще помните, кто я такая? — И она рассмеялась.

Я чуть со стула не упал. Еще через день мы пошли ужинать. А спустя несколько месяцев, когда наш роман был в самом разгаре, я спросил Ким, какого черта она позвонила мне после того, как я повел себя как последний лох и придурок.

— Ты выглядел таким трогательным, пытаюсь произвести впечатление, — ответила она.

Поразительно, но моя растерянность и неумение жонглировать словами сыграли мне на руку. Давненько она не встречала такого олуха.

Большинство друзей пророчили нам скорый разрыв. Даже Алекс, который плевать хотел на здравый смысл, не оставлял нам никаких шансов. «Пойми меня правильно, чувак, — говорил он, — она же королева. Радуйся удаче, пока она у тебя в руках, но ничего серьезного у вас не выйдет. Слишком вы разные».

И Алекс был абсолютно прав, мы с Ким были действительно слишком разными. Да что там разными, мы были полными противоположностями. Она беспечна и непосредственна, я — осторожен и нетороплив. Она элегантна и изобретательна, я — сдержан и суховат. Будучи продюсером, Ким крутилась в богемных кругах, я же знал об этом мире лишь понаслышке. Но после того как мы с Ким сблизились, в моей жизни появились роскошные вечеринки в закрытых клубах Нью-Йорка, буквально кишачих звездами, звездочками и папарацци. А Ким, в свою очередь, знакомилась с миром бейсбола, арт-хаусного

кино и классического джаза. Словом, мы вполне уравнивали друг друга. Ким приносила в мою жизнь непредсказуемость и веселье, я же обеспечивал прочный тыл, которого, как она сама потом созналась, ей не хватало.

По правде говоря, мы наслаждались нашей непохожестью. Ким нравилось развращать своего «невинного юношу», как она меня называла, а мне, естественно, нравилось испытывать волнение от того, что меня развращают. Конечно, случались и грандиозные ссоры, и горькие обиды, но за ними всегда следовало примирение — страстное и безудержное.

В канун Рождества я сделал Ким предложение. Она крепко обняла меня и даже расплакалась от радости.

Но в конечном счете наши друзья оказались правы. Ким была слишком дика и своенравна, чтобы усидеть в загоне из преданности и верности. Перспектива всю оставшуюся жизнь провести с одним-единственным человеком противоречила той вольнице, что плескалась в душе Ким и что так пленила меня. Поэтому, полагаю, измена была неизбежна.

* * *

На следующий день после нашей встречи в метро мы ужинали в «Кэмпбелле» — роскошном и изысканном коктейль-баре в здании Центрального вокзала. Бар только-только открылся после впечатляющей реконструкции. Большой и по-своему уютный зал, экстравагантные детали вроде дубовых панелей на стенах, разрисованного североафриканскими узорами потолка и ярких квадратных ковриков, разбросанных на паркете из твердых пород дерева. А мягкие диванчики и кресла дизайнеры предусмотрительно притиснули поближе друг к другу — ради максимально интимной обстановки. В подобные заведения, где коктейли стоят за пределами и где курят исключительно иностранные сигареты, женатые банкиры и адвокаты-толстосумы имеют привычку водить своих любовниц.

Местечко под стать Ким.

Впервые за много месяцев мы с ней очутились под одной крышей — намеренно и добровольно. Стоит ли говорить, что над нашим столиком сгустилась весьма напряженная атмосфера. Мы механически задавали никчемные вопросы и вымучивали пустые ответы. То и дело повисали тягостные паузы, во время которых мы судорожно хватались за стаканы, имитируя жажду. В результате бокалы наши пустели быстрее, чем официант успевал их наполнять.

Сообразив, что долго мы так не протянем, я решил все-таки завязать более-менее осмысленный разговор. Поднял голову, неторопливо осмотрелся и заметил:

— Шикарное местечко.

На лице Ким проступила самодовольная улыбка:

— Я его обожаю.

— Часто здесь бываешь?

— Клиентам здесь нравится.

Я брезгливо отвернулся.

— Джек, перестань! — воскликнула Ким, но экспрессия в ее голосе показалась мне натужной и отрепетированной. — Мы ведь не для того сюда пришли, чтобы ворошить прошлое. Я просто хотела показать тебе классное место, вот и все. Если для тебя это так важно, то знай, с Расселом я здесь не бывала. Никогда. — И она соорудила сердитую гримаску.

— Ладно, извини.

Ее напускная сердитость испарилась в ту же секунду. Ким улыбнулась и подняла свой бокал:

— За встречу? Я так рада тебя видеть.

На мгновение я замешкался, затем поднял свой бокал и чокнулся с ней.

— Я тоже рад тебя видеть.

Я не лгал. Хотя после нашего разрыва прошло несколько месяцев, нас все еще соединяла ниточка былой близости, пусть тонкая и непрочная, но соединяла.

— Это мой первый бокал за последние три недели, — признался я.

— Тебе не помешает, ты слишком напряжен.

— А это так странно?

— Господи, Джек, расслабься хоть немного. Я слышала, что из-за стресса у человека слабеет иммунная система и можно даже умереть. Представляешь, какой ужас? — Ее безупречно выщипанные брови изогнулись дугой, между ними пролегла морщинка истинно материнской заботливости. — Нельзя же все принимать близко к сердцу.

— По-другому не умею, — сухо ответил я.

— Это я заметила, — нежно проворковала Ким и склонила голову набок, рассматривая меня. — Знаешь, мне всегда казалось, что лучше всего у меня получается успокаивать тебя. — Она помолчала, потом продолжила: — Я тебя часто вспоминаю, Джек. Очень часто. Может, мы слишком легко сдались?

— Мы не сдались, Ким. Это ты сдала нашу любовь, в утиль сдала.

— Прости меня. — Она поникла, мастерски выдержала паузу и сказала: — Я бы что угодно отдала, лишь бы все вернуть.

— Нет, — быстро ответил я. — Не выйдет вернуть. После всего того, что случилось, как раньше ничего уже не будет.

— Ладно, — с готовностью согласилась Ким. — Пусть не как раньше, пусть иначе. Джек, у нас получится.

Я смотрел на нее с искренним удивлением. Может, она просто издевается надо мной? Но этот дрожащий голос, эта неуверенная, через силу, улыбка... Размышления мои прервало появление официанта.

— Что-нибудь еще закажете?

— Нет, спасибо, мы уже уходим.

— Джек... — прошептала Ким тихо и жалобно, как маленькая обиженная девочка.

Но я не купился ни на этот молящий взгляд, ни на дрожащую улыбку. Хитроватый прищур и слишком выверенный изгиб губ выдавали Ким с головой — хищница никуда не делась, она была здесь, и она вела охоту.

— Мы ведь только что пришли, — тихо сказала Ким.

Я перевел взгляд на официанта:

— Еще раз то же самое.

* * *

Последнее, что я помню, — мы в подъезде, я прижимаю Ким к себе, пока она пытается нашарить ключи в сумочке. К тому времени, когда она их отыскала и вставила ключ в замок, я успел расстегнуть ее блузку.

Уходя на следующее утро, я с ужасом понял, что всю ночь дверь в квартиру была нараспашку.

Глава девятая

Разбудил меня отвратительный резкий звук. Какой-то придурок упрямо жал на кнопку звонка.

Едва сдержав стон, я прижал ладони к вискам и съежился. Только боль отступила, как звонок выстрелил с новой силой. Я с трудом встал и, опираясь о стену, проковылял к двери.

— Кто там? — прохрипел я в домофон.

— Открывай давай! — пролязгал в ответ Алекс.

Сопротивляться было бессмысленно, поэтому я всем телом навалился на кнопку, открыл дверь, неровным шагом вернулся в комнату и повалился на диван.

Через несколько секунд Алекс, в шортах и с баскетбольным мячом под мышкой, ворвался в комнату.

— Ты еще не готов? — вытаращился он. Дверь за ним захлопнулась с таким грохотом, будто в квартире взорвалась бомба.

— Готов к чему? — с трудом промямлил я.

— Мы же сегодня играем в баскетбол.

— Я не могу.

— Это как «не могу»?

— Не могу.

— Сможешь, чувак, никуда ты не денешься. Нас там восемь корешей заждались уже. Одевайся по-быстрому и двигай. — И Алекс для убедительности долбанул мячом об пол — раз, другой, третий.

— Хватит, — простонал я, протирая к нему руки.

— Эй, чувак, да что с тобой?

Я не ответил.

— Никак похмелье?

И снова я не ответил. Да и что тут ответишь?

— Так, так, так. Это что же, сухой мораторий продлился... сколько... три недели? Ты с кем так назюзюкался, чувак?

— Алекс, иди играть в баскет.

— Это что, секрет? — Он задумчиво поскреб подбородок. — Может, ты и вправду гомиком заделался, а?

— Ким, — промычал я, исключительно чтобы он отвязался.

— Чего Ким?

— Ким, — повторил я. — С Ким я был.

— С Ким?

— Столкнулся в метро. В четверг утром. Потом встретились, посидели. Вот и досиделись.

Пока Алекс переваривал услышанное, я наслаждался тишиной. Но это продолжалось недолго.

— Постой-ка. А почему ты в штанах? — подозрительно спросил он. — Ты что, утром только вернулся?

Молчание.

— Ты что, ночевал у нее?

Я перевернулся на другой бок — спиной к Алексу.

— Да ты никак *переспал* с ней, чувак, а?

— Очень поэтично, — проворчал я.

— О поэзии ты уж сам как-нибудь позаботься, Хемингуэй. Короче, ты меня понял, чувак.

Конечно, я его понял. Я понял все уже утром. Вернувшись домой, я несколько часов подряд пожинал плоды вчерашнего кутежа. И дело не только в ужащающем похмелье. Куда больше меня удручало мое изменившееся представление о Ким.

Нечто подобное происходит с моими произведениями. Закончив рассказ, я откладываю его в сторону на недельку-другую. Потом перечитываю свежим взглядом и нахожу кучу недоделок и огрехов, они просто выпирают, даже странно, что я не заметил их сразу. Разумеется, этот этап неизбежен, если ты желаешь достичь хотя бы подобия совершенства. Но есть в нем и неприятная сторона: то, что считал шедевром, чем так гордился, вдруг оказывается посредственной и заурядной писаниной, над которой еще корпеть и корпеть, прежде чем она превратится в нечто удобоваримое.

Примерно то же самое приключилось со мной накануне. Я все еще сходил с ума от Ким. Точнее, от ее тела. Красота ее никуда не делась, и чувственность никуда не делась, и ее аромат, от которого я буквально дурел, был при ней. А вот с характером Ким что-то произошло, точнее, это со мной что-то произошло. То ли после третьего, то ли после четвертого коктейля я поймал себя на мысли, что некоторые ее черточки, которые мне прежде нравились, да что там, которые я боготворил, стали меня дико раздражать, даже бесить. Ее энергичность вдруг показалась мне развязностью, а ее уверенные манеры — бесцеремонностью. Детская непосредственность больше смахивала на вульгарность и фальшь. А ее осведомленность обо всем на свете обернулась поверхностным всезнайством, за которым нет ничего, кроме стремления произвести впечатление. Женщина, которую я любил за изысканность, естественность и простоту, вдруг оказалась обычной холеной дурой, склонной к дешевой эффективности.

Мы сидели в баре, пили, и я внезапно словно прозрел. До меня дошло, что я совсем ее не знаю. И что мне нет до нее абсолютно никакого дела. Стыдно признаваться, но бурная ночь стала не столько взрывом чувственности, сколько выплеском разочарования, своего рода жестом отчаяния и одновременно прощанием с несбывшимися надеждами.

А утром, по дороге домой, на меня навалилась тоска. Меня одолевали два чувства — сожаление об утраченной любви и нарастающая злость на себя. Как я мог вообще влюбиться в нее? И как же я буду теперь жить без этой любви? Снова и снова задавая себе эти два сакраментальных вопроса, я впал в жесточайшее уныние, а похмелье довершило дело. У меня осталось лишь одно желание — сдохнуть, и поскорее. Правда, все из-за того же похмелья сил осуществить это желание совершенно не было, но вдруг именно похмелье и доконает меня.

Овощем валяясь на диване, я покрывался потом, постанывал от выстрелов, то и дело сотрясавших мою бедную башку, и вяло терзал себя самоанализом, больше напоминая самоедство. Если честно, самоанализ — не самая сильная моя сторона. Да и вообще, не очень-то достойное это занятие — вивисекция собственных чувств и поступков. Все равно что заглядывать в унитаз, изучая собственное дерьмо. А если задуматься, как можно анализировать, бу-

дучи объектом этого анализа? Полный ведь бред. Вот этим бредом я и развлекался до прихода Алекса. Расчленял свои чувства, выворачивал наизнанку мысли и спрашивал себя, снова и снова: как дальше? Жить-то как мне дальше? И ответ находил один — плохо мне дальше жить, тошно и мерзко. Лучше и не жить вовсе...

Алекс наконец перестал прыгать в пароксизме восторга, скрестил руки на груди и уставился куда-то в стену. Он явно обмозговывал услышанное и увиденное. Воспользовавшись моментом, я решил освоить вертикальное положение. Осторожно спустил ноги с дивана, выпрямился и подождал, пока голова и желудок адаптируются к новой ориентации в пространстве.

Алекс, как ни странно, все молчал.

— Она хочет, чтобы мы снова сошлись, — пробормотал я.

Алекс дернулся, уставился на меня. Глаза у него расширились, как у мультяшного персонажа.

— Это она так сказала?

Я медленно и очень осторожно кивнул.

— А ты чего ответил?

— Что она спятила.

— Это было до или после койки? — уточнил Алекс с ехидцей.

— До, — признался я.

Алекс удовлетворенно хмыкнул, словно и не сомневался в таком ответе.

— Думаю, она только *говорит*, что хочет вернуть меня. На самом деле ей нужно мое внимание. Или прощение. Или... еще какая фигня.

Алекс расцепил руки и поскреб затылок.

— А что, если она вправду раскаивается и все такое? Вдруг смекнула, что напортачила, и теперь хочет все исправить?

Я удивленно вытаращился на него. Кто бы мог ожидать такого от Алекса?

— Ну, так как? Ты бы хотел вернуться к ней?

Я перевел взгляд на окно. Резкий полуденный свет ломился сквозь стекло.

— Думаю, нет, — услышал я свой голос. — Господи, и какого хрена я поперся к ней? Ведь уже понял, что она такое на самом деле, а все равно...

В приступе отвращения к самому себе я помотал головой и тут же закричал от адской боли.

— Нашел из-за чего дергаться, — сказал Алекс. — Ну подумаешь, перепихнулся разок. Не убил же, в конце концов.

— Алекс, ты не понимаешь. Я не просто перепихнулся. Это была Ким.

— Можно подумать, ты первый, кто переспал со своей бывшей. — Алекс встал, поднял мяч и начал перебрасывать его с руки на руку. — К тому же у тебя есть смягчающее обстоятельство. Набрался в дым. Мозги отключились. Если и думал ты чем, то уж точно не головой. Эй, чувак, расслабься, тебе теперь точно полегчает. Гарантирую. Знаешь, что ты вчера сделал? Подсознательно совершил древний обряд изгнания стервы. — Алекс несколько раз стукнул мячом об пол, будто вдалбливая эту мудрую мысль мне в голову. — И потом, с воздержанием пора было кончать. Ты уже полгода ни с кем не встречаешься.

— Здравьете. Всю дорогу встречаюсь.

— Эти твои свидания не в счет, — отмахнулся Алекс. — Если до постели дело не дошло, то не в счет. Вот если бы ты не был таким дураком, послушался меня и пригласил Сару на свидание, то вчерашний вечер провел бы и с кай-

фом, и с пользой. Кстати, когда ты с ней встречаешься?

О-о-о... Хотя это было и невозможно, но мое состояние ухудшилось многократно.

— Боже! — простонал я, закрывая лицо руками. — Сегодня... Сегодня вечером!

— Вот и отлично.

— Да ты совсем рехнулся? Как я смогу с ней встретиться? Придется отметить.

— Только попробуй!

— А как я пойду в таком виде?

— Пойдешь, чувак, еще как пойдешь. Обязан пойти. Слушай, чего ты так боишься, а?

— Да ничего я не боюсь, — возмутился я. — Просто мне плохо.

Оставив мяч в покое, Алекс отправился на кухню. Я услышал, как он открыл холодильник. Через полминуты Алекс вернулся с двухлитровой бутылкой воды и кинул ее мне. Я с трудом поймал.

— Пока не пей, — приказал он, для верности ткнув в меня пальцем. После чего развернулся и снова исчез на кухне.

Снова хлопнула дверца холодильника, потом застучали дверцы шкафчиков, что-то забулькало, скрипнула дверца буфета. Я понятия не имел, что он там затевает, но на всякий случай приготовился к худшему. Алекс появился, держа в руке высокий бокал с непонятной жидкостью, похожей на свернувшийся томатный сок, в котором плескался какой-то мусор. Он торжественно протянул пойло мне.

— Что это? — испуганно спросил я.

— «Кровавая Мэри».

— Из чего ты ее смешал?

— Томатный сок, водка, перец, табаско. Элементарно.

От одной только мысли, что это придется пить, меня передернуло, желудок чуть не выпрыгнул наружу.

— Отвали.

— Пей.

— Нет.

— Пей! — прикрикнул он и пихнул бокал мне в руку. — Сначала хлебни этого, потом сразу водички. Вот увидишь, чувак, мигом полегчает. Проверено.

— Мне и так хреново, а ты меня еще всякую дрянь пить заставляешь. Как от этого может стать легче?

— Все дело в химии, чувак, в обмене веществ, — сказал он с видом лектора, но тут же смешался. — Да откуда, на хрен, мне знать, как это действует. Я что, химик тебе или доктор? Знаю, что помогает, и все. Пей давай!

Между плохим и хорошим есть некая разница. Иногда она трудно различима, но она все-таки есть. Разница между хорошей и плохой «Кровавой Мэри» чудовищна. Между ними целая пропасть, неизмеримая и невообразимая бездна. Увы, эта «Кровавая Мэри» оказалась не просто плохой, она оказалась отвратительной. Но, как ни странно, адское зелье действительно помогло. Через силу сделав несколько глотков, я жадно присосался к бутылке с водой, торопясь поскорее избавиться от тошнотворного вкуса.

— Буду торчать здесь, пока ты не вылакаешь все, — объявил Алекс.

— А баскетбол? — с надеждой спросил я. — Тебя там ждут.

— Там ждут нас. Но если ты не идешь, то и мне там нечего делать — четыре на четыре играть можно, четыре на пять будет посложнее.

Он вытащил из карманов шорт портмоне, выудил оттуда мятую бумажку и шагнул к телефону.

— Ты давай пей, — велел он и выразительно посмотрел на стакан с остатками кровавой жижи.

Я вздохнул, зажмурился, пошире разинул рот и вылили в себя красную мерзость, после чего опять припал к бутылке с водой.

— Это Алекс, — бубнил в трубку Алекс. — Короче, вы там без нас играйте. Нет. Джек вчера со своей бывшей надрался и закемарил у нее. (Я свирепо зыркнул на Алекса, но он даже бровью не повел, только ехидно хихикнул в трубку.) Да, он у нас парень не промах! В общем, он сейчас никакой. Я, наверное, потусуюсь у него немного. — Он еще похихикал, попрощался и повесил трубку.

— Спасибо, что не растрепал про меня всему городу.

— Эй, чувак, да я тебя прикрыл.

— Это как же?

— Если бы я сказал, что ты просто с бодуна и мешком валяешься, парни бы тебе до конца жизни этого не простили. А так ты поступился своим обетом безбрачия и испоганил им всю игру ради секса. А секс — дело святое. Так что ты теперь, можно сказать, герой.

С этими словами Алекс снова скрылся на кухне, откуда вернулся с бутылкой пива и плюхнулся в мое любимое кресло.

— Не рановато для пива?

— Мне нет. Я же вчера не злоупотреблял. — Он невозмутимо отвернул крышку. — Ты пей, пей, не отлынивай. Всю бутылку должен выпить, а то не поможет.

Я послушно приложился к бутылке.

— А ты чем занимался?

— Вчера? Ходил в ресторан.

— Свидание?

Алекс довольно ухмыльнулся:

— Ага.

— С кем?

— Угадай.

Я вздохнул и задумался.

— С Дырявым Языком?

— Шизанулся?!

— С Тошнотиком?

Он покачал головой.

— Сдаюсь.

— С твоей подругой Карен.

Я уставился на него:

— С Карен?

— Я же тебе обещал, что приглашу ее как-нибудь.

Я и не подозревал, что «как-нибудь» наступит так быстро.

— Ну и как? — спросил я не без интереса, хотя и не рассчитывал услышать

что-нибудь приятное.

— Клево. Классная девчонка.

— По полной программе?

— И по первому разряду.

— Ох...

Алекс хитро улыбнулся, глотнул пива и сказал:

— Она мне понравилась. Она... — опять эта фирменная ухмылка, — играет за нас.

— Что она делает?

— Играет за нас.

— Это как?

— Да ты сам ведь все понимаешь.

Я покачал головой:

— Ничего я не понимаю.

— Играет за нас, — снова повторил Алекс, артикулируя слова, словно глухому. — Ну, то есть она... подыгрывает нам.

Несколько секунд я непонимающе таращился на него, но потом меня осенило, и от этой догадки я чуть на диване не подпрыгнул.

— В смысле, тебе подыграла?

Алекс невинно улыбнулся.

— Она тебе что... *минет* сделала? Так ты был у нее дома?

Алекс нахмурился:

— Ну это ты загнул. Мы же только познакомились.

— Так ты не был у нее?

— До двери проводил, врать не буду.

От предчувствия надвигающейся беды у меня засосало под ложечкой.

— Тогда — где? Где она тебе *подыграла*?

— В такси. По дороге домой.

Я вздохнул и невидяще уставился перед собой. Нет, с этими женщинами можно рехнуться! Похоже, Карен ни черта не усвоила из нашего последнего урока. И наверняка теперь будет фигурировать в мемуарах Алекса как Оральная Таксистка.

— В общем, она играет за нас.

Я встряхнулся и посмотрел на Алекса:

— Да что, черт возьми, ты имеешь в виду?

— Играет за нас, — как попугай повторил Алекс. — Она играет за нашу команду.

— Какую такую команду?

— Нашу команду. Команду мужиков. За меня, за тебя, за всех нас. Мы все в команде.

Мне вдруг стало смешно.

— У каждой команды есть общие интересы, так? — продолжал распинаться Алекс. — Общие цели. И команда вкалывает ради этих целей. И все, что происходит с одним, касается всех. То же и с нами, мужиками. Никто из нас не одинок, как остров, так ведь? Если что-то случилось с тобой, то оно случилось со мной[10]. Ты что, стихов не читаешь, Хемингуэй?

Столь неординарное толкование известных строк Джона Донна меня не на шутку озадачило. Некоторое время я молча обдумывал услышанное.

— То есть в каком-то смысле, — наконец выдал я, — вчера Карен сделала минет *всему* мужскому населению.

— Вот именно! — радостно отозвался Алекс. — Она внесла свой вклад в удовлетворение потребностей команды. В данном случае-потребности в оральной стимуляции.

— Выходит, как члену команды, — продолжал я, — мне нужно радоваться, что моя знакомая и коллега по работе ублажила тебя вчера на заднем сиденье такси?

— Да ты ликовать должен, чувак, — абсолютно серьезно ответил Алекс.

— Тогда почему я не рад, Алекс? Почему я не рад, а даже наоборот, жутко расстроен?

Алекс печально смотрел на меня.

— Не знаю, чувак, — проговорил он с интонацией доктора, обеспокоенного состоянием пациента. — Наверное, потому, что ты эгоист.

Глава десятая

Мы договорились с Сарой встретиться возле ее дома на Ист-Сайде. Это оказалась одна из тех огромных безликих коробок, в которых я не поселился бы даже под угрозой смерти. Я ждал ее в вестибюле, обложенном мрамором и похожем на пещеру, и чувствовал себя из рук вон. Видеть никого не хотелось, и Сару меньше всего. Какой я идиот, что не отменил встречу! Я болезненно сглотнул, меня мутило.

Звякнул лифт. Появилась Сара в черной вязаной юбке и красной блузке, волосы у нее были распущены. Увидев меня, она улыбнулась. Я попытался улыбнуться в ответ, но хватило меня лишь на страдальческую гримасу. Я смотрел, как Сара идет ко мне, как волнующе покачиваются ее бедра, и мне становилось все хуже и хуже. Ну почему, не успев толком разобраться со старыми отношениями, тут же надо влезать в новые?

С трудом переставляя ноги, я сделал несколько шагов навстречу, пошатнулся и ткнулся губами в ее щеку. Поцелуй вышел так себе, но я уловил в дыхании Сары легкий винный душок. Значит, тоже нервничает. Почему-то от этого открытия мне полегчало.

Я заказал столик в ресторанчике рядом с Юнион-сквер. Место вполне подходящее: недалеко от центра, не слишком модное и вполне романтическое. Метрдотеля я предупредил, что сначала мы заглянем в бар, а уже потом переместимся в основной зал.

В баре Сара заказала бокал вина, а я привычно ограничился имбирным пивом.

Совсем как подростки на первом свидании, мы скованно болтали, задавали друг другу вопросы, ответы на которые нас несколько не интересовали, смеялись над несмешными шутками и старательно выказывали энтузиазм. Хотя до этого мы уже трижды встречались, я ощущал себя не в своей тарелке и буквально лез из кожи: выдумывал все новые темы, проникновенно улыбался, демонстрировал остроумие и раскованность. Но моему истощенному организму этот изнурительный и тяжелый труд оказался не по силам. Уже через несколько минут я был как выжатый лимон.

Пока Сара отвечала на очередной пустой вопрос, я вяло наблюдал, как двигаются ее губы, и отчитывал себя: «Расслабься... перед тобой красивая и умная женщина... просто общайся с ней и получай удовольствие... как раньше». Вот только «как раньше» не получалось. Сегодня у нас было *свидание*. Запланированная встреча. Обоюдное представление. Садомазохистский аттракцион, в котором участники проверяли и оценивали друг друга. Мне вдруг стало тошно. И захотелось спать. Чувствуя, что вот-вот отрублюсь, я прервал Сару, извинился и сбежал в туалет.

Глядя в зеркало, я последними словами материл кретина, отражавшегося в нем, хлопал по щекам и брызгал в физиономию ледяной водой. Мысль о том, что впереди еще целый вечер, приводила меня в исступление. Жаль, что нельзя навсегда остаться в этом сортире и закончить здесь свое жалкое и никчемное существование. Деваться мне было некуда, пора возобновлять попытку.

— Извини, — проговорил я, возвращаясь к бару, — что-то контактные линзы барахлят.

Я хотел засмеяться, чтобы как-то разрядить обстановку, но смех слишком

напоминал кашель смертельно больного человека. Схватив свой бокал, я резким движением взболтал его содержимое и одним махом проглотил остатки пива. После чего мрачно уставился в пол. В голове моей царила звенящая пустота.

Спасение явилось в лице метрдотеля:

— Ваш столик готов, сэр.

Нас повели через огромный главный зал, забитый под завязку. Хоть с рестораном не прогадал. Тусклые напольные светильники в сочетании с тщательно подобранными цветами интерьера создавали сюрреалистический эффект. Мягкие волны необычной и ненавязчивой музыки — если это вообще можно было назвать музыкой — выплывали из какого-то невидимого источника. За столиками, мимо которых мы шли, сидели веселые благополучные люди, все как на подбор молодые, стройные, красивые и элегантные, все окутаны ореолом легкой богемности, все буквально излучали творческую энергию. Словом, за столиками сидели истинные манхэттенцы. Я понятия не имел, кто они, кем работают и на что живут, но совершенно точно это были не банковские клерки, не адвокаты, не врачи и не учителя — слишком уж бросалась в глаза их раскованность и естественность, слишком непринужденно звучал их смех и слишком блестели глаза.

Наш столик находился в самом углу. Тонкие красные свечи разной длины горели в центре стола, покрытого темно-синей скатертью. Столовые приборы необычной формы поджидали нас возле огромных белых тарелок. Метрдотель помог Саре сесть, освободив меня от этой неловкой обязанности. Изучение меню заняло несколько минут.

К нам подошел официант, расцвел в счастливой улыбке и почти выкрикнул:

— Добрый вечер! Как ваше настроение?

— Спасибо, хорошо, — ответили мы, переглянувшись.

— Замечательно! Меня зовут Тим! Вы у нас первый раз?

— Да.

— Превосходно! Уверен, вам у нас очень понравится.

Будь у меня с собой пистолет, я бы его точно пристрелил. Бессмысленное нагромождение превосходных форм и восклицательных интонаций режет ухо не меньше, чем скрип пенопласта по стеклу. Наше свидание и так висело на волоске, а тут еще этот Тим — *Тим!* — подобострастный, приторно сладкий и, несомненно, голубой — с восклицательным знаком. Его показной, бьющий через край энтузиазм в считанные секунды превратил меня из унылого язвенника-грубияна в маньяка-убийцу. Пока он захлеб перечислял все прелести просто *сказочного* фирменного меню, Сара давилась смехом, наблюдая не столько за ним, сколько за мной, бесившимся от едва сдерживаемой злобы. Как только официант удалился на безопасное расстояние, она расхохоталась в голос.

Отсмеявшись, она отпила вина и внезапно сказала:

— Расскажи мне о своем творчестве.

— О чем? — мгновенно напрягся я.

— Давно ты пишешь?

— Почти пять лет.

Ну вот, сейчас последует сакраментальный вопрос, а публиковался ли я.

Сара сделала небольшой глоток и посмотрела на меня с интересом:

— А почему ты пишешь?

Такого я не ожидал. Никто и никогда не спрашивал меня, *почему* я пишу. Я открыл было рот, но понял, что у меня нет дежурного ответа. Пришлось выдержать паузу и неторопливо приложиться к бокалу.

— Только не говори, что ты должен, — предупредила Сара.

— В каком смысле — должен?

— Я читала, что многие пишут, поскольку якобы чувствуют, что должны это делать. Как будто внутренний голос им постоянно об этом талдычит. А для других это что-то вроде терапии.

Я обрадовался, что разговор перешел на более общие темы.

— Ну да, так и есть. Самые лучшие писатели занимаются этим именно потому, что иначе не могут. Но вообще причины самые разные.

Саре требовалась определенность:

— Например?

— Некоторые пишут вовсе не потому, что у них хорошее воображение и они умеют рассказывать истории. Кстати, это касается не только писателей. Творчество — это нечто большее, чем умение обращаться с красками, сочинять мелодии или придавать каменным глыбам узнаваемые формы. Художники, во всяком случае хорошие художники, как правило, люди с приветом. Неугомонные. У них будто шило в заднице. Создадут что-нибудь и успокоятся на какое-то время — своего рода психотерапия. Они страдают некими идеями, а творчество приносит им успокоение, они избавляются от одной навязчивой идеи и тут же заражаются по новой. Словом, творчество для художника — лишь метод навести порядок в своей башке. И особенно это относится к писателям, по-моему. Им нужно перенести свой мир на бумагу, выстроить его и проанализировать. Что-то в нем переделать, что-то выкинуть, а что-то добавить. Художник таким способом контролирует собственную жизнь. А ведь именно художники нуждаются в таком контроле больше всего. Иначе они сойдут с ума. Мне кажется, Хемингуэй был как раз из таких людей. И Ван Гог. И Чарли Паркер[11].

— И у тебя это так?

— Ну-у... У меня, конечно, все не так драматично. Увы, но моя жизнь безнадежно стабильна. Будь иначе, возможно, из меня вышел бы писатель получше.

Я не подозревал, что Сара воспримет мою последнюю реплику всерьез, но она вдруг спросила:

— Тогда зачем продолжать?

Ничего себе вопросик! Что называется, не в бровь, а в глаз. Я судорожно искал подходящий ответ, который все не находился, да и пристальный взгляд Сары не давал сосредоточиться. Тогда я пожал плечами и сказал просто:

— Нравится, наверное.

Не самый убедительный ответ, поэтому я торопливо продолжил:

— Просто мне достаточно того, что я могу написать хороший рассказ. Даже если получится не совсем то, что я замыслил, все равно это нечто новое, чего не существовало прежде. Думаю, это обычное тщеславие. Желание оставить собственный след в истории. Глупо, да?

Сара смотрела все так же пристально. Она медленно качнула головой:

— Нет, не глупо. Я понимаю, о чем ты. Но пишешь ты вовсе не поэтому.

Должно быть, я ослышался.

— Извини. Что ты сказала?

— Ты пишешь вовсе не поэтому, — повторила она без колебаний, будто зачитывала приговор. — Я не верю. Ничуть не верю.

Я не знал, как реагировать — то ли смеяться, то разозлиться. Что это с ее стороны — грубость или провокация? Или досада, неожиданно выплеснувшаяся наружу? Так и не придя ни к какому решению, я спросил:

— Почему не веришь?

— Потому, что ты пишешь прозу, художественную прозу.

— И что из этого?

— А то, что на свете предостаточно других способов оставить свой след в истории. Возможно, тебе нравится тешить себя такой мыслью, но это вовсе не значит, что тобой действительно движет тщеславие. Вот если бы речь шла о чем-то более популярном, я бы охотно поверила. Если бы ты, например, писал песенки или юморески. Но ты пишешь рассказы. Знаешь, на свете не так много людей, которые проводят вечера в одиночестве, сочиняя рассказы с одной-единственной целью — прославиться и осчастливить мир своей писаниной. Нет, здесь что-то другое. Вот только не пойму что.

Появление Тима с предложением сделать заказ оказалось как нельзя кстати. Мы взяли на двоих порцию моллюсков, Сара выбрала лосося, а я фаршированную курицу.

— О, превосходный выбор! Превосходнейший! Ваши моллюски будут готовы через пару минуток!

Тим умчался за головноногими, а я рассмеялся, надеясь, что Сара не возобновит разговор. Не тут-то было. Подняв голову, я наткнулся на ее требовательный взгляд. Сара ждала ответа.

— Ты ведь от меня не отстанешь, да?

— Просто мне интересно. Если это сокровенное, можешь не говорить.

Да, это сокровенное, в том смысле, что я еще никому не говорил. С другой стороны, меня об этом никто и не спрашивал.

— Ты слышала выражение «вымысел часто интереснее правды»?

Она кивнула.

— Так оно и есть. Твой сексапильный приятель, мистер Клинтон, доказал его на деле. — Я сделал вид, будто не заметил, как Сара сердито поджала губы. — Но знаешь, что странно: вымысел может стать правдой.

— То есть?

— То есть художественный вымысел может повлиять на человека сильнее, чем рассказ о вполне реальных событиях. Казалось бы, достоверные истории должны обладать большей убедительностью. Но литература, основанная на вымысле, воздействует гораздо сильнее, чем хроника. То же самое и с театром. Хотя декорации условны и примитивны, а сюжет явно выдуманый, хороший спектакль не оставит тебя равнодушным. Неслучайно почти все произведения, которые мы объявляем «великими», как раз из разряда художественной литературы, то есть самый настоящий вымысел. И неважно, что это — рассказы, романы, пьесы...

Я резко замолчал, внезапно ощутив неловкость, будто очутился посреди улицы в нижнем белье.

— Здорово, да? — быстро подвел черту я.

— Это и правда здорово!

Мне не терпелось уступить место перед микрофоном.

— А почему ты играешь на гитаре?

— Потому что мне понравилась твоя реакция, когда я сказала об этом.

— А, понятно. — Я предвкушал начало игры. — Ты играешь, потому что это не принято. Потому что ты не такая, как все.

— Вот именно.

— Нет, вовсе не поэтому.

— Вот как? Ты уверен?

Я кивнул.

— Хочешь отомстить? — усмехнулась Сара.

— Да, хочу, а кроме того, я тебе не верю.

Еще одна усмешка.

— Это почему же?

— Не увиливай.

— Что ж, если ты *настаиваешь*...

— Можешь не говорить, если это сокровенное.

Она нахмурилась, но тут же рассмеялась.

— Ты же понимаешь, гитара — универсальный инструмент. Она может быть жеманной, утонченной или безудержно распутной. Она идеально выражает любое настроение. Она гораздо интереснее, чем флейта или даже пианино. Кроме того, рояль с собой не потаскаешь. Но главное, я играю на гитаре потому, что так решила. Вот и все. И неважно, что ты и моя мама думаете об этом.

— Что до меня, то я думаю, что это здорово. И между прочим, с удовольствием послушал бы, как ты играешь.

— Я поиграю для тебя, если ты дашь мне прочесть один из твоих рассказов.

— А ты уверена, что действительно этого хочешь?

— Абсолютно, — отрезала она.

Снова появился Тим, на сей раз с большой дымящейся тарелкой, доверху заполненной моллюсками.

— Будьте осторожны, — предупредил он, вылупив глаза от возбуждения. И водрузил в центр стола блюдо с моллюсками. — Они ужасно, ужасно скользкие. Ужасно!

Еще какие скользкие. Сара взяла ракушку, но не рассчитала и сжала ее слишком сильно. Та вылетела из ее пальцев и чуть не угодила в женщину за соседним столиком. К счастью, грозный снаряд упал на пол и ускакал к соседям под стол. Похихикав, как школьники, мы махнули на него рукой.

— Ты сейчас над чем-нибудь работаешь? — спросила Сара, осторожно раскрывая следующую ракушку.

Ну вот, опять я на арене.

— Закончил рассказ примерно месяц назад.

— Его уже кто-нибудь прочел?

— Послал в журнал.

— Правда? Ну и как? Они что-то ответили?

— Ответили. Что это полная фигня.

На ее лице мелькнуло сочувствие.

— Так и ответили?

— Приложили письмецо к рукописи.

— Они не могли написать «полная фигня»!

— Зато они могли написать, что материал показался им настолько плоским и однобоким, что разочаровал их.

— Плоским и однобоким? — Сара прищурилась, изображая непонимание.

— Настолько, что разочаровал их. Это мое любимое место.

Сара помолчала, потом мрачно улыбнулась и спросила:

— А мог твой рассказ показаться им плоским и однобоким не *настолько*, чтобы разочаровать их?

Я скорбно поджал губы.

— Вряд ли.

— Это все равно что сказать: ваша рукопись настолько ужасная, что...

— ...мы просто в бешенстве, — закончил я.

Сара смотрела на меня, изо всех сил стараясь сдержать смех. Я испустил тяжкий и долгий вздох. Сара не выдержала и захохотала.

— Ваша рукопись такое дерьмо, — сквозь смех объявила она, — что мы просто подавились ею.

Я поднес ко рту бокал.

— Извини, — сказала Сара и снова засмеялась. — Я знаю, это подло.

— Все нормально, — ответил я, махнув рукой.

— Ваша рукопись такой *отстой*, — прыснула она, — что мы тут все изbleвались.

И она зашлась в настоящей истерике. Если глаза — это зеркало души, то смех — настоящий трельяж. Послушав, как человек смеется, можно многое понять. Сара смеялась искренне и безыскусно, без малейшего намека на неловкость или напряжение. Это был смех свободного человека. А такой смех похож на музыку. Сара заливалась от души, подрагивая всем телом, запрокидывая голову. Ей нравилось смеяться. И хотя я ненавижу, как и большинство людей, когда надо мной смеются, но через минуту уже и я хохотал во все горло.

— Прости... прости, пожалуйста, — с трудом выговорила Сара.

— Да ладно... И в самом деле ведь смешно.

— Смешно... Да, с тобой не соскучишься. — Она промокнула салфеткой слезы. — Похоже, мне придется попудрить нос, пока наш официант не принес новое блюдо. Я сейчас.

Она встала и быстро направилась в сторону туалета.

Я смотрел, как Сара идет, огибая столики и людей. Как ее округлые бедра плавно покачиваются, а руки мягко касаются спинок стульев. И вдруг почувствовал, что мне хорошо и спокойно. Несмотря ни на что. Несмотря на настойчивые расспросы Сары, несмотря на мою поразительную и не свойственную мне откровенность, несмотря на скользких морских гадов и противоестественную жизнерадостность официанта Тима и даже несмотря на гнусное письмо из того журнала. Удивительно, но даже физически мне было уже не так погано. Да что там, я чувствовал себя замечательно. Ни следа усталости и головной боли. Словом, Сара Митчелл оказалась отличным лекарством. Пожалуй, придется выставить Алексу бутылку за то, что он пинками погнал меня на это свидание.

От этих приятных мыслей меня оторвал неожиданный возглас:

— Джек?

— Ким!

— Кто это такая?

— Что ты здесь делаешь?

— У меня деловой ужин с коллегой из Лос-Анджелеса. — Всем своим видом Ким демонстрировала недовольство. — Я звонила днем, хотела тебя пригласить, но ты не подходил к телефону.

Сказать, что я удивился, значит не сказать ничего. Просто невероятно. Из бесчисленного множества нью-йоркских ресторанов нас с Ким утраздило выбрать один и тот же!

— Я спал, — пробормотал я. В голове словно туман сгустился, а язык прилипал к небу.

— Так кто это? — требовательно повторила Ким.

Я перевел взгляд на пустой стул Сары, затем снова на Ким.

— Ее зовут Сара.

— И это свидание?

Я криво улыбнулся.

— Странно, что мы оказались в одном ресторане. — Я постарался говорить дружелюбно и непринужденно.

— Джек, — в голосе Ким угадывалась ярость, — это свидание?

— Ким, послушай...

— *Невероятно!* — резко выдохнула она. — После того, что было вчера?!

Естественно, в этот самый момент появилась Сара.

— Добрый вечер, — улыбнулась она Ким.

Предчувствуя беду, я в замешательстве посмотрел на Сару, потом перевел взгляд на Ким. Господи, и как же теперь быть?

— Сара, — сказал я как можно спокойнее, — познакомься, это Ким.

Ким протянула руку:

— Девушка Джека.

— Ким! — воскликнул я.

— Как вы сказали? — Улыбка медленно сползла с лица Сары.

— Девушка Джека, — без запинки повторила Ким.

— Ничего подобного, — встрял я. — Что ты себе позволяешь, Ким?

Всю ее любезность как ветром сдуло.

— Так я не твоя девушка? Мы же были *помолвлены!*

— Вот именно, Ким, мы *были* помолвлены. Все быльем поросло и давно пожухло.

— Выходит, вчерашняя ночь ничего не значила?

— Ким, мы просто слишком много выпили, вот и все, — сказал я сухо.

— Прошу прощения, — вмешалась вдруг Сара. — Приятно было познакомиться, но мы бы хотели продолжить наш ужин.

Тут-то я и понял, что все безвозвратно потеряно.

Ким желчно усмехнулась мне и вонзила испепеляющий взгляд в Сару.

— О, *простите*, пожалуйста, — прошипела она, кривя губы. — Неужели я помешала нежному романтическому свиданию?

— Ким, — проговорил я, прекрасно сознавая, что ничего уже не исправить.

— Вообще-то да, — ответила Сара.

— Ах так! Ладно. Но прежде чем я уйду, может быть, ты, подружка, захочешь узнать, где твой прекрасный принц провел вчерашнюю ночь.

Я вскочил, едва не опрокинув стул.

— Ким, не будь душой!

Ноль внимания.

— Так хочешь узнать или нет? — едко повторила Ким. — Уверена, что ты стораешься от любопытства.

— Черт возьми, Ким! — проскрежетал я и схватил ее за руку.

— Давай, — зашипела она, вырываясь. — Давай спроси его.

Сара помолчала, глядя на нее, потом перевела взгляд на меня. На лице ее не дрогнул ни единый мускул. Завидное самообладание.

— Скажи ей, Джек, скажи, — не унималась Ким. — Где ты провел прошлую ночь?

Похоже, она заткнется, только если ее придушить. Я молчал, уже смирившись с неизбежным.

— Тогда я скажу. Со мной он был. Всю ночь!

От ярости у меня помутнело в глазах.

— Ким!

— В моей квартире...

Как же я ненавижу ее в этот момент!

— ...в моей постели!

Ноги вдруг сделались ватными, колени подогнулись, будто меня со всего маху саданули под ложечку. Пошарив в воздухе рукой, я ухватился за спинку стула и только благодаря этому устоял.

— Это правда, Джек? — тихо спросила Сара.

Я повернулся к ней, но не смог выговорить ни слова.

— Ну давай, Джек, давай, говори, — подбодрила меня Ким, вгоняя свое ядовитое жало поглубже. — Скажи, это правда?

Сара все поняла и без слов. Она вдруг вся поникла. Зато Ким разве что не подбоченилась. Сдохнуть бы, здесь и сейчас сдохнуть. Нет, только подумать, сам себе вырыл яму, и какую. Бессмысленным, ничего не видящим взглядом я обвел зал. Мне вдруг почудилось, что тело мое, моя физическая оболочка треснула, выпуская душу на волю, и та парит над столиками, с интересом наблюдая за происходящим. Вот она зависла над нашим столиком, разглядывая меня, Сару и Ким, а еще через миг, подхваченная неосязаемым ветром, поплыла над головами посетителей, которые, ничего не подозревая, жевали себе, болтали и смеялись. У бара душа моя притормозила, явно собираясь подзаправиться, и тут ее окликнули: «Джек!»

В ту же секунду я вернулся в страшную действительность. Две разъяренные женщины жгли меня взглядами, требуя объяснений. Но никаких объяснений у меня не было. Что я мог им сказать? Что жизнь не удалась? Что счастья нет и не будет?

Первой не выдержала Ким. Презрительно фыркнув, она развернулась и удалилась царственной походкой.

Сара опустила на стул, медленно откинулась на спинку и уставилась в блюдо с остатками моллюсков. Я тоже бухнулся на свое место. Не зная, что сказать, и не решаясь посмотреть на Сару, я также уставился на разломанные раковины.

Так мы сидели довольно долго. Наконец Сара откашлялась.

— Наверное, нам лучше продолжить в другой раз.

— Я хочу все объяснить, — торопливо проговорил я.

— Не надо. Я пойду.

Уговаривать ее не имело смысла. Какие оправдания найти? Да, я трахнул Ким, но это ничего не значит? Или еще хуже: я трахнул ее, и теперь все расчудесно... В смысле, теперь у меня открылись глаза и мне стало легче дышать? Или заявить: «Прошлая ночь никак не меняет мое отношение к тебе»? Жалкий лепет, особенно жалкий, учитывая непреклонность, написанную на лице Сары. И уже не имеет значения, что еще четверть часа назад мы были так близки. Все кончено. В том числе и свидание. Я подал знак официанту.

— Как вам отдыхается?! — радостно прокричал незадачливый Тим, подскакивая к нам. — Правда, моллюски *восхитительны*?!

— Боюсь, нам придется уйти. Принесите счет, пожалуйста.

Восторженная улыбка сползла с лица Тима. Он растерянно посмотрел на меня, потом на Сару. — Она сидела с каменным лицом, сложив руки на коленях, опустив глаза. Тим отпрянул назад, будто отстраняясь от неожиданного неприятного запаха.

— Тим, пожалуйста, принесите счет, — повторил я.

Он поспешно ретировался.

Когда мы вышли на улицу, я предложил Саре проводить ее до дома.

— Не стоит. Нам вряд ли по пути, — ответила она.

* * *

Я вернулся домой. На автоответчике мигал огонек.

Внутри у меня все так и сжалось.

Я взглянул на часы, прикидывая, могла ли Сара домчаться до дома и выплеснуть в трубку всю свою ярость. А если это не Сара, то наверняка Ким. Даже странно, что сообщение всего одно. Я пялился на игриво подмигивающий автоответчик, не испытывая ни малейшего желания услышать, что приберег для меня этот кусок пластмассы.

Ладно, полчаса ничего не изменят. Разденусь. Почистищу зубы. Включу телевизор и минут двадцать без всякого интереса посмотрю спортивный канал.

В конце концов я не выдержал. Дотянулся до автоответчика и нажал на кнопку.

— Привет! — раздался задорный голос Джени. — Давненько не виделись, вот решила позвонить, узнать, как дела. Где был, что видел? Как ты вообще? Ходил в «Метрополитен»? Весело было? Публика все та же? Снял кого-нибудь?

Интриганка из Джени никудышная. Я ведь знаю, что Мэтт все ей рассказал. Так и есть:

— Мэтт сказал, что потерял тогда Сару из виду на целый час. Говорит, ушла куда-то на минутку и будто испарилась. Ты случайно не знаешь, куда она подевалась? — Злодейский смешок. — Позвони мне, дорогуша.

Глава одиннадцатая

На следующее утро я запланировал как можно дольше не вылезать из постели, желательно до вечера. Но разумеется, ничего не вышло. Как назло, проснулся в десять, помаялся немного, выбрался из постели и побрел на кухню — пить кофе и поедать самого себя.

Где-то около полудня меня осенило, что Джени не стала бы звонить, если бы знала, что я пригласил Сару на ужин. А если так, то есть вероятность, что Джени не в курсе вчерашней катастрофы. Так, может, стоит позвонить Джени и попытаться что-нибудь разведать?

К счастью, Джени оказалась дома. Обменявшись ничего не значащими фразами, я перешел к разведывательной операции, но, увы, ни один мой навоящий вопрос не получил ответа. Джени никогда не умела держать язык за зубами, так что если бы она знала хоть что-то, то наверняка поделилась со мной. Выходило, что Джени действительно не знает ни о свидании, ни тем более о катастрофе.

Я решил зайти с другой стороны.

— Слушай, руки — это сексуально?

— Руки?

Ее искреннее удивление придало мне уверенности.

— Ну да. Мужские руки. По-твоему, они сексуальны?

— А-а, — протянула Джени многозначительно. — Ну конечно, не всякие. Но если красивые и сильные, то да, пожалуй.

— Давай-ка поподробнее, — потребовал я.

— По рукам можно все сказать о человеке. У грязнули под ногтями целый огород, а псих сгрызает ногти до крови, как настоящий вампир.

— Я тебя не про гигиену спрашиваю, а про сексуальность!

— Чистота — залог сексуальности. Поверь мне. Но ты прав, одной чистоплотности мало. Лично меня возбуждают только большие и сильные руки. Мужественные, умелые. Знаешь, руки, которые умеют строить, ворочать всякие тяжести...

— Строить? Тебя что, возбуждают каменщики? Или штангисты?

— Ну не в буквальном, разумеется, смысле. Но вообще-то тут задействованы примитивные инстинкты. Для женского подсознания мужские руки олицетворяют защиту. И потом, как представишь, как сильные руки обнимают тебя, гладят твое тело... Красивые, длинные пальцы... Словом, ты понял, да?

Похоже, что понял. Ладно, продолжим.

— Еще один вопрос, если позволишь.

— Валяй.

— Как по-твоему, Билли Клинтон сексуальный?

— Слушай, это и есть глубокомысленные вопросы, над которыми все мужики ломают голову?

— В самую точку. Ну так что? Ты считаешь Клинтона сексуальным?

— Если честно, он не совсем в моем вкусе, но многие женщины от него просто без ума.

— Правда? — Я ощутил разочарование. — Многие, говоришь... И очень их много?

— Я не считала, но среди моих знакомых таких полно.

— Серьезно?

— А что в этом такого?

— Но с таким послужным списком Клинтона должны презирать. Женщины, во всяком случае.

— С этим проблем нет, — хохотнула в трубку Джени. — Многие и презирают. А другие совсем наоборот. Да что тут странного?

— По-моему, он просто не может нравиться женщинам, после этой его грязной истории.

— Да ты сам посуди. Образованный, талантливый, уверенный в себе, добился в жизни всего. И наконец, власть. Он же был президентом. Такой мужчина просто *не может не нравиться*.

— Не может не нравиться, — медленно повторил я, смутно надеясь, что Джени наконец поймет абсурдность этого утверждения.

— Ага, так и есть.

— По-твоему, это нормально?

— А почему нет?

— Джени, — заорал я в трубку, — он же бабник! Кобель! Женат на замечательной женщине, а не побрезговал практиканткой! («Которая тоже “играет за нас”», — машинально подумал я.) Он ведь жене изменил, черт возьми! Называть его сексуальным все равно что назвать Гитлера милосердным!

— Ну... в каком-то смысле ты прав.

— Так, по-твоему, измена сексуальна? А бабники возбуждают?

— Не все, конечно. Но некоторые еще как.

— Еще как?! — Я даже задохнулся — не то от изумления, не то от негодования. — Но это же абсурд! Как женщин может привлекать мужчина, который видит в них лишь объект для своей похоти?

— Я же не говорю, что он *добропорядочный*.

— Что за бред! Как могут женщины тащиться от мужика, который держит их за одноразовые мастурбаторы?

— Никто не собирается влюбляться в такого или выходить за него замуж. Если мы считаем кого-то сексуальным, это не значит, что мы мечтаем быть рядом с ним. Не надо путать секс с любовью.

Джени замолчала, потом вдруг захихикала.

— Кажется, так *мужики* говорят?

* * *

«МакАлиер». Бар, куда я регулярно заглядываю, потому что он за углом. Разбавленное пиво, ужасная еда, словом, гнусная забегаловка, зато под боком. И еще у них лучший в округе телевизор с большим экраном, а через тридцать пять минут начнется третья игра «Янки» против «Ред Сокс». Я сидел за столиком, ждал Алекса, вяло листал «Пост» и нехотя поглядывал на экран.

Алекс подкрался сзади и гаркнул:

— Где наше пиво?

Потом встал передо мной, уперев руки в боки. Алекс был в джинсах и футболке, а я приперся в бар прямо с работы, поэтому потел в костюме.

— Сегодня пиво с тебя, — я продолжал листать газету, — мне возьми имбирного.

— Снова сухой закон?

— Суше не бывает.

— И зачем над собой так измываться?

— Никогда не слышал, что алкоголь — это яд?

Алекс усмехнулся:

— Только если не знать меры. Вода — тоже яд, если выхлебать слишком много. Чувак, тебе нужен баланс. Новый подход. *У-ме-рен-ность*. — В его устах это слово прозвучало как некий редкий термин. — Врачи говорят, что ежедневное употребление спиртного в малых дозах даже полезно. Помогает расслабиться. Снять стресс.

— Имбирное пиво, — напомнил я.

Он хмыкнул и двинулся к бару. Я снова уткнулся в газету.

— Кружку пива и бутылочку имбирного, — долетело до меня. Затем чуть тише: — Привет, как дела?

Я обернулся. Алекс уже всю любезничал с двумя девицами, сидевшими за стойкой.

Одна из них стрельнула взглядом в мою сторону.

— Это твой приятель? — услышал я и нарочито громко захрустел газетой.

Через несколько секунд Алекс материализовался передо мной.

— Чувак, там две телки жаждут, чтобы мы к ним подсели.

— Кажется, мы игру пришли посмотреть.

— Так и есть. Но прелесть жизни в том, что можно смотреть бейсбол и болтать с женщинами. — Он наклонился ко мне: — Та, что слева, *особо* интересовалась тобой. Спросила: «Это твой приятель?» Подача прямо на битую. — Он еще понизил голос: — Считаю, тебе повезло!

Я молчал, надеясь, что он отцепится. Но не тут-то было, Алекса не так просто сбить с курса. Он плюхнулся за столик и продолжил нудеть:

— Сечешь, что происходит? Ты околачиваешься здесь уже двадцать минут и даже не взглянул в их сторону. Ты их заинтриговал! Пользуйся моментом, чувак!

Я глянул на него поверх газеты. Алекс сидел, чуть подавшись вперед, и сжимал бокалы, чтобы я не мог до них добраться. Вспомнив наш разговор с Джени, я покосился на его руки. И тут же отвел глаза: до меня дошло, почему женщины считают мужские руки сексуальными. Я чуть со стыда не обуглился. Чувство такое, будто тайком глазею в раздевалке на его член.

— Понимаешь, женщины как собаки. Они чувствуют страх. Если тебе приспичило, но ты боишься, что тебя отошьют, то тебя обязательно отошьют. Твой страх отпугивает женщин не хуже, чем репеллент комаров. А когда тебе по фигу, когда ты сама уверенность, как сейчас... ты в центре внимания! — Похотливый смешок. — Я тебе говорю, чувак, *ничто* так не интригует женщину, как мужик, которому нет до нее дела. У нее словно зуд начинается.

— Какого черта тебе надо? — взорвался я.

— Да что с тобой?

— Что ты ко мне прицепился?

Алекс с полминуты рассматривал меня, прикидываясь непонимающим, потом вздохнул и нахмурился.

— Я пытаюсь расшевелить тебя! Вывести из твоего дурацкого транса!

— Я не в трансе. И не нужно меня шевелить.

— Нет, нужно.

— А я говорю, не нужно.

— А я говорю, нужно. Дураку ясно, у тебя очередная депрессия.

Я скомкал газету.

— *Нет* у меня никакой депрессии. Заруби себе на носу.

— Еще как есть.

— *Нет!*

Похоже, я заорал слишком громко, потому что остальные посетители бара, включая девиц у стойки, уставились на нас. Но мне было плевать.

Алекс покосился на девиц и ткнул в меня пальцем:

— Посмотри на себя.

— У меня нет никакой депрессии, — отдельно повторил я. — Мне просто тошно.

— И в чем разница?

— Депрессия бывает у женщин и голубых.

Алекс покачал головой.

— Мне тошно, но я от этого не страдаю. Мне даже нравится. Просто у меня такое настроение, вот и все.

— Раз так, то моя задача — перенастроить тебя, чувак.

— Отстань, Алекс. Оставь меня в покое, человек имеет право погрустить.

— А заживо себя хоронить он тоже имеет право?

— У меня полно причин для этого.

— Да ну?

Поняв, что он не отвяжется, я демонстративно расправил скомканную газету, аккуратно сложил, выпрямился и скрестил руки на груди.

— Я мечтал жениться на прекрасной женщине. Надеялся завести детей и жить с ней до скончания дней. Но она оказалась насквозь лживой. Не той, кого я знал и в кого влюбился. За три недели до свадьбы она переспала с едва знакомым мужиком. Чем не повод для гнусного настроения?

Алекс страдальчески закатил глаза.

— Но это еще не все, далеко не все. Сдуру поддавшись на *твои* уговоры, я пригласил Сару поужинать. В Нью-Йорке больше *двух тысяч* ресторанов — я специально проверил сегодня по справочнику, — но и Ким выбрала именно этот. И закатила истерику. Орала, что всю прошлую ночь я кувыркался нагишом в ее постели. Как ты думаешь, Сара обрадовалась? Так вот, она совсем не обрадовалась. Она ушла из ресторана и даже не позволила проводить ее. Она недвусмысленно дала понять, что не желает иметь дело с таким лживым и грязным подонком, как я. Тебе достаточно причин? На мне лежит проклятье, это уже очевидно. Господи, ведь знал же, что надо держаться от баб подальше.

Приоткрыв рот, Алекс смотрел на меня. Опомившись, он помотал головой и пробормотал:

— Можно отвести лошадь к воде, но от этого она не станет рыбой.

О чем это он?

— Знаешь, мне кажется, радоваться жизни гораздо приятнее, чем не радоваться.

Философская мысль, ничего не скажешь.

— Ты должен наплевать на все. Должен встряхнуться и снова запрыгнуть в седло.

— Должен?

— Да, — твердо сказал Алекс. — Должен. — Несколько секунд он сердито

смотрел на меня, затем лицо его смягчилось. — Согласен, эта маета с Ким и Сарой тебя достала. Но жизнь-то продолжается. Пришла пора собирать лимоны и делать лимонад. Земля все еще вертится. И не забывай, чувак, что с каждым днем мы ближе к могиле. Поэтому *carpe diem*, дружище! Лови карпа!

— Лови день, — машинально поправил я.

— Чего?

— Лови день. Это латынь. *Diem* значит день, *carpe* значит лови, а не «карп», болван. А все вместе означает «лови момент». Карпы и прочие рыбы тут ни при чем, понял?

Алекс прищурился.

— Нет так нет. Главное, что ты сейчас в центре внимания. А такое, между прочим, случается не каждый день. Расслабься. Лови момент. И женщин.

— Не хочу ничего и никого ловить.

— Через «не хочу»!

Мы помолчали. Затем я медленно, точно на меня снизошло откровение, проговорил:

— Ты сказал, я в центре внимания, потому что *не* смотрю на них, потому что мне они *не* нужны. Так?

— Так, именно так! — обрадовался Алекс.

— Значит, если я буду знакомиться с намерением... если я буду стремиться к этому... — я выдержал паузу, — я уже не буду в центре внимания, так?

Алекс раскрыл рот, чтобы еще раз восторженно поддакнуть. И тут до него дошло. Он так и замер с открытым ртом, потом буркнул:

— *Черт!*

* * *

По дороге домой моя хандра, которая до этого мне даже нравилась, переросла в настоящую тоску. Равнодушие сменилось осознанием одиночества. Навстречу мне то и дело попадались парочки. Они ворковали, нежно жались друг к другу, держались за руки, а я плелся один, словно неполноценный. Словно меня обделили основным инстинктом. Казалось, что может быть проще, чем главный закон жизни — двое встречаются, сближаются и идут дальше вместе. Но для меня эта простая и обычная вещь почему-то превратилась в неразрешимую проблему. Мужской и женский мир вокруг плодился и размножался, а меня будто высадили на необитаемый остров, где нет ни секса, ни любви, ни женщин.

Отчаяние наваливалось все сильнее. Ответов у меня не было, одни вопросы. За что мне все это? Почему именно со мной приключилась такая гнусность? За какие такие ужасные прегрешения мне выпала доля, достойная Иова? Ну да, я не безгрешен, но в меру, не больше, чем любой другой человек, так почему именно мне достались эти душевные муки?

А что, если это не наказание? Что, если это фарс, идиотская шутка? А может, я просто спятил? Слишком сильное потрясение после измены Ким, и я — бац! — очутился в некоем искривленном измерении и теперь все воспринимаю искаженно? Может, я угодил в Бермудский треугольник отношений между мужчинами и женщинами? И действительность — моя действительность! — вывернулась наизнанку, а я стал заложником сюрреалистической реальности, достойной Кафки, Кэролла или Свифта?

Но что, если все еще хуже и я просто то, что я и представляю? Слабый и

никчемный человек.

Глава двенадцатая

На двери моего кабинета висела записка: «Тед О’Коннел в городе. Один день. “Койот” в 20.00?»

Я невольно улыбнулся. Давненько я не виделся со стариной Тедом. С тех самых пор, как он со своей женой Кэрри перебрался в Японию. Два года прошло. Время от времени мы переписывались по электронке, но увидеться, ясное дело, приятнее.

Познакомились мы в аспирантуре, Тед тогда только начинал писать для газеты. Мы мнили себя великими писателями и, как все начинающие, стремились к суровой правде жизни. В «Койот» же отправлялись, когда хотелось отдохнуть от снобов, которыми были забиты все бары в окрестностях Колумбийского университета.

Но, как только мы защитились, с «Койотом» было покончено. Сами того не замечая, мы все чаще забивали стрелки в модных заведениях престижных кварталов. И трепались о работе и жилье в Хэмптоне[12], а не о политике и любимых писателях.

Я так и предвкушал, как мы снова будем цедить пиво в полутемном прокуренном зале под заунывное мычание Хэнка Уильямса[13].

* * *

Тед, ссутулившись, стоял возле бара и читал журнал. Он ничуть не изменился: все та же потертая коричневая куртка поверх болотного свитера, джинсы мешком, высокие кроссовки. Как будто расстались неделю назад. По-дружески облапив друг друга, мы посмеялись, что встретиться довелось в «Койоте».

«Гадкий койот» расположен по соседству с тем местом, где раньше находился «Деревенский идиот». На самом деле заведение именуется «Салун у Гадкого койота», но завсегдатаи называют его за просто «Койот». На первый взгляд это обычный кабак в цоколе проседающего жилого дома между Восточной Девятой и Десятой улицами. Но вошел в моду он благодаря тому, что внутри.

Представьте длинное узкое помещение. Вдоль левой стены тянется пропитавшаяся пивом барная стойка. Справа шесть или восемь деревянных кабинок. За баром широкое, потускневшее от дыма и времени зеркало, над ним пожелтевший от дыма «Веселый Роджер» и надпись: «НАПИТЬСЯ МОЖЕТ ЛЮБОЙ. СТАНЬ ГАДКИМ!» Клиентура соответствующая: мускулистые и пузатые дальнобойщики да затянутые в кожу байкеры, забившие всю обочину возле бара своими «Харлеями». Татуировки здесь дело привычное, даже у немногочисленных представительниц слабого пола, рискнувших сюда сунуться. Выбор скуднейший — крепкие напитки да пиво «Пабст Блю Риббон». Из развлечений старый бильярдный стол в конце зала и музыкальный автомат, играющий исключительно «кантри». Не то «кантри», какое играют сейчас. Никаких модных штучек вроде Шанайи Туэйн, Гарта Брукса или Вайнонны. Только Джонни Кэш и Уэйлон Дженнигс, Мерл Хэггард и Пэтси Клайн.

При первом знакомстве «Койот» шокирует. Но если придушить минутное желание сбежать куда подальше, понимаешь, что заведение — настоящий клад. Где еще найдешь такие естественные физиономии? Если, конечно, не боишься наглотаться дыма или получить по морде.

А это проще простого: драки здесь дело обычное. Разнимать их никто не спешит. Зачем портить людям удовольствие? Пусть выяснят отношения и достигнут взаимопонимания. Никто и не обратит внимания на потасовку, пока его не заденут или звон разбитой бутылки и треск поломанного стула не нарушат мирный треп. «Это полезно, — прорычал как-то один из завсегдатаев, больше смахивающий на медведя, когда я побледнел при виде двух байкеров, швырявших друг друга по залу. — Воздух циркулирует».

Казалось, кто-то наткнулся на этот придорожный салун в глубинке не то Алабамы, не то Миссисипи, вырвал его с корнем и на вертолете перетащил на север, сбросив не где-нибудь, а в юго-восточной части Манхэттена. А Тед и я полюбили это место.

— У меня завтра собеседование в «Бизнес уик», — объявил он, как только мы уселись в кабинке и открыли по банке пива.

Тед предпочел бы литровые кружки, но я надеялся, что малые дозы позволят мне хотя бы отчасти соблюсти обет трезвости. Конечно, лучше бы заказать что-нибудь безалкогольное, но в «Койоте» такого не держат. К тому же подобная просьба могла стоить мне жизни.

— Правда? И что тебе светит?

— Предлагают возглавить отделение в Токио.

— Отличная новость.

— Ну это еще бабушка надвое сказала. Предложение неожиданное, но в любом случае лестное. В общем, повезло. Вот только ради какого-то собеседования пришлось отмахать пятнадцать тысяч километров.

— Надеюсь, они оплатят перелет?

Тед кивнул:

— Даже второй билет, для Кэрри.

— Так она тоже в городе?

— Нет, поехала навестить родителей на Лонг-Айленд.

— Ну и как вам Япония?

— Мне нравится. Одно время подыхал со скуки, но теперь привык. Жена с утра до ночи пропадает в музее, работает с одним известным ученым. В прошлом году ее диссертация попала ему на глаза, теперь работают вместе. И потом, Кэрри в Японии как дома.

— Она ведь училась там, да?

— Хорошая память, — улыбнулся Тед.

Тед и Кэрри женаты три года, хотя познакомились еще в университете, на последнем курсе. Наша теплая компания человек из десяти с разных факультетов тогда обитала в общежитии на одиннадцатом этаже. Маскировались они до последнего — видно, боялись внести раздор в нашу дружбу. А нам было и невдомек. Эти двое были настолько разными людьми, что никто и не заподозрил, что у них роман. Тед вместе с тремя братьями вырос в простой рабочей семье, в крохотном городишке близ Детройта. Он строил из себя «настоящего журналиста»: вечно лохматые волосы, растянутые свитера грубой вязки, очки в металлической оправе, из заднего кармана джинсов неизменно торчит свернутый в трубочку журнал. А еще Тед всегда был страстным болельщиком, зубок знал имена всех спортсменов и мечтал заполучить спортивную рубрику в крупной газете. Кэрри была совсем другой — единственная дочь родителей-интеллектуалов, юность провела в Японии, где ее отец преподавал за-

падную литературу в университете. Кэрри писала работу по изобразительному искусству какой-то там японской династии, с виду была типичным синим чулком, держалась всегда немного особняком и чуточку надменно. Хотя внешность у нее была вполне ничего — миниатюрная, с каштановыми локонами до плеч и большими глазами. Естественно, прилежная тихоня-аспирантка относилась к спорту свысока, если не сказать презрительно.

Постепенно тайное стало явным, но мы продолжали увлекательную игру в молчанку. Тед и Кэрри знали, что мы знаем, но открываться не спешили. На чистую воду их вывела пожарная сирена.

Сирена в общежитии орала постоянно, два-три раза в месяц, и всегда среди ночи. Нам так и не удалось выяснить, в чем там дело — ветхая электропроводка или это шуточки какого-нибудь урода с младших курсов. Когда она начинала выть, все до единого, шатаясь и матерясь, ползли гуськом с одиннадцатого этажа на холодный двор. Один наш приятель решил как-то забить на это дело и остался в постели, так педанты-пожарники выломали дверь в его комнату.

Как-то раз в начале декабря сигнализация врубилась в три утра. Медленно, как дохлые мухи, в холл выползали сонные и злые студенты.

— Блин, поймаю козлов, все мозги вышибу, — зло ворчал кто-то рядом со мной.

Я осмотрелся:

— А где О'Коннел?

Только я спросил, как в другом конце коридора скрипнула дверь Кэрри и сладкая парочка вывалилась из комнаты и ошалело уставилась на нас. Сообразив, что скрывать уже нечего, Тед обнял Кэрри за талию, наклонился и поцеловал в шею. Обычный, в общем-то, жест, но мы его оценили по достоинству. Кэрри испуганно сжалась и попыталась отстраниться, но было поздно. Мы заплодировали, отчего Кэрри смутилась еще больше, а Тед радостно рассмеялся. Уже не смущаясь, он обхватил Кэрри и поцеловал в губы. Последовала новая порция оваций. Помнится, мы все тогда за них порадовались.

— А как дела у тебя? — поинтересовался Тед. — Вижу, ты заделался настоящим ньюйоркцем.

— Все так же гну спину в банке.

— Пишешь?

— Немного. Слишком много работы.

Тед провел пальцем по запотевшей банке.

— Э-э... а кто такая Сара?

От неожиданности я аж замер. Вот это оперативность! Я знаю Сару всего три недели, а Теду не писал уже несколько месяцев.

— Кто тебе натрепал про Сару?

— Ну, Джек, на самом деле Япония не так уж и далеко.

— Ага, а еще у Алекса язык без костей.

Этих двоих познакомил я, а теперь они спелись за моей спиной.

Тед улыбнулся.

— Так кто она?

— Мы больше не встречаемся, — мрачно проворчал я.

Тед откинулся на спинку скамьи, словно я отпихнул его.

— Я думал, вы только познакомились.

— Три недели.

— И откуда она взялась?

— Помнишь Джени Марино? Мы с ней были с одного отделения.

— Темненькая такая, симпатичная?

— Вот-вот. Она теперь с братом Сары.

— Так это Джени вас свела?

Я отрицательно помотал головой.

— Я был на свадьбе у Тома, моего друга еще по колледжу. А она школьная подруга невесты.

Тед многозначительно посмотрел на меня:

— Итак, познакомились на свадьбе. И она — подружка невесты.

— Мир тесен.

— А чем Сара занимается?

— Адвокат, живет в Нью-Йорке. — Меня начинал утомлять этот разговор. Не так я себе представлял встречу со старым другом.

— Красивая? Судя по рассказам, она нечто.

— Красивая.

— И что?

— Давай сменим тему, — сухо предложил я.

Тед молчал.

— Ладно, — буркнул я. — Мне сейчас не до женщин, понятно?

— Это почему?

— Потому.

Отвязаться от Теда оказалось ничуть не легче, чем от Алекса.

— Устал я от серьезных отношений. Мне сейчас никто не нужен. Одному спокойнее.

— Значит, ты порвал с ней?

— Нечего было рвать.

— Ну свидание-то было?

— Лишь одно. Так что не в счет.

— Она тебе не понравилась?

— Понравилась.

— Понравилась, — задумчиво повторил он. — Что-то ты воду мутишь. Итак, она красавица и, судя по всему, не дура, и тебе она понравилась, но видеть ты ее больше не хочешь. Странно, правда?

— Я уже сказал, что устал от серьезных отношений.

— А ты думаешь, что она настроена именно на них.

Я не ответил.

— Слушай, а может, это она тебя забракковала?

— С чего бы? — возмутился я. — Не знаю, как сейчас, но раньше я ей нравился.

— Вот! — завопил Тед, как будто застучал меня за подделкой документов. — Это в твоем стиле! Конечно, ты ее послал. Ты же всегда так поступаешь. Стоит какой-нибудь девушке запасть на тебя всерьез, как ты сразу делаешь ноги. Разве есть что-то страшнее для Джека Лафферти?

И снова я промолчал. Мы с Тедом не виделись два года, и раз уж ему припичило помучить меня, пусть потешится, глядишь, быстро надоест.

Но Тед вцепился в меня как репей в собачий хвост.

— Ведь в этом все дело, да?

Я приложился к банке с пивом.

— Я прав?

Тед всегда мнил себя знатоком человеческих душ. Вот и сейчас на его физиономии написано: «Я знаю тебя как облупленного». Но самое гнусное, что он прав. И этот мерзавец действительно знает меня как облупленного. И так было всегда. Хобби Теда — выводить меня на чистую воду. Потому он и стал моим другом, хотя временами я его за это ненавижу. И конечно, мой друг всегда не прочь послушать о моих любовных похождениях. Увы, они разворачивались по одному сценарию.

Я вовсе не западаю на всех женщин, встречающихся на моем пути. И уж тем более не мечтаю каждый раз о любви до гроба. Иногда просто хочется секса. Согласитесь, дело обычное. Но если уж у меня завязывался роман, исход можно было предсказать с самого начала. Бренда — первая серьезная любовь, на первом курсе колледжа. Лора — после третьего курса. Марлена, журналистка, сразу по окончании колледжа. Лесли — на старших курсах в университете. Дальше Синтия из рекламного агентства, не помню, когда именно... Между ними не было ничего общего. Но как только эти неглупые и привлекательные девушки решали, что у нас все серьезно, я быстро терял к ним интерес.

Черт его знает, что они находили во мне. Конечно, я умел ухаживать: шептал на ухо нежные слова, тратился на подарки и старался смешить. Но я всегда держал дистанцию, никогда не раскрывался полностью, не пускал дальше порога своей души. Ни одна из этих девушек не вдохновила меня настолько, чтобы я захотел отдать себя целиком. Ни разу я не терял рассудок из-за женщины. А тех, с кем это происходило, считал слабаками.

И дело не в том, что я боялся этого. Я ничего не имел против сильных чувств. Я даже мечтал потерять голову и начать творить ради женщины всякие глупости. Я готов был глазеть на нее, как последний идиот, где-нибудь в людном месте, не замечая никого и ничего вокруг, я с радостью бы слышал, видел и обонял только ее одну. Я болтал бы с ней целыми днями о всякой ерунде, наплевав на работу и прочие обязанности. Я бы ночами напролет смотрел на нее, оберегая ее сон. Все это я бы с удовольствием проделывал, если бы... если бы встретил такую женщину. Но за все эти годы никто не зацепил мою душу и не перевернул мою жизнь. Мне попадались девушки милые, красивые, неглупые, они были всем хороши, кроме одного — они мне были не нужны.

Секс проще любви. Вот в нем я умел растворяться, умел забыть обо всем на свете, в том числе и о том, что надо держать все под контролем. Мое тело и сознание проваливались в сладкое небытие, и я уже испытывал не просто физическое наслаждение, а настоящую близость. Но секс, увы, быстротечен.

Как и страсть. Меня просто бесит, как быстро проходит страсть. Только что вспыхнула, сплошной восторг и экстаз, и вдруг все испарилось. А вместо страсти остался лишь жуткий выбор между верностью и новыми возможностями. Раньше я думал, что можно нагуляться и перебеситься. Ходить направо и налево, набираться ярких впечатлений. Короче, создать неприкосновенный запас воспоминаний на черный день и только потом связать себя узами брака. Но оказалось, чем больше блудишь, тем больше хочется. И я как буриданова ослица не мог выбрать. Страсть или моногамия. Постоянство или свобода. Как совместить несовместимое? Отдать себя, любимого, единственной женщине,

— Зря издеваешься. Я не волоку тебя к алтарю, но хочу знать, что ты имеешь против брака.

— Ничего. Я был *помолвлен*, если помнишь.

— Как же, как же, — согласился Тед. — Но до этого ты перебрал целую толпу женщин, замечательных, между прочим, женщин, и ни одной всерьез не увлекся. Потом случилась эта твоя помолвка, больше напоминавшая несчастный случай, а теперь вот Сара. И все вернулось на круги свои, да?

— Я еще не встретил ту самую, — холодно произнес я.

У бильярдного стола раздался взрыв хохота. Мужики аплодировали и восторженно дубасили по спине здорового типа в засаленных джинсах и потертой кожанке. Он радостно тряс кием в одной руке и банкой пива в другой.

— Должно быть, сумасшедший шар вколотил, — сказал Тед и внезапно спросил: — Кстати, ты когда-нибудь любил?

— Ради бога, Тед! — застонал я.

— И все-таки?

— Это глупо.

— Я ведь не спрашиваю, воровал ли ты или как тебе понравился героин. Я задал обычный вопрос.

— Я не знаю.

— Как это ты можешь не знать?

— Да! — чуть не закричал я. — Доволен? Да, я любил Ким. *Естественно*. Я бы уже женился, если б она не... Я любил Ким.

— И поэтому ты боишься снова полюбить?

— Я не боюсь. И меня бесит, как все вокруг твердят о страхе. «Вы *боитесь* близости». «Вы *боитесь* преданности». Чушь собачья. Я никогда не боялся преданности. Дело вообще не в этом.

— А в чем?

— Представь, я женюсь и стану с кем-то жить. А потом в один прекрасный день, через месяц или через десять лет, я встречу ее. Мы будем вместе работать, или познакомимся на вечеринке, или она окажется рядом со мной в автобусе. Я посмотрю ей в глаза, она улыбнется в ответ, и все станет ясно. Но я уже не смогу что-то изменить. Поздно, я уже женат. Мне казалось, что я знаю Ким, а как все повернулось...

— Любовь с первого взгляда случается только в кино, — возразил Тед. — В реальной жизни все прозаичнее.

— А я думаю, что не только в кино.

— С тобой уже такое было?

— Пока нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

— Ну... надо же хоть во что-то верить.

— Подыщи веру понадежнее. И предупреждаю, скоро ты превратишься в старого зануду.

— Я мужчина, — напомнил я. — Тридцать пять — пора расцвета.

— А давно ли было двадцать? Джек, пора подумать о тылах. Торопись, или так и будешь куковать один.

Я саркастически засмеялся:

— Значит, для *этого* люди женятся? Чтобы кто-то поднес водички на старости лет? Довольно убогая причина для того, чтобы жить с другим челове-

ком. На любовь уж точно не похожа.

— Ну, в конечном счете все к этому и сводится. Разумеется, тебе должен нравиться человек, с которым живешь. Не стоит хватать под руку первую попавшуюся. Но глупо рассчитывать, что бешеная страсть продлится вечно. Думаешь, у нас с Кэрри секс такой же жаркий, как десять лет назад, когда я тайком прокрадывался в ее комнату? Отнюдь, старина. Чувства притупляются.

— Вот спасибо, Тед, утешил.

— Но это правда. Жизнь мало напоминает романтические мечты. Мы женимся, чтобы найти себе спутника жизни. В этом главное.

— Тогда я лучше останусь один. Мне и так неплохо.

— Ага, вид у тебя чертовски счастливый.

— Просто полоса такая. Пройдет.

— Это слова. И вряд ли стоит бросать женщину лишь потому, что ты ей понравился.

— Ты не только психологом, но и философом заделался?

— Нет, просто я достиг того возраста, когда могу быть счастлив с одной женщиной.

— Вот только не надо изображать из себя умудренного опытом старца, который читает нотацию прыщавому юнцу.

— Извини. Но сам подумай. Что произойдет в самом худшем случае? Ну поженитесь вы, проживете года три, а потом ты встретишь свою голливудскую мечту. Так разведетесь. Все так делают.

— Знаешь, Тед, забавно, но я отношусь к браку куда серьезнее тебя.

Тед рассмеялся.

— Сам подумай. Я не хочу жениться для того, чтобы развестись, если дело не сложится. Я хочу, чтобы все было по-настоящему, понимаешь? Чтобы навсегда, на всю жизнь. Вот поэтому я и ищу.

— Но ты никогда не будешь...

— Что?

— Никогда не будешь уверен. Вот в чем твое главное заблуждение. Уверенности никогда нет.

— Ерунда. На свете полно людей, которые абсолютно уверены в своем выборе. Например, мои родители.

— Они врут.

— Как это?

— Они врут сами себе. В этом деле наверняка не знает никто.

— Так ты не уверен, что любишь Кэрри?

— Я не о том. Разумеется, я люблю Кэрри. Но никто не может предсказать будущее. Никто не знает, что с нами случится. Брак — всегда риск. Прыжок в темноту. И ничего с этим не поделаешь.

— Что ж, я рисковать попусту не люблю.

— Но только рискнув, можно узнать, есть у тебя шанс или нет.

— То есть?

— Иначе вы не сможете проверить свои чувства. Риск — не такая уж плохая штука, точно тебе говорю. Он обостряет чувства, он проясняет сознание. Если ты поймешь, что готов рискнуть и прожить с ней до конца дней, то жизнь сразу меняется, все уже видишь иначе, словно пелена с глаз спала. Риск — твой союзник, Джек, а не враг. Ты должен это понимать. Ты же бан-

кир.

Я сердито хмыкнул:

— По-моему, ты несешь полный бред.

Тед ухмыльнулся:

— Еще по пиву?

Он встал и направился к стойке. Я смотрел ему вслед и вдруг заметил барменшу, которую прежде не видел. Ей было лет двадцать пять, невысокая, стройная, с небольшой грудью и хрупкими плечами. Лицо сужалось к подбородку, слегка напоминая лисью мордочку, короткие светлые волосы лишь слегка прикрывали маленькие уши. Больше всего она походила на хулиганистого пацана. И наряд был в самый раз — джинсы и рубашка с короткими рукавами, завязанная узлом на талии.

Она была красива. Я увидел, как она улыбнулась, и ощутил, как внутри просыпается знакомый зверь — я хотел ее. Хотел почувствовать ее тело. Тепло ее кожи. Ее вкус, ее запах. И тут же понял, что не нужны мне ни новые отношения, ни тем более какая-то философия о мужчинах и женщинах. Мне нужен секс. Только секс. Алекс абсолютно прав. Мне срочно требуется секс, старый добрый секс, жаркий и потный. Самое лучшее лекарство.

Я смотрел на барменшу и представлял ее в постели. Ее загорелое тело на моих простынях. Слегка покусывая, я целую ее шею, плечи, медленно перемещаюсь ниже. Потом переворачиваю ее на спину и с нежностью разглядываю ноги, которые разведены и чуть согнуты в коленях, мягкий и ровный живот, упругую нежную грудь.

Сексом мы занимаемся сначала медленно и нежно, затем похотливо и безудержно. Вместе и по очереди, она во мне и я в ней. Как там писал старина Керуак[14]? *Самое сладкое, самое чистое и приятное удовольствие, доступное людям на этой земле.*

— Джек?

— М-м?..

— Ты здесь?

Тед быстренько вычислил направление моего взгляда.

— Забудь, — отрезал он.

— Она симпатичная.

— Она супер, но такие не дают.

— Наверняка с юга. Из Техаса или Джорджии.

Тед снова посмотрел на девушку.

— С чего ты взял?

— А кто еще станет работать в баре, где разливают «Пабст» и крутят «кантри»?

— Да она запросто могла приехать из какого-нибудь Скарсдейла[15], — возразил Тед.

— Это вряд ли. Пожалуй, я ее спрошу.

— Сбрось обороты, Джек. Представь, сколько раз за вечер к ней подъезжают такие удалцы, как ты. Ты для нее лишь очередной бездомный член, ищущий ночлега.

— По крайней мере, я не лицемерю.

— Да она тебя на куски порвет, Джек.

— Скоро вернусь, — пообещал я, выныривая из-за стола.

Тед застонал и спрятал лицо в ладонях.

— Что будете пить? — спросила барменша, когда я подвалил к стойке.

— Два «Пабста».

Она кивнула и, продолжая разливать пиво, одной рукой подцепила две банки из наполненного льдом контейнера.

— Четыре доллара, — бросила она, поставив банки передо мной.

Вблизи она оказалась еще круче. Я положил деньги на стойку.

— Ты случайно не с юга?

Она искоса глянула на меня:

— С чего ты взял?

— Просто похоже.

— Я из Лос-Анджелеса, — сухо ответила она, наполняя очередную кружку.

— Из Лос-Анджелеса? Это же Южная Калифорния. И как тебя зовут, Мисс Южная Калифорния?

— Отвали на хрен. — Подцепив две тяжеленные кружки маленькими пальцами, она понесла их в другой конец бара.

— Как успехи? — спросил Тед, когда я вернулся к нашему столику.

— Никак. Она из Лос-Анджелеса.

— Да ну?

— И она послала меня на хрен.

Тед откинул голову и захохотал.

— Я тебя предупреждал, — прохрипел он сквозь смех.

Я снова встал.

— Куда тебя опять несет?

Барменша цедила пиво в очередную кружку. Завидев меня, она опустила глаза и мотнула головой. Весь ее вид говорил: даже не пытайся. Ладно, попробую сменить тактику. Прибегну к методу чистосердечного признания. Разумеется, с честностью он не имеет ничего общего, но что с того. Главное в любом спорте — результат, а любовь — лишь один из видов спорта. Так вот, признаюсь как на духу, что без ума от нее, что ее красота сразила меня наповал, что если не познакомлюсь с ней, то почти наверняка умру. Наглость на грани фолла, но в том ее сила. По опыту знаю, что столь прямолинейный подход, как правило, самый верный. Только совсем уж каменная женщина способна оттолкнуть мужчину после такого выплеска с его стороны.

Я оперся о барную стойку.

— Опять ты. — Даже головы не повернула.

Я кивнул.

— Какое из трех слов «отвали на хрен» ты не понял?

— Послушай, — начал я, потупив взгляд и притворяясь смущенным, — я не хотел тебя обидеть, просто думал познакомиться. Ты такая милая. Вот и все. Извини, если чем обидел.

И я улыбнулся. Это была особенная улыбка. Едва заметная, притаившаяся в уголках губ, полная искреннего раскаяния и одновременно призывная. Я улыбался так сотни и сотни раз, и в большинстве случаев срабатывало. Выдержав паузу, я развернулся и, сутулясь, уныло поплелся назад.

— Эй, стой! — раздался за спиной резкий окрик.

Я обернулся — барменша стояла лицом ко мне. Она поманила меня пальцем. Я сделал несколько шагов к стойке, изо всех сил стараясь сохранять без-

различный вид.

— Просто любопытно, часто ли клюют на эту хрень?

Я пожал плечами:

— Почти всегда.

— Что, серьезно? — Она разглядывала меня, вытирая руки о полотенце, заткнутое за пояс джинсов. — Как тебя зовут?

— Джек, — представился я, протягивая руку через стойку бара.

Но она продолжала вытирать руки, моя ладонь повисла в воздухе.

— Ну, давай же. Знаешь, как неудобно так стоять...

Она неохотно пожала мне руку:

— Элисон.

— Рад познакомиться, Элисон.

— Извини, что нахамила. Девушкам тут приходится быть начеку.

— Поужинай со мной, и, может быть, я тебя прощу.

Она усмехнулась:

— Вообще-то мне плевать, простишь ты меня или нет.

— Может, я позвоню тебе как-нибудь?

Она саркастически глянула на меня, подхватила кружки с пивом и понесла в зал.

Я подождал, пока она обслужит компанию волосатых бугаев, затянутых в кожу.

— Ты все еще здесь?

— Давай поужинаем как-нибудь.

— Издеваешься?

— Нет. Просто хочу тебя угостить. Или тебе кажется, что я не заслуживаю доверия? Может, я должен весить килограмм сто пятьдесят, одеваться в кожу, расписать все руки татуировками и не мыться пару недель, чтоб тебе понравиться?

Она засмеялась:

— Ты поосторожней, умник.

— Ну же, Элисон. Ты же работаешь в «Койоте», неужели я здесь самый страшный?

— А что, здесь классно.

— Мне тоже нравится. Уже много лет сюда хожу.

— То-то я тебя здесь раньше не видела.

— Да я почти жил здесь, пока учился в университете. Правда, это было десять лет назад.

Она скользнула по мне взглядом и как-то утомленно улыбнулась. Достав из кармана карандаш, накорябала номер на салфетке и швырнула ее в лужицу на стойке.

— Не заставляй меня ждать.

Я сунул влажную салфетку в карман и снова протянул руку:

— Даже не надейся.

Оставив мою руку болтаться в воздухе, Элисон из Лос-Анджелеса повернулась и ушла.

Тед встретил меня восторженным возгласом:

— Должен признать, Джек, это был высший пилотаж! Заслуживает упоминания в новостях.

— Пустяки.

— Разжился телефоном?

Я кивнул.

— Позвонишь?

— Может быть.

Мы допили пиво и решили, что пора закругляться. Сигаретный дым добил нас окончательно. Когда мы вышли на улицу, я обернулся и посмотрел на неоновую вывеску над входом.

— Слушай, все-таки что значит «Гадкий койот»? Я тысячу раз был в этом баре, слышал о фильме, но не понимаю выражения.

— Когда койот попадает в капкан, — ответил Тед, натягивая куртку, — он перегрызает себе лапу, чтобы спастись. Другие животные не могут выбраться и погибают в капкане, а койот лучше изувечит себя, но останется жив.

— Та-ак...

— Выражение «гадкий койот» относится к красотке, в постели которой ты просыпаешься на следующее утро после попойки. Твоя рука лежит под ее головой, но девица такая гадкая, что ты готов отгрызть себе руку, лишь бы убраться поскорее и не будить ее.

Я рассмеялся. Мы прошли несколько кварталов, и я предложил зарулить в какой-нибудь еще бар, чтобы глотнуть на посошок. Тед отказался.

— Еще рано, — уговаривал я. — Мы и выпили-то всего ничего — по паре пива.

— Не могу. Нужно вернуться в гостиницу, позвонить Кэрри, пока еще не поздно.

Я нахмурился:

— Идеальный муж?

— Приходится соответствовать, сам понимаешь.

— Ну что ж, рад был повидаться.

— Взаимно. Приезжай в Токио. Тебе понравится.

— Позвони, как пройдет собеседование.

Он кивнул. Затем крепко сжал мою руку.

— Не будь койотом, Джек.

— Лучше подохнуть в капкане?

— Семья — не капкан, — серьезно ответил он. — Исследования показывают, что женатые мужчины живут дольше, чаще довольны жизнью и сохраняют хорошую физическую форму.

— Исследования проводили женатые ученые?

Тед шутливо ткнул меня в плечо.

— Будь здоров.

Он махнул рукой, прыгнул в такси и укатил.

Я ехал домой в метро и вспоминал девушку из бара. Неплохой выдался вечер. В кармане лежала салфетка с телефоном красивой девчонки, которая очень скоро окажется у меня в постели. Никаких сомнений.

На станции у Двадцать третьей улицы я представил, как Тед сидит в своем отеле и звонит жене, чтобы пожелать ей спокойной ночи и промямлить, как он скучает. Мне стало смешно. Такой трогательный поступок. Нестись со всех ног в гостиничный номер. Звонить одной и той же женщине. Всегда слышать в трубке знакомый голос. И так до конца своих дней!

Меня прижало к спинке сиденья, когда поезд резко рванул с места. Грохотали колеса, вагон раскачивался из стороны в сторону, мимо белыми кляксами проносились промежуточные станции. Меня захватило ощущение скорости. Я свободен. Свободен! Я волен ехать куда хочу и к кому хочу. Я волен делать все, что хочу. Мне не нужно спешить домой и перед кем-то отчитываться. Я молод, свободен, и я в Нью-Йорке!

И в кармане у меня телефон красивой девушки. Как ее зовут? Элисон? Алекс сдохнет от зависти. Наконец-то я чувствовал себя полноценным мужчиной.

Я сгину, как птица перелетная,
И вот тогда
Ты, милая, поймешь меня.
Запомни — лишь тогда...

Глава тринадцатая

На следующее утро вся моя вчерашняя бравада рассеялась, как туман под лучами солнца. Меня мучила жажда, в голове шумело. И все эти страдания от мизерного количества пива?! Я по-прежнему гордился тем, что расколол Элисон. Не принял отказа, продолжил осаду, изменил тактику и добился своего. Короче, повел себя как настоящий мужчина. Трофеем того стоил. Но мой восторг длился недолго. В конце концов, Элисон — такая привлекательная, такая аппетитная — всего лишь женщина, как Сара, Ким и все, кто был до них. А я все тот же мужчина. Ничего не изменилось, а значит, не изменились и все те проблемы, которые сопутствуют сближению мужчины и женщины. Начнется все с кратких чувственных наслаждений, а закончится большими неприятностями.

В отчаянии я перевернулся на живот и сделал то, что делал крайне редко. Позвонил отцу.

Я никогда не говорил с ним о женщинах. Какой смысл? Мой отец всю жизнь прожил с матерью и только с ней занимался сексом, причем после свадьбы. Так что опыта у него явно меньше, хотя женат он дольше, чем я живу на свете. Но сегодня мне захотелось выговориться именно ему.

— Я их просто не понимаю, — заявил я после того, как минут десять изливал душу.

— И никогда не поймешь, Джек. — Отец засмеялся.

— Черт бы их побрал! И почему все так запущено?

— И почему женщины не могут быть более похожи на нас? Помнишь, откуда это?

— Еще бы, — простонал я.

«Моя прекрасная леди». Мой родитель тащится от бродвейских мюзиклов сороковых и пятидесятих годов. Золотой век Америки, как он постоянно повторяет. Все мое детство отравили песни и мелодии Роджерса и Хэммерстайна, Лернера и Лоуи, Джорджа и Айры Гершвин[16].

— Генри Хиггинс не первый, кто задался этим вопросом, а ты не последний.

— Еще он, помнится, говорил: «Впусти в свой дом женщину, и ты поселишь в нем склоку».

— Ладно тебе, Джек. Нью-Йорк сделал из тебя циника.

— Не Нью-Йорк, а нью-йоркские женщины, — поправил я.

— А ты помнишь, что Хиггинс поет в самом конце? «Я так привык к ее облику. С нее начинается мой день...»

— Ой, пап, только не надо петь.

— Ладно, ладно. «Как хорошо, что она женщина, и забыть ее так легко. Как дурную привычку, которую можно бросить. *И все же...*» — Он все-таки не удержался и запел: — «Я так привык, что... воздух чем-то наполняется, когда она появляется. Я к облику... ее... привык».

— Вообще-то я позвонил тебе посоветоваться, а ты поешь мне песенки.

Но отец уже оседлал своего любимого конька.

— Главное, сынок, это слово «*чем-то*». Оно ведь означает тайну. Жизнь полна тайн и загадок. Важно понимать разницу.

— И в чем же она, по-твоему?

— У загадок есть ответы. Их придумывают, чтобы разгадывать. У тайн же

разгадок нет.

— Напекаешь, что женщины — это тайны? И я напрасно мучаюсь, пытаюсь их разгадать?

— Не стоит даже пытаться.

Отец заявил, что наше поколение слишком много думает. А все из-за переизбытка информации. Нам кажется, что на любой вопрос есть ответ и у всякой проблемы четкое и ясное решение. Но в человеческих отношениях информация — не главное. В них нет ясности. И наши упорные поиски бессмысленны и приводят к разочарованию.

— Оттого вы теперь позже женитесь, — разглагольствовал он. — Бойтесь ответственности, потому что неправильно ее понимаете. Я не о том, чтоб держать слово. Я о природе ответственности. О ее смысле.

Оказывается, смысл ответственности в отсутствии полной информации. Ты соглашаешься с тем, чего до конца не понимаешь и что не можешь проверить.

— И что, я сломя голову должен прыгать в неизвестность?

— Зато какие ощущения, — хохотнул он.

Получается, что в жизни как в сказке: пойдешь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Да еще попробуй получить от этого удовольствие. А на пинки и колотушки не обращай внимания.

— У мужчин и женщин больше сходства, чем отличий, — философствовал мой старый дурак. — Но все-таки мы не похожи друг на друга. И слава богу. Иначе все померли бы от скуки.

— Зато все было бы намного проще, — возразил я.

— Проще не всегда лучше, сын.

— В чем же заключается отцовская мудрость, которую мне надлежит усвоить?

— Отступи, сын мой. Оставь все как есть. Расслабься. Научись радоваться тайне. И помни, разнообразие придает жизни остроту, но острая пища не всегда приятна и полезна. *Vive la difference!*[17]

В принципе я согласен с отцом. Сам думал о чем-то подобном. Но его поучения казались слишком абстрактными. Легко сказать — расслабься, но как это сделать? А кроме того, совет был слишком прост и банален, а потому сильно смахивал на отговорку. Ограниченный совет человека с ограниченным опытом. Доморощенная мудрость. Впрочем, чего еще от него ждать? Примитивный взгляд на серьезные проблемы. Он же должен как-то оправдывать свой выбор и свою жизнь, которая так отличается от моей.

Скрывая разочарование, я поблагодарил отца и попрощался.

Глава четырнадцатая

Только я сел за новый рассказ, как позвонил Алекс. Ему не терпелось встретиться, выпить и поболтать. О своих планах он сообщил странным замогильным голосом, так что я даже поинтересовался, все ли у него в порядке. Подозреваю, без Карен здесь не обошлось.

Вечер выдался на удивление приятный. На город опустилась необычная для этого времени года прохлада, и подул ветерок. Ошалевшие от жары нью-оркцы выползли на прогулку, и улицы были буквально забиты людьми.

Алекс прохаживался у бара, скрестив руки на груди. Я издали помахал ему, он сдержанно махнул в ответ. Мы решили остаться снаружи, но выбрали столик подальше от входа. Официантка, сладко улыбаясь, приняла заказ. Я не преминул придирчиво изучить ее формы.

Несколько минут мы болтали о том о сем. Погода, работа и прочая лажа. Я ждал, пока Алекс расколется, чего ради он меня сюда затащил. Алекс ждал выпивку.

Появилась официантка, принесла ему обычного пива, мне — имбирного. Я снова проводил ее выразительным взглядом. Короткая юбочка скорее подчеркивала округлые бедра, чем скрывала их.

— Ну, выкладывай, что стряслось?

Алекс, уставясь в стол, играл желваками. Ясно, новость не из приятных. Я сам напрягся. Наконец, после долгой и продолжительной паузы, он признался:

— Я лысею.

Я решил, что ослышался.

— Что ты сказал?

— Я лысею, — повторил он трагически.

— Тебе кажется, что ты лысеешь?

— Мне не *кажется*, я точно знаю.

— Ты за этим меня позвал? Сообщить, что ты лысеешь?

— Вот именно.

— Обалдеть. — И я улыбнулся.

— Что тут смешного? — возмутился Алекс.

— Да так... — Не знаю, кто бы на моем месте не хрюкнул. — У тебя такой вид, словно кто-то копыта отбросил.

— А по-твоему, это *неважно*? — придавил он меня взглядом. — Между прочим, я *очень* расстроен.

Я перестал скалиться и внимательно посмотрел на Алекса. Да, дело, похоже, нешуточное. Лучше ему сейчас не перечить и притвориться, что я вполне понимаю глубину его страданий.

— С чего ты взял, что лысеешь?

Он заскрипел зубами.

— Ты что, мне не веришь? Сказал — лысею, значит, лысею.

— Но как ты определил?

— Волосы уже не такие густые, как раньше, — пожаловался он.

— Это происходит со всеми. Волосы постоянно выпадают, вместо них появляются новые. Естественный процесс.

— Неестественный! Они редеют слишком быстро!

— А на вид их столько же.

Алекс затряс головой.

— Ты просто *не хочешь* видеть. Присмотрись повнимательнее!

— Алекс, ты все выдумываешь!

— Ничего не выдумываю. Есть много признаков.

— Каких признаков?

— Облысения. Как помоюсь, ванна полна волос.

— И что это доказывает?

— Что они выпадают. Разве нет?

— Вовсе не обязательно.

— Что они, из воздуха берутся? Вот у тебя в душе остаются волосы?

— Не знаю.

— То есть как — не знаешь?

— Ну просто не знаю.

— Ты что, никогда не смотришь на: слив, когда выключаешь воду?

— Да нет вроде.

Алекс нахмурился и мрачно заключил:

— Ты бы смотрел, если бы чувствовал, что лысеешь.

Я поспешно хлебнул пива, чтобы скрыть улыбку.

— Слушай, наверняка у меня в душе полно волос. А если почистить щетку моей матери, вообще наберется на славный паричок. У всех выпадают волосы, но вместо них всегда вырастают новые.

— Не всегда, — подхватил он. — У некоторых волосы выпадают быстрее, чем отрастают новые. Знаешь, чем это грозит?

— Облысением, — рявкнул я, теряя терпение.

— Дошло наконец.

— Ничего не дошло.

— Ты сам только что сказал, что я облысею.

— Но это же не завтра произойдет.

— А мне от этого легче?

— Алекс...

— Ты только что признал! — почти кричал Алекс. — А теперь отпираешься!

Больше всего мне хотелось как следует дать по его лысеющему кумполу, чтоб мозги встали на место.

— О чем мы вообще спорим? Никто со временем не становится лучше. Раньше мы пили с утра до ночи — и ничего. А сейчас хлопнешь пару рюмок — и к зеркалу не подходи. *Признайся*, что за дура тебе нашептала, будто ты лысеешь?

— Я сам понял.

— Да как?

Он перегнулся через стол, сунул мне под нос свою голову и раздвинул пальцами волосы.

— Видишь? Кожа просвечивает.

Я брезгливо отшатнулся.

— Даже у пещерного человека голова будет просвечивать, если раздвинуть волосы.

— Это еще вопрос. — Алекс выпрямился и бережно пригладил шевелюру. — И не спорь, скоро моя голова будет как колено.

Я заорал:

— Алекс, это просто смешно. У тебя паранойя.

Тут он снова подался вперед.

— А вот такое у тебя бывает? — процедил он злобно, втыкая в волосы растопыренную пятерню, а затем протягивая ее мне. Я решил, что у него еще и перхоть. Но нет, он просто хотел продемонстрировать несколько волосков, застрявших между пальцами.

Я отодвинул его лапу:

— Ладно, уговорил, ты самый лысый из моих друзей. Если ты хочешь считать, что лысеешь, то и считай себе на здоровье.

Он вдруг успокоился и расслабленно развалился на стуле. Народу на улице еще прибавилось. Мимо нас пробежали собачники со своими шавками, или семейные парочки с орущими детишками и галдящие компании малолетних оболтусов. Потом продефилировала очень аппетитная красотка. Хорошо бы сейчас бросить своего плешивого приятеля и удалиться вместе с ней. Но дружба есть дружба.

— Между прочим, многие женщины обожают лысых. Лысина их возбуждает. Ее можно гладить, это приятно. И это показатель ума. А остальным просто плевать. Для них внешность не главное.

— Это полбеды, — тихо сказал Алекс.

— Да что с тобой? Какая муха тебя сегодня укусила?

— Мне в этом году стукнет тридцать пять, — сообщил он.

— И что?

— Тридцать пять, — повторил он.

— А мне уже тридцать пять, — напомнил я.

— Тебя это не удручает?

— С какой стати? Обычное число. Как все остальные — ни лучше, ни хуже.

Алекс вздохнул:

— Я помню родителей молодыми.

— Правда?

— Мне было семь, а им по тридцать.

Я посмотрел Алексу в глаза. Никогда у него не было такого тоскливого и пустого взгляда. Мне стало не по себе. Даже голова закружилась, будто свесился с крыши высотного здания. Ведь это я любил принять позу роденовского мыслителя. Это мой лоб пересекали ранние морщинки. И это я впадаю в хандру по любому поводу. Я, а не Алекс!

— Еще по бокальчику, мальчики?

Получив наше одобрение, официантка улыбнулась и ушла. Я так расстроился, что даже забыл оглянуться ей вслед.

Алекс всегда был солнечным мальчиком. Он воспринимал жизнь как комнату смеха и неизменно верил в лучшее. Что бы ни случилось, он лишь радовался. Все эти годы Алекс упорно не желал взрослеть, он цеплялся за юность с почти абсурдным упорством. И излучал абсурдный оптимизм. Сегодня не повезло, значит, повезет завтра. Удача подкарауливает за углом. Долой страдания, да здравствуют удовольствия. Смерти нет, а если есть, то очень далеко. Мне такая позиция казалась глупой и совсем не веселой. Даже наоборот.

Да и сам Алекс, хотя я его и любил, частенько меня раздражал. Да, с ним весело, он обожает роль затейника и кишит идеями. При этом не отличается со-

образительностью, ничем особо не интересуется, не любит читать и слушает отстойную музыку. Главное его культурное достижение — умение есть китайскими палочками.

А эта его манера к месту и не к месту вставлять дурацкие присказки! А его коллекция женщин! Он мечется от одной к другой, как шар в лототроне, беспорядочно и бесцельно. Не помню, чтобы он хоть раз переживал из-за женщины.

И все-таки Алекс мне необходим. До сегодняшнего дня я даже не понимал, как он мне необходим. Я привык к его бестолковой жизнерадостности, я привык полагаться на его бьющий через край оптимизм. Алекс был как ребенок — приходишь с работы, мрачный и уставший, а он бежит тебе навстречу со своими глупостями, повизгивая от радости, и все твои дневные заботы рассыпаются, словно их и не было. И где теперь этот ребенок? Что с ним стало?

Я сидел напротив него в полной растерянности и не знал, что сказать. Внезапный приступ меланхолии — это что-то новенькое. И не в редющей шевелюре тут дело. Но тогда в чем? Не могу даже предположить, что его так зацепило. Признаюсь, Алекс меня сильно напугал.

Вернулась официантка с очередными бокалами.

Алекс туго пялился в пустоту. Затем неожиданно спросил:

— Тебя устраивает твоя жизнь? То, чем ты занимаешься?

— Вполне.

— Значит, если бы завтра ты сыграл в ящик...

— Алекс, что за хрень... я не собираюсь умирать.

— А ты доволен тем, что успел сделать?

— Нет, конечно. — Я нервно заерзал на стуле. — Всегда не хватает времени.

Но я не так долго живу...

— Я не про это. Ты доволен тем, чем занимаешься сейчас?

— Сейчас я болтаю с тобой.

— Тебе никогда не кажется, — перебил он, — что время играет против тебя? Что ты не успеваешь сделать то, о чем мечтал? Найти ответы на самые главные вопросы? Забот с каждым днем прибавляется, ты крутишься, вертишься и распыляешь силы совсем не на то.

Я чуть в обморок не грохнулся от удивления:

— Алекс, ты здоров?

— Тебе никогда не хотелось... ну, не знаю... купить мотоцикл, взять отпуск на три месяца и объехать всю страну? Выкинуть что-нибудь этакое и не заморачиваться о последствиях? Научиться водить яхту? Или брэнчать на гитаре в какой-нибудь группе, или... подойти к первой встречной девушке и сказать ей, какая она клевая? Сводить ее в самый классный ресторан и заняться с ней самым безумным сексом?

Я молчал.

— Почему ты до сих пор не написал роман?

— Роман — это огромный труд.

— Чувак, шестьдесят часов корпоративных слияний и поглощений в неделю — вот что такое огромный труд. А через полгода никому до этого дела нет. Посмотри, на что мы тратим свою жизнь! Тебя это не бесит?

Меня это бесило. И разговор этот тоже бесил.

— Конечно, я хочу написать роман, рискнуть, сделать что-то спонтанное. Но времени мало, все попробовать невозможно. Надо выбирать. Я мечтал о другой жизни. Но колледж, работа, аспирантура — все это отнимает время.

— Вот именно, *отнимает*, — подхватил он. — Заканчиваешь колледж, устраиваешься на работу, дерешь задницу, чтоб стать лучше всех, снова учишься, снова пашешь как вол, а потом вдруг понимаешь, что тебе уже тридцать пять и ты наполовину лысый!

Алекс распался все больше. Досталось и Нью-Йорку.

— Этот проклятый город! Посмотри, как мы живем. Жалкое зрелище. В других городах у наших друзей, даже тех, кто по соседству, в Джерси и Вестчестере, нормальная жизнь. У них свои дома. Жены. Дети. Один парнишка на работе — *моложе* меня, а у него уже трое детей. Причем старшему *одинадцать*!

— А ты *хочешь* одиннадцатилетнего балбеса?

— Нет, не хочу. Но не в этом дело.

— Тогда в чем же?

— В этом гребаном городе невозможно жить! Это же дурдом! Джек, мы ведем себя как школьники. Только вместо лекций ходим на работу. Мы продолжаем пьянствовать. По-прежнему гоняемся за юбками. Живем в малюсеньких квартирках, смахивающих на комнаты в общежитии. У тебя даже кровати нет! Тебе тридцать пять, а ты спишь *на полу*!

Я покраснел.

— Черт возьми, Джек, нам уже не двадцать один, не двадцать шесть и даже не тридцать!

Я не знал, что ему возразить. Поэтому просто безразлично пожал плечами:

— Мы сделали свой выбор.

Он сжался, словно обиженный ребенок, отвернулся и стал смотреть на улицу. Скорбным взглядом мой приятель провожал и одиноких пешеходов, и целые компании гуляк. Потом вдруг схватил со стола пиво и одним махом вылил в себя.

— Ты прав, — кинул он отрывисто. — Ты прав.

— Еще по одной? — Официантка, сияя улыбкой, тут как тут.

Я вопросительно посмотрел на Алекса.

— Не-е, уже поздно. — Он взглянул на часы. — Завтра надо в офис пораньше. Много дел скопилось.

Вот гад, только настроение испортил. Теперь свежий ветерок казался неприятно прохладным. Беззвездное небо раздражало. Домой идти не хотелось, но больше идти было некуда.

Вернувшись к себе, я долго стоял перед зеркалом, проверяя, не выпадают ли у меня волосы.

Глава пятнадцатая

Назавтра мы обедали с Томом. Его медовый месяц закончился, и он на день вырвался в Нью-Йорк из своего Чикаго, чтобы позаботиться об одном капризном клиенте, который привык щедро оплачивать все свои прихоти.

— Фирма берет расходы на себя, — похвастался Том в телефонную трубку. — Как насчет хорошего местечка?

Я немного опоздал. Заметив меня, Том улыбнулся и поспешил навстречу. Выглядел он по меньшей мере необычно.

— Господи, ну и видок! — вырвалось у меня.

— Да ладно. Вот пару дней назад я был вообще как вареный рак. А теперь даже похоже на загар, — засмеялся он.

— При чем здесь загар! Ты в зеркало давно смотрел?

— А что такого? Неужели я так сильно изменился?

— Выглядишь как... как примерный муж. Исправно исполняющий супружеские обязанности.

— Так оно и есть! — Он прямо-таки лучился самодовольством.

Едва мы успели сесть, Том достал пухлую пачку снимков.

— Похоже, с погодой повезло, — заметил я, разглядывая глянцевые картинки.

— Даже очень. Чуть заживо не зажарился, мазался кремом каждые пять минут. На Карибах в это время как в микроволновке. Но Мишель обожает море и пляжи, так что еще оставалось делать.

Поехать в другое место, подумал я. А вслух проговорил:

— Кажется, медовый месяц удался.

— Это точно, — несколько удивленно ответил Том. — Даже странно немного. Сейчас обживаем новую квартиру, даже вещи еще не распакованы.

— И как тебе женатая жизнь?

— Пока не жалуюсь. — И тут же: — И тебе советую.

Всегда одно и то же. Женитьба как переезд в Бруклин. Те, кто уже перебрался в эту дыру, начинают заманивать туда остальных.

Том наклонился через стол и сконфуженно зашептал:

— Ты еще не знаешь самого интересного. Это огромный секрет, так что до поры до времени держи рот на замке. (Я уже обо всем догадался, но надеялся, вдруг пронесет.) Мишель беременна.

— Да ты что!

Он широко улыбнулся.

— На прошлой неделе она сделала тест, ну, знаешь, в аптеках такие штуки продаются. Результат положительный. А в субботу сходила к врачу, и... я скоро стану папочкой. — Идиотский смех. — Можешь представить?

— *Не может быть!* Но как же... — Я вдруг осознал, что моя реакция мало походит на восторг. Пришлось подпустить в голос умильной радости. — Что ж... черт, поздравляю!

Я протянул руку. Том вцепился в нее и затряс. Я немного нервно рассмеялся.

— Просто я не... это же... вот черт! Ты ведь женился всего *месяц* назад! Да где там... даже *меньше*.

— Ну вообще-то это дело нехитрое. Достаточно и одного раза. После медово-

го месяца такое обычно...

— Да, но... Том, вы что, не предохранялись? Вы сделали это специально?

Том смущенно покраснел.

— Ты же знаешь, я противник контрацепции. И нам уже по тридцать четыре. Мы всю жизнь вкалываем, с деньгами порядок. Если не сейчас, то когда?

И вдруг Том словно выпал из реальности. Только что он сидел напротив меня и весело болтал, а сейчас невидяще уставился в пространство и будто перенесся далеко-далеко. Обо мне он забыл напрочь. Я завороченно наблюдал за ним. Даже любопытно, каково это: узнать, что скоро станешь отцом? Том наложил в штаны от страха или просто растерялся?

Он вернулся к действительности так же стремительно, как выпал из нее. Безмятежно посмотрел на меня и легкомысленно пожал плечами:

— Поздно уже что-то делать. Время пошло.

* * *

Полдесятого, а я уже без сил.

Суматошная рабочая неделя, грызущее беспокойство и убаюкивающий ритм метро действовали лучше снотворного. Глаза слипались. Хорошо бы не пропустить свою станцию.

Я откинул голову на спинку сиденья и погрузился в полудрему. Но уже через несколько секунд очнулся и дернулся всем телом, будто сквозь меня пропустили электрический разряд. Интересно, кто-нибудь видел? Я стыдливо огляделся: всем было плевать на мои нервные конвульсии.

Девушка, сидевшая напротив, читала «Фиесту». Я удивился. Моя любимая книга. Не каждый день молоденькие свистушки читают Хемингуэя в метро. Девушка переворачивала страницы, а я рассматривал ее. Совершенно бескорыстно — просто изучал реакцию.

И вдруг вспомнил один рассказ Хемингуэя. Про женщин. Там ведь было что-то очень важное. Для меня важное. Некая истина про женщин. Оставшуюся дорогу я мучительно пытался сообразить, что именно мое подсознание пытается мне сообщить. От метро я почти бежал. В конце концов, я считал Хемингуэя старым приятелем. Плюс великим писателем и не менее великим Казановой. У кого учиться, если не у него?

Влетев в квартиру, я швырнул портфель и кинулся к книжному стеллажу. Так, сборник рассказов. Глаза пробежали по оглавлению. Похоже, мне нужны «Отцы и дети». Я перелистывал страницу за страницей, выхватывая взглядом фразы. Вот, нашел!

Ник Адамс, которому только-только исполнилось тридцать восемь, ведет машину, на переднем сиденье спит сынишка. Ник думает о давно погибшем отце. Тот не разговаривал с ним о женщинах и сексе, зато научил отлично охотиться и рыбачить.

«...И Ник был рад, что все сложилось именно так; потому что должен быть кто-то, кто подарит тебе твое первое ружье или одолжит на время и научит с ним обращаться; и жить нужно там, где водится дичь и рыба, если хочешь изучить их повадки... Что касается другого, и чего его отец не умел объяснить, все то, что тебе нужно, уже дано самой природой, и каждый познает все, что ему надлежит, сам, без наставников; и нет никакой разницы, где жить».

Я плюхнулся в кресло-качалку. Старик Хемингуэй как всегда четко излагал свои мысли. Оставалось только понять, что он имел в виду. Я перечитывал от-

рывок так и эдак, пытаюсь обнаружить скрытый смысл.

Наконец я увидел: слова «*что ему надлежит*» вываливаются из предложения. Они будто выпирают из фразы, обращают на себя внимание, как сигнальные флажки или огромная роза в волосах Моны Лизы. Я прикрыл эти три слова пальцем и прочитал предложение, убрал палец и снова прочитал. Потом я проделал это еще несколько раз. Смысл предложения менялся! Без этих трех ключевых слов получалось, что абсолютное знание не просто доступно, но и легко достижимо — «*...и каждый познает все сам, без наставников*». Но Хемингуэй, этот законченный скептик, считает, что мужчины способны понять женщин лишь постольку-поскольку, лишь в той мере, которая каждому «надлежит»...

Захлопнув книгу, я вдруг подумал, что мой отец, возможно, очень мудрый человек.

Глава шестнадцатая

На следующий день, вернувшись в свой кабинет после совещания, я обнаружил на автоответчике сообщение.

«Чувак, у меня два билета на “Янки”, сегодня вечером, — порадовал меня Алекс. — Классные места. Один клиент не смог приехать. Позвони мне».

* * *

На бейсболе грустить невозможно. Яркий свет прожекторов, сочно-зеленая трава, тыквенно-оранжевый ромб площадки, привычный размеренный темп игры, знакомые звуки и запахи — все это как будто специально придумано, чтобы унять мужскую тоску и поднять настроение.

Места и вправду оказались первоклассные — прямо за скамьей «Янки», вдоль линии первой базы. Мы жевали хот-доги и пили пиво. Время от времени, к восторгу трибун, мяч вылетал за пределы поля в нашу секцию. Перед шестым периодом, пока на поле разравнивали покрытие, мы вместе с остальными вскочили и дружно попрыгали под «УМСА», безбашенный шлягер семидесятых.

— Как у вас дела с Карен? — спросил я, когда мы снова уселись. Я знал, что они встречались еще два раза.

— Вроде все путем.

Я недоверчиво посмотрел на него:

— Вот как?

— Ну, все развивается не так быстро, как хотелось бы.

— Что, *серьезно*? — уже по-настоящему удивился я. Может, Карен все-таки решила взяться за ум и придержать коней? — Уже ведь две недели прошло, а вы еще не разбежались. По-моему, это твой личный рекорд.

Он пожал плечами:

— Она меня проверяет.

Так, похоже, Карен и впрямь взялась за ум или же надумала поэкспериментировать. На первом свидании сделала минет, а теперь строит из себя непорочную деву. Ну да, точно — политика кнута и пряника. Молодец Карен! Я едва не рассмеялся. Но главное даже не это, а поведение Алекса. Он думает, что Карен его проверяет, и находит это вполне нормальным. Он готов ждать — когда такое бывало?! Он позволяет женщине самой устанавливать сроки и проявлять инициативу. А это вообще невиданно.

— Может, ей не нравятся лысые? — поддразнил я.

— Не смешно, — проворчал Алекс. — На себя посмотри. Саре звонил?

— Нет. — Без комментариев.

К концу одиннадцатого периода счет был равный, и тут на поле вышел Джитер. На первой и второй базах — по игроку, один аут у нас уже был. Счет периода два-два. Стадион вопил, толпа требовала победного удара.

Я почувствовал, как накаляется обстановка. Джитер, судя по всему, тоже. Резким мощным ударом он крученым послал снаряд по центру. Публика взревела и вскочила на ноги, ликуя и размахивая руками. Центральный полевой противника как ошпаренный рванул в конец поля. Мяч достиг верхней точки траектории, завис на мгновение и устремился вниз. Не снижая скорости и зафиксировав взгляд на мяче, полевой вытянул руку вверх, в прыжке поймал мяч и врезался в мягкую стену ограждения. Толпа дружно взвыла от досады, а Жи-

тер, успевший пробежать первую базу, притормозил и, философски восприняв неудачу, потрусил к скамейке своей команды.

Стадион же и не думал успокаиваться. Фантастический удар Джитера, хоть и безрезультатный, дал нам определенное преимущество. Теперь у нас было по игроку на третьей и первой базах и два аута. Отбивать вышел Берни Уильямс.

И вновь стадион взорвался. Первая подача — Берни пропускает и зарабатывает страйк. Следующие две подачи — бьет мимо.

Еще один промах — и мы растеряем все свое преимущество. И это в конце одиннадцатого периода! Удар! Мимо... Нет, попал!

Мяч резво поскакал по полю, вдоль линии первой базы. Берни и защитник первой базы бросились за ним. Наш игрок с третьей базы рванул к «дому». Соперник добежал до мяча как раз в тот момент, когда Берни пролетел мимо него к первой базе. Схватив мяч, противник развернулся и швырнул его... *поздно!* Наш игрок был уже в «доме». Игра закончена! «Янки» победили!

Стадион взорвался. Команда выскочила на поле и облепила Берни Уильямса. Мы с Алексом пожимали руки друг другу и всем, кто оказался поблизости. Все подряд обнимались. Пиво плескалось. Над ликующим стадионом разливался томный голос Синатры: «Радуйтесь и весть несите...»

В метро на линии «Д» в сторону Манхэттена творилось что-то невообразимое. Наш вагон до отказа забили горланящие, пьяные фанаты. Я посмотрел на Алекса. Он стоял нахмурившись.

— Что случилось?

Он помотал головой:

— Бейсбол — глупая игра.

— *Что?*

— Никакого смысла.

— Что ты такое говоришь?

— Вот смотри, Джитер долбит по мячу, чуть в космос его не запускает, и все впустую. Приходит Берни, едва попадает по мячу, тот катится всего-то метров семь, но мы успеваем «домой» и выигрываем! И Берни герой. Глупо.

— *Совсем* даже не глупо, — возмутился я.

— Глупо. Бессмысленно. Никакой логики.

— В этом-то вся *прелесть!* — Я даже немного испугался, глядя на мрачного Алекса. — В том, что талант и умение решают не все. Что есть еще удача, неопределенность. Непредсказуемость и тайна...

Я замолчал, осознав, что именно сказал. Тайна... Ну да, и в женщине мне интересна прежде всего ее тайна, ее непредсказуемость.

Подняв голову, я наткнулся на недоуменный взгляд Алекса и улыбнулся.

* * *

Дома на автоответчике меня поджидало сообщение от Ким.

Она просила прощения. Мол, она вела себя гнусно, как последняя стерва. И конечно, сцена в ресторане — последнее дело. Просто ее переклинило, но все равно надо было держать себя в руках. И потом, наверное, я назначил то свидание еще до нашей встречи и решил, что отменить его будет подло. В общем, она законченная дура, но все равно ждет не дождется моего звонка.

Говорила она ровно и спокойно. Просто олицетворение трезвости и здравого смысла.

— Джек, я люблю тебя, — призналась Ким напоследок автоответчику. — Мы сможем все поправить, вот увидишь. Ты перезвони мне, ладно?

Я не перезвонил.

* * *

Зато наутро я позвонил Джени на работу. Мы обменялись привычными любезностями, я задал пару наводящих вопросов о Саре. И Джени с готовностью снабдила меня нужной информацией. Без намека на игривость или сарказм.

— Ты только учти, — напутствовала она меня, — Сара — лучшая девушка на свете.

— Почему же ты не познакомила нас раньше?

— До недавнего времени тебе было не до того. Саре тоже.

— У нее кто-то был?

— Три года. Все складывалось так серьезно. — Джени вздохнула в трубку. — Но внезапно они взяли и разбежались. Честно говоря, мы с Мэттом были в шоке. У них все шло так хорошо, и вдруг — на тебе.

— Вот как, — пробормотал я, чувствуя странную досаду. В то же время у меня словно гора с плеч упала.

— Сначала Сара места себе не находила, — продолжала Джени, — но потом оправилась. Она молодец, характер у нее что надо. Я очень рада, что она так быстро пришла в норму.

— Значит, она в последнее время опять с кем-то встречалась?

Голос Джени изменился самую малость, но я уловил перемену.

— Джек, ты уже немного знаешь Сару. Она красивая, умная и сильная. Такие женщины на дороге не валяются. И спрос на таких огромен.

Если я еще и колебался, то лишь считанные мгновения.

— Дашь мне ее рабочий номер?

* * *

На том конце телефонной линии включилась голосовая почта, и я повесил трубку.

Еще через десять секунд я перезвонил и оставил короткое, бессвязное сообщение. Мол, вот звоню, интересно узнать, как дела и вообще. И не хочет ли она встретиться. Выпить, поужинать. По-дружески, без формальностей.

По-идиотски получилось, но с учетом обстоятельств, возможно, и к лучшему, поскольку естественно. И пусть знает, что я готов выставить себя последним болваном, лишь бы она дала мне еще один шанс. Положив трубку, я еще долго не отрывал от нее руки, словно ожидая, что Сара вот-вот перезвонит.

Шли часы. Я не мог сосредоточиться и почти ничего не сделал.

Наконец без двадцати семь телефон зазвонил. И это была Сара. Голос ее показался мне вполне дружелюбным, но усталым. И отстраненным. Она извинилась, что не смогла перезвонить раньше. Весь день совещания, встречи. Длинный день.

— Ничего, — жизнерадостно ответил я, злясь на свой фальшивый тон. — Я все понимаю.

— Джек, спасибо за звонок и приглашение. Но я... думаю, не стоит...

У меня все сжалось внутри.

— После того, что случилось, — продолжала она, — мне кажется, нам лучше больше не видеться.

Я едва не долбанул трубкой об стол, но сдержался и вежливо проговорил:

— Что ж, мне очень жаль.

— Я знаю, — мягко ответила она. — Не хочу показаться... В общем, я думаю, что для нас обоих так будет лучше.

Глава семнадцатая

— Не могу сказать, что виню ее, — заявил Алекс.
Было утро субботы. Мы играли в баскетбол на площадке у Семьдесят седьмой улицы. Я маячил под корзиной и подавал мячи Алексу.

— И что прикажешь мне делать?

— Смотря чего ты хочешь.

— Хочу реабилитироваться. И убедить ее встретиться со мной еще раз.

— А зачем ей это? Судя по твоим словам, она свое решение хорошенько обдумала и не хочет с тобой встречаться. — И словно для пущей убедительности Алекс вколотил мяч в корзину.

— Допустим, я был не на высоте. Но мне нужно было во всем разобраться. И потом, я ей нравлюсь. Ты сам говорил.

— Ну, когда это было. С тех пор ты много дров наломал.

Определенно, Алекс надо мной издевался.

— Послушай, я психовал из-за Ким, никому не верил, не хотел ни с кем общаться. Это же не преступление! Джени сказала, Сара сама недавно рассталась с человеком, с которым прожила три года. Она должна понять.

Алекс смерил меня взглядом с головы до ног:

— То есть теперь ты излечился, так, что ли?

— Да.

— И осознал свои ошибки?

— Да.

— И увидел свет в конце тоннеля?

— Да.

— И признаешь, что вел себя как полный придурок?

— Да, черт бы тебя побрал!

Вполне удовлетворенный Алекс колотил мячом об землю, готовясь к очередному броску.

— В таком случае, поговори с ней. Попроси прощения. Расскажи, как твой друг Алекс умолял тебя вытащить голову из задницы, но твоей тупой башке было там так тепло и уютно, что ты не внял его мольбам.

Еще один меткий бросок, и мяч вонзился в корзину.

— Хорошо, умник. — Я швырнул в него мячом. — Как я это скажу, если она не желает меня видеть?

— А-а-а, Хемингуэй, тут начинается самое интересное. Это препятствие на пути любви. И его нужно преодолеть!

— Так ты думаешь, она это специально? Думаешь, она просто проверяет меня?

Алекс ухмыльнулся:

— Хочешь знать, с чем мы имеем дело, чувак? Она отсеивает.

— В каком смысле?

Алекс перестал стучать мячом и остановился передо мной.

— Ты же не берешь трубку всякий раз, когда звонит телефон, так? То есть ты фильтруешь звонки. Ты сначала слушаешь, кто звонит, зачем звонит, и только потом отвечаешь. Чаще всего люди оставляют тебе сообщения на автоответчике, а ты потом перезваниваешь. Или не перезваниваешь. Так?

— Ну так, и что с того?

— А то, что Сара перезвонила тебе. Значит, ты ей интересен, значит, твой звонок был для нее важен. А раньше она ведь сразу брала трубку? — Я кивнул.

— Вот! Значит, ты был на особом положении. Она радовалась твоим звонкам. Но ты профукал все свое преимущество. В койке у Ким профукал. И тебя перевели на автоответчик. Теперь она сначала прослушает твоё сообщение, хорошенько подумает и перезвонит. Если захочет, конечно. И в последний раз она захотела перезвонить. Так что перед тобой стоит задача — заставить ее перезвонить снова, а еще лучше, заставить снять трубку сразу.

Снова бросок по кольцу. Я поймал мяч и задумчиво застучал об асфальт.

— Может, попросить Джени, чтобы она замолвила словечко?

— Очень по-мужски, — съязвил Алекс.

— Но они ведь не чужие. Джени замужем за ее братом.

— Джек, ну при чем тут Джени? Ты должен сам решить эту проблему. Ты должен смыть с себя клеймо неудачника. Она именно так тебя сейчас воспринимает, чувак.

Я бросил мяч Алексу.

— Ты прав. Я должен сам. Может, сочинить письмо?

— Ты что, прыщавый школьник? «Если я тебе хоть немножко нравлюсь, поставь крестик», — пискляво пропел Алекс, чуть не сорвав себе связки.

— Уговорил. Оставлю ей сообщение на голосовой почте, прослушает, когда захочет или когда будет готова.

— Голосовая почта? — с сомнением переспросил он.

— Скажу все, что думаю о себе, о ней, о нас, еще скажу, что досаждают не стану. Пусть сама выбирает, предоставляю это право ей.

Алекс ошеломленно смотрел на меня:

— Пусть сама выбирает?

— Да.

— Ты с какого дерева упал, парень? Ты что, совсем шизанулся? Да женщинам не нужно никакое право выбора. Им не какое-то там право нужно, чувак, а страсть, всякая хрень романтическая, охи-вздохи. Да вспомни, что ты сам недели две назад в спортзале говорил.

— Да помню я. Всякая женщина любит фашиста.

— Во-во.

— А ты добавил, что они обожают, когда их таскают за волосы.

— Точно! Так действуй, чувак!

— Спасибо за совет, Алекс. Может, мне вообще устроить засаду у ее дома. Спрятаться, подкараулить. Выйдет же она когда-нибудь, правда? Тут я выпрыгну и схвачу, свяжу, засуну в рот кляп и заставлю выслушать.

— А что, неплохая мысль. Удиви ее, чувак!

— Да уж, удивится она всерьез, на всю жизнь удивится.

— Джек, а теперь послушай меня. Сара — сексуальная и умная женщина. И право выбора у нее есть независимо от того, предоставишь ты ей его или нет. Да вокруг нее наверняка толпы мужиков ошиваются. Думаешь, она сидит и ждет, когда ты наконец соберешься и осчастливишь ее? Джек, неужели ты вправду считаешь, будто заслуживаешь такую женщину только потому, что сам так? Не ты ли недавно сказал, что у нее кто-то был?.. Так почему ты вообразил, что весь ее выбор или — или. Или ты — или никто?

Я молчал.

— Вопрос не в том, хочешь ты быть с ней или нет. Вопрос в том, насколько сильно ты хочешь этого. — Алекс шагнул ко мне почти вплотную и упер указательный палец мне в грудь. — Вопрос в том, на что ты готов ради нее. Ее только это волнует, уж поверь мне. А пока ты готов оставить сообщение на голосовой почте. Грандиозно, да? Так что давай, думай, включай мозги.

— Да, но я не могу...

— Ты же писатель, черт возьми! — заорал Алекс. — Сделай что-нибудь необычное. Докажи, что ты действительно неравнодушен к ней.

— Отстань, Алекс, все это ерунда.

— Нет, не ерунда! — Он резко отшвырнул мяч и схватил меня за руку. — Сара, выслушай меня! Одну минуту. Только одну минуту. — Я попытался вырваться, но Алекс обхватил меня второй рукой. — Я не идеальный мужчина, Сара! — говорил Алекс мне прямо в лицо. — Я идиот, кретин. Но я умею признавать свои ошибки. Я совершил ошибку, Сара. Страшную ошибку. Самую большую в моей жизни. Я думал только о себе, я жалел себя, я ныл и жаловался. Я вел себя как последний мудака, Сара.

Я перестал дергаться и во все глаза смотрел на него.

— Далеко не все в жизни можно предвидеть, Сара. Многие нельзя запланировать. И многое происходит в самый неподходящий момент. Я не был готов к встрече с тобой. Но теперь все изменилось. Абсолютно все. Я думаю только о тебе. Я постоянно думаю о тебе. Ты удивительная, Сара, ты самая удивительная на свете. — Он крепче стиснул меня. — И ты самая сексуальная на свете. Я никогда не встречал такой, как ты, Сара. Ты не виновата, что я вел себя как придурок. Но если можешь, дай мне еще один шанс, и я попробую показать, какой я на самом деле.

Глаза Алекса сверкали, и не чем-нибудь, а самой настоящей страстью. Я испугался, что сейчас он меня поцелует. Но он вдруг неожиданно отпустил меня, шагнул назад, подобрал мяч, развернулся и ловко запустил его в корзину.

Глава восемнадцатая

Остаток выходных я провел в одиночестве: шатался по квартире, до одури качался в кресле, переключал каналы и злился — на себя и весь мир.

В субботу вечером я заказал ужин в китайской забегаловке. Съев ужин, устроился с книгой в кресле, но не прочел и страницы. Закончилось все тем, что я заснул, сидя перед телевизором. Ночью перебрался на свое лежбище на полу, с которого поднялся лишь после полудня следующего дня. Умывшись, я побрел на кухню, чтобы выпить кофе. Пока закипала вода, достал из почтового ящика воскресный выпуск «Таймс».

Точно отшельник, небритый, всклокоченный, я сидел в своей норе, глотал горячий кофе и вяло листал газету, безразлично скользя глазами по самой культовой прозе нашего времени — новостным сводкам. Новости ради новостей, неважно что, неважно где, неважно зачем — главное, чтобы что-то происходило. Мой мозг отказывался воспринимать информацию, сочившуюся из каждой газетной строчки. Более того, мой мозг вообще отказывался функционировать. В голове было пусто, на душе — тошно. Я не хотел никого видеть, не хотел ни с кем разговаривать, я вообще ничего не хотел.

Ошалев в конце концов от замкнутого пространства и изнуряющего безделья, я все-таки выполз из дома, решив прогуляться по Центральному парку.

Уходящее лето расщедрилось на поистине волшебный денек — прозрачный, тихий, теплый, с легким ласкающим ветерком. В парке было полно народу. Мимо пыхтели бегуны с перекошенными от напряжения лицами; велосипедисты и роллеры проносились смазанными пятнами, упиваясь ощущением свободы и скорости, притупляющим страх и инстинкт самосохранения; собаки тявкали и проверяли на прочность свои поводки, радуясь, что вырвались из каменных темниц; медленно брели парочки, некоторые толкали перед собой коляски; торговцы бойко торговали с тележек мороженым и холодной газировкой.

По глади пруда сонными водомерками плавно скользили старенькие прогулочные лодки. Послышался визг и женский смех — это парочка, ворковавшая на корме одной из лодок, так увлеклась, что едва не опрокинула свое судно.

Лужайка у подоножия холма походила на огромный муравейник. Тысячи горожан, мирно уживаясь на восьми гектарах, предавались всевозможным забавам на свежем воздухе. Свернув с асфальтированной дорожки, я ступил на мягкую траву, осторожно миновал коврики с раскинувшимися на них телами любителей ультрафиолета. Там и сям резвились дети и собаки, над головой парили воздушные змеи. Тарелки для игры во фрисби и бадминтонные воланчики так и свистели в воздухе. Временами попадались компании свободлюбивой молодежи — проколотой и наколотой, с обязательными дребезжащими гитарами и «косяками» по кругу. Ухоженные представители секс-меньшинств, раскинув на огромных пушистых полотенцах свои бронзовые от загара тела, с интересом вглядывались в проходящих мимо мужчин. Между отдыхающими курсировали неопрятные типы, по виду классические бродяги, с рюкзаками за спиной, и сипло выкрикивали: «Холодное пиво! Кола!»

И все это происходило в самом центре городских каменных джунглей, в крошечном оазисе, затеряншемся меж бетонно-стеклянных небоскребов. Каза-

лось, весь Нью-Йорк сбежался сюда, чтобы отдать дань последнему воскресенью лета.

Я отыскал более-менее незасиженное место, подле огромного раскидистого вяза, растянулся прямо на теплой траве и сложил руки на груди. Глядя сквозь ажурные просветы в листве на синее небо, я представил, что нахожусь далеко-далеко от Манхэттена. Я закрыл глаза и расслабился.

Очнулся я, когда уже залегли длинные глубокие тени и парк почти опустел.

Глава девятнадцатая

Утро понедельника я встретил в уже привычной равнодушной тоске. На работе заставил себя разобрать бумаги, успевшие образовать на моем столе целый горный хребет. Но энтузиазма моего хватило ненадолго, и уже к десяти часам я выдохся. Еще через час я поймал себя на том, что сижу, бессмысленно глядя перед собой, и перекачиваю в голове одну-единственную мысль, успешную набить оскомину за минувшие дни. На божественное вмешательство или внезапное озарение надеяться явно не приходилось, и я по-прежнему не знал, что делать. Но некоторый прогресс все же произошел — тупое равнодушие сменилось раздражением. Мне осточертела моя тоска, а вместе с ней и бесплодные размышления. А вслед за раздражением меня посетило великое открытие: думать как заведенный об одном и том же не очень-то весело, да и толку никакого.

Мир вокруг менялся слишком быстро, и я за ним не успевал. За последнее время чего только не произошло. Я больше не люблю Ким; Том женился и скоро станет папашей; Алекс вот-вот облысеет; Карен наконец-то поумнела. Я вдруг испытал чувство, схожее с тем, что нападало на меня в кинотеатре, когда я возвращался в темный зал после недолгой отлучки в буфет или туалет. Сюжет совершил какую-то немислимую загогулину, и я уже ничего не понимаю.

В начале двенадцатого я снял телефонную трубку и позвонил в справочную. После чего встал, надел пиджак и вышел из кабинета.

— Мне нужно отлучиться по делам, — предупредил я нашу секретаршу. — Вернусь примерно через полчаса.

Я быстро шагал по улице, лавировал меж пешеходов, переходил почти на бег на перекрестках, чтобы успеть на зеленый свет. Я подгонял себя, опасаясь, что опомнюсь и поверну назад. Что здравый смысл и осторожность возьмут верх над чувствами.

Это было самое обычное здание, каких полно на Шестой авеню. Гигантская коробка из стекла и металла, поставленная на попу. Я миновал карусельные двери, в мраморном вестибюле задержался возле табло со списком офисов и направился к лифтам.

На двадцать шестом этаже я вышел из лифта и оказался перед стеклянными дверями, на которых затейливым шрифтом были выведены имена основателей компании. Сбоку от двери обнаружилась щель для магнитной карточки-пропуска. Я растерянно посмотрел на нее, поскольку не ожидал столь нелепого препятствия. Но похоже, фортуна в этот день была на моей стороне. Явилась она в образе дамы, открывшей дверь офиса изнутри. Поскольку выглядел я вполне пристойно и здешнему интерьеру не особо противоречил, дама приветливо улыбнулась и даже придержала дверь.

Приемная была просторной, декорированной дорого, но со вкусом. Шикарные кресла обступали овальный кофейный столик темного дерева, на столике — ваза со свежесрезанными цветами. И роскошная стойка для секретаря. Правда, самой секретарши за ней я не обнаружил. Влево уходил коридор, не мешкая я свернул туда. В самом конце коридора стоял стол с компьютером, за которым сидела девушка.

Я подошел к ней.

— Простите, как мне найти Сару Митчелл?

Девушка оторвала взгляд от монитора и глянула на меня с вежливым любопытством:

— У вас назначена встреча?

— Не совсем. Я ее знакомый.

Девушка выдавила холодную улыбку и потянулась к телефону.

— Как вас зовут?

— Джек Лафферти.

В этот момент мой глаз зафиксировал движение слева. Повернувшись, я увидел, как Сара открыла дверь дальше по коридору и тут же скрылась за ней.

— Спасибо, — пробормотал я и бросился следом.

— Сэр, подождите! — испуганно вскрикнула секретарша. — Сэр, вам нельзя...

Не обращая внимания на ее крики, я почти бежал по коридору, радуясь своему везению. Будет гораздо лучше, если Сара не узнает заранее о моем визите и не успеет разозлиться. Сюрприз — это всегда козырь. Нет, сегодня точно мой день, давно уже мне так не везло.

— Сэр!

Не останавливаясь, я оглянулся. Секретарша уже выбралась из-за своего стола.

Я ускорил шаг, пока решимость не оставила меня. Удиви ее! *Лови карпа!* Подойдя к двери, за которой исчезла Сара, я резко стукнул два раза и, не дожидаясь ответа, переступил порог... и застыл на месте.

Это был вовсе не кабинет, как я полагал, а огромный зал, вдоль стен которого вытянулись ряды столов. За столами сидело человек тридцать, а то и больше. При моем появлении все дружно вскинули головы и уставились на меня. М-да, такого я точно не ожидал. Судя по всему, здесь проходила какая-то презентация. На дальней стене зала висел экран, в центре стоял столик с проектором, а рядом — дама в элегантном костюме и весьма сурового вида. Дама не просто удивилась моему вторжению, она явно разозлилась, что ей помешали.

Я пробежался взглядом по изумленным лицам всех этих неожиданных свидетелей и отыскал Сару. Приоткрыв рот, она, как и все, смотрела на меня.

Тут подросла и секретарша, влетела в открытую дверь и с разбегу ткнулась мне в спину. Я оглянулся — на лице бедняжки нарисовалось в точности такое же выражение, как и на лицах остальной публики. Рот приоткрыт, в глазах изумление. Вот только к изумлению примешивался страх. Судя по всему, ничего хорошего ждать мне не приходилось.

Суровая дама у проектора вздернула одну бровь и с приторной любезностью спросила:

— Чем я могу вам помочь, сэр?

Я посмотрел на нее, снова обежал глазами слушателей, остановил взгляд на Саре и забормотал:

— Я... простите, пожалуйста. Простите... я не хотел...

Дама прищурилась, усмехнулась и повернулась к экрану.

Я попятился к двери.

— Итак, продолжим, — заговорила дама и взмахнула указкой. — Мы остановились на том, что...

Я резко затормозил.

— Извините.

Дама дернулась, будто ее хлестнули, и развернулась. Весь ее вид выражал смесь недоумения и возмущения — как-никак ее прервали во второй раз.

— Минутку внимания. — Я вскинул руки, моля о терпении и снисхождении. — Я должен... должен сказать нечто очень важное... одному человеку, который здесь присутствует...

Дама, потрясенная подобным нахальством, явно не находила слов, взгляд ее в любую секунду мог прожечь во мне дырку.

— Я не отниму много времени. И раз уж все равно прервал вашу презентацию...

Окончательно ошалевшая от такого напора докладчица уперла одну руку в бок, словно говоря: «О, ну что вы... мы в вашем полном распоряжении».

Я сдержанно кивнул в знак благодарности и, опустив руки, медленно оглядел аудиторию. От волнения меня била дрожь, во рту пересохло.

— Среди вас находится человек, перед которым я должен извиниться...

Мой взгляд устремился к Саре. Вид у нее был уже не ошеломленный, а испуганный. Что касается остальных, то они разделились на две части. Одни будто вопрошали: «Что это за идиот?» Другие же откровенно забавлялись: «Ого, похоже, повеселимся».

Секретарша за моей спиной тихо пискнула.

— Я не назову имя этого человека, — снова заговорил я, судорожно сглотнув, — потому что не хочу смущать его. Ему и так досталось из-за меня.

Взгляд Сары нервно забегал по комнате.

— Всем нам приходится совершать поступки, за которые потом стыдно, о которых потом сожалеешь. Но часто причина такого поступка не имеет никакого отношения к сложившейся ситуации. Или к человеку, который находится рядом с тобой. Часто эта причина вообще зародилась недели, месяцы, а то и годы назад. И спровоцировала не только твой позорный поступок, но и все твои негативные чувства, твою злость, досаду и тоску.

Я замолчал, чтобы набрать в легкие воздуха. Сара не шевелилась, напряженно глядя на меня.

— Это глупо, — продолжил я. — Бессмысленно. Нелепо. И абсолютно нечестно по отношению к человеку, которого ты обидел. Но в тот момент ты ни о чем таком не задумываешься. Ты просто выплескиваешь свою злость и раздражение, не понимая, что ударит это не по тому, кто стал причиной твоей злости, а по человеку, который тебе дорог. Ты ведешь себя как последняя свинья, сам того не сознавая.

Я облизнул губы. Коллеги Сары уже выглядели не такими напряженными, кое-кто даже смотрел на меня с очевидным сочувствием. Да и дама у проектора уже не излучала прежней враждебности. Уж не знаю, почему они смягчились. То ли до них дошел смысл моего сумбурного спича, то ли им просто стало жалко клоуна, выставившего себя на посмешище. Пора переходить к сути дела, пока они не опомнились и не выставили меня вон.

— Пару недель назад, в пятницу, я повел себя отвратительно, гнусно повел. Я позволил себе то, чего позволять был не должен. Ни под каким видом. Потому что все было в прошлом, потому что у меня появилось настоящее. И сейчас я пришел сюда, чтобы извиниться и объяснить все. И сказать, что на самом

деле вовсе не такая свинья и вовсе не такой безмозглый. Я не могу исправить то, что случилось. — Я перевел дух. — Но я прошу о понимании. И о снисхождении. И я больше всего на свете хочу загладить свою вину. Мне просто нужен шанс. И если мне дадут его, я сделаю все, чтобы исправиться. Просто нужно позвонить. Только позвонить.

Я замолчал. В просторной комнате стало очень тихо. Удивительное дело, но никто не торопился выгнать меня вон. Более того, на лицах прибавилось сочувствия. Странно, но мою речь все эти дипломированные и наверняка опытные юристы выслушали с очевидным интересом. Даже дама у проектора выглядела уже... нет, не сочувствующей, но не такой агрессивной.

— Спасибо, — искренне сказал я, глядя на нее. — Спасибо и простите за вторжение.

Потом развернулся, обогнул секретаршу, глаза у которой были как блюдца, и быстро вышел в коридор.

* * *

Я парил над асфальтом и казался себе настоящим героем. Уличные звуки слились в один странный, приглушенный, словно подводный, гул. Черт знает, что я сейчас натворил, но ничего такого я в жизни еще не делал. Столь решительного и необратимого. Столь отчаянного. И безрассудного.

Я чувствовал себя слегка пьяным, в голове звенело, но это был приятный звон. Как будто закончил марафон или взобрался на трудную вершину. Удивительно приятное ощущение. Я сделал то, что задумал. Пусть все вышло совсем не так, как планировал, но я изложил все четко и ясно. Получилось даже эффектней и оригинальней, чем задумывалось. Если бы я мог предвидеть, что ожидает меня в офисе — если бы знал о трех десятках слушателей, — то никогда бы не отважился.

А ведь получилась нешуточная проверка на вшивость. И на серьезность намерений. И я ее выдержал. Не дрогнул. Сам не знаю как, но не дрогнул, дошел до самого конца. Остается только гадать, что в результате из этого выйдет, и как все сложится, и что решит Сара, но я сделал все, что мог сделать, и даже немножко больше. Теперь слово за Сарой.

И слова этого ждать долго мне не пришлось.

— Джек! — раздалось сзади.

Я обернулся. Ко мне решительным шагом торопилась Сара, едва не сбивая прохожих. Лицо напряжено, плечи опущены, руки грозно рубят воздух. Мне и в голову не приходило, что она захочет догнать меня. Меня настолько поразила и одновременно испугала свирепость ее вида, что я застыл на месте.

— Какого черта? *Что* это было, Джек? — прокричала она, когда между нами оставалось еще несколько метров.

Спрятаться было негде, поэтому я попытался взять себя в руки.

Обогнув последнего пешехода, Сара резко остановилась передо мной.

— Так что это было? — повторила она.

— Сара...

— Как ты мог так поступить?

Я тяжело вздохнул:

— Я просто должен был тебе сказать.

— Что сказать?

— Попросить прощения за то, что случилось.

— И только?

— Да.

— Ты что, не мог просто позвонить?

— Нет.

— Почему же?

— Потому что... потому что по телефону все не так.

— Как это «не так»?

— Я хотел сказать, что раскаиваюсь, и объяснить, почему так случилось. И что со мной происходило. И почему случилось то, что случилось. Еще про Ким хотел объяснить. — С каждым словом я терял способность связно выражать мысли. — И что вообще происходило между нами и со мной.

Она не скрывала раздражения:

— Что ты несешь?

— Я отталкивал тебя, Сара.

— *Отталкивал* меня?

— Да! Понимаешь, я слишком долго колебался, прежде чем пригласил тебя на свидание. Я боялся впустить тебя в свою жизнь, да я вообще всего боялся!

Ее глаза зло блеснули:

— А ты уверен, что мне это нужно? *Уверен*, что я хочу войти в твою жизнь, а? Почему ты так уверен, что я спала и видела, как ты наконец соберешься с духом, откроешь дверь ипустишь меня в свою чертову жизнь?!

— Ты хочешь сказать, что равнодушна ко мне? И все, что было между нами, — плод моего больного воображения?

— Что — все? Бога ради, Джек! Да что между нами было? *Одно* свидание! Одно-единственное! Да и не свидание даже, а так, ужин. Да и тот пошел на смарку!

— Вот и я о том же. Ничего не было, потому что я сопротивлялся. Я не хотел связывать себя.

— Ты не хотел связывать себя?

— Да. Я избегал серьезных отношений. И именно из-за моей трусости случился тот скандал. Я не решался забыть Ким и за это поплатился.

Сара сжала кулаки и подскочила ко мне. Терпение ее явно иссякло.

— Значит, это я во всем виновата? — крикнула она. — Значит, я виновата, что ты переспал со своей бывшей?

— Я не это хотел сказать, Сара. Я всего лишь хочу объяснить, поче...

— Это не объяснение! Это чушь собачья! Не хочешь говорить прямо, черт с тобой. Но не надо держать меня за идиотку.

— Но это вовсе не чушь...

— Тогда что это?!

— Сара, пожалуйста, не надо...

— Что, черт возьми, ты пытаешься мне сказать?

— Я пытаюсь сказать, что, кажется, влюбился в тебя! — заорал я.

Похоже, эти слова больше поразили меня самого, нежели Сару. Если уж честно, мое признание ее вообще не впечатлило. Она не переменялась в лице, не рухнула в обморок, не запрыгала от счастья. Просто сердито смотрела на меня, разве что кулаки разжала.

Я же был в самом настоящем, без дураков, шоке. Неужели я на самом деле это сказал? Мне вдруг стало нестерпимо жарко, будто меня сунули в микро-

волновку. Сердце прыгало в груди как после стометровки. А с желудком и прочими внутренностями и вовсе творилось нечто немыслимое. Но отступить было поздно. Мы стояли посреди тротуара на Шестой авеню и смотрели друг на друга. Нас пихали прохожие, кидали на нас недовольные взгляды, но мы не обращали внимания. И вдруг я понял, что вот теперь настал мой час, теперь, а не тогда, в офисе. Тогда была лишь прелюдия.

— Я постоянно думаю о тебе, — проговорил я.

И замолчал. Все эти эмоции и скоропалительные признания вконец расстроили мои умственные способности. Я, ничего не соображая, смотрел на Сару. И в голове вертелась лишь одна мысль — выпить бы сейчас. А Сара смотрела на меня, и никакой симпатии в ее взгляде не было. Ни следа симпатии, одна ярость.

И тут меня вдруг прорвало. В голове неожиданно всплыл монолог Алекса на баскетбольной площадке. Что ж, раз своих мыслей и слов у меня нет, воспользуюсь чужими.

— Сара, выслушай меня. Я не идеальный мужчина, Сара. Я полный идиот. Но я умею признавать свои ошибки. Я совершил ошибку. Самую большую в моей жизни. Я не был готов к встрече с тобой. Но теперь все изменилось. Абсолютно все. Я думаю только о тебе. Я постоянно думаю о тебе. Ты удивительная, Сара, ты самая удивительная на свете. И ты не виновата, что я вел себя как придурок. Но на это были причины...

Черт, забыл, что там дальше. Ладно, попробую сымпровизировать:

— Сара, прошу, дай мне еще один шанс.

Лицо Сары не смягчилось.

— И ты думал, что сможешь убедить меня своими выходками? Заявившись ко мне на работу? Перепугав секретаршу? Вломившись на совещание и опозорив меня перед коллегами!

— Они же не знают, к кому я пришел.

— Ты думаешь, трудно догадаться? — Голос ее источал сарказм. — После твоего ухода инструкторша объявила перерыв на пятнадцать минут. И они все тут же загалдели разом: «Кто это был?», «Как он сюда попал?», «Зачем он это сделал?», «Он что, псих?», «К кому он обращался?», «Наверняка к женщине», «Голубой бы вряд ли такое выкинул». — Глаза ее сверкнули. — А женщин, между прочим, там было всего шестеро. И трое из них замужем! Да они уже давно догадались!

Только теперь до меня дошло, в какое дурацкое положение я поставил Сару. А в следующий миг я осознал и другое: все кончено, не будет у меня никакого второго шанса, я сам срубил сук, на котором сидел.

— То, что ты сделал, невероятно эгоистично и глупо! Не понимаю, зачем эта клоунада? Чего ты хотел добиться?

Опустив глаза, я сконфуженно посмотрел на свои туфли и прошептал:

— Я хотел тебя удивить.

Сара резко и неприятно рассмеялась:

— Ну что ж, Джек, тебе это отлично удалось. Ты меня удивил.

Сказав это, она повернулась и ушла прочь. А я стоял и с тоской смотрел ей вслед. А что мне еще оставалось?

* * *

Вернувшись к себе в офис, я рухнул в кресло и словно впал в транс. Зво-

нить Алексу или кому-то еще не было ни сил, ни желания. Заниматься делами тоже. Я испытывал странное сочетание унижения и совершеннейшего покоя. Что это — особый вид душевной травмы?

Так прошло несколько часов. Я все сидел в кресле и сидел.

Ближе к концу рабочего дня в кабинет заглянула секретарша.

— Так вы здесь? — удивилась она.

Я попробовал сфокусировать на ней взгляд. Получилось не очень.

— Вы не берете трубку, — добавила она. — Сказать, что вас нет?

— У меня звонил телефон?

Она кивнула. Странно, я ничего не слышал.

— Кто там?

— Какая-то Сара.

Я резко выпрямился и дернулся к телефону.

— Она на проводе?

Секретарша тактично ретировалась.

— Почему ты хотел удивить меня? — Сара говорила совершенно ровно, без намека на эмоции. Вопрос был достаточно странный, я ведь вроде бы все объяснил.

Я помешкал.

— Чтобы ты знала, как сильно я раскаиваюсь.

— А взять и позвонить нельзя было?

— Я подумал, что это слишком просто, да и недостаточно.

— Недостаточно для чего?

— Ну, я хотел произвести впечатление. И сразить тебя.

— Для того чтобы показать свою искренность, сражать необязательно, Джек. И устраивать спектакль тоже. Кстати, театр и искренность не очень совместимы.

— Но не в этом случае.

Сара вздохнула в трубку:

— Что ж, спектакль удался тебе на славу.

Я поежился, радуясь, что Сара меня не видит.

— Согласен, я не должен был...

— Не должен?

— Конечно, нет... В общем, дурацкая идея. Повел себя как псих.

— Да уж, пожалуй.

Хотя в кабинете я был один, но все равно стыдливо прикрыл лицо рукой.

— Я не знаю, что сказать, Сара.

— Что ж, и я тоже не знаю, — ответила Сара каким-то непонятным тоном. — Никто еще не делал для меня ничего подобного.

Я отнял ладонь от лица.

— Правда?

— Правда.

— Так ты не злишься?

Молчание.

— Я и сама не пойму, что чувствую. Но я бы не сказала, что злюсь. Нет, я не злюсь.

Вместе с креслом я медленно отодвинулся от стола и поднялся. Мои глаза лихорадочно шарили по кабинету, пытаюсь найти подсказку.

— Кстати, ты очаровал секретаршу. Она клянется, что ни за что не выдаст меня. Она считает, что ты романтик.

Я решил рискнуть:

— Может, сходим куда-нибудь вечером? — И тут же напрягся в ожидании отказа.

Еще одна пауза, на этот раз длиннее.

— Одна моя половина согласилась бы не раздумывая, Джек, но...

— А вторая никак не может составить ей компанию? — перебил я. — Всего один раз? Только сегодня? А потом всю жизнь пусть командует тобою.

В трубке послышался вздох. В этом вздохе я услышал лишь сожаление.

— Хочешь, не отвечай сразу. Просто подумай об этом, хорошо? В семь часов я жду в баре «Хеннеси». Это на Пятьдесят третьей, в двух кварталах от твоего офиса.

* * *

Не теряя времени, я набрал номер Алекса.

— Цветы! Конфеты! Украшение какое-нибудь! — заорал он, выслушав меня.

— Тебе не кажется, что это перебор?

— Джек, ты что, не врубаешься? У тебя испытательный срок! Надеюсь, место ты хоть приличное выбрал?

— Да мы просто собираемся выпить.

— Обстановка — это все! — взорвался Алекс. — Почему я должен тебе это объяснять? Ты же писатель!

— Я даже не знаю, придет ли она.

— Терпение, чувак, только терпение. И учти, даже если она придет, то скорее всего опоздает, чтобы ты поволновался. Я бы обязательно опоздал. Осмотришь. И непременно постарайся расслабиться. *Выпей чего-нибудь, наконец!*

Глава двадцатая

В бар я заявился очень задолго. Всегда лучше перестраховаться. Но Алекс оказался прав — я ждал, ждал и ждал. А потом снова ждал.

Прошло полтора часа, а Сары все не было.

Потом я вдруг увидел ее. Модный костюм темно-синего цвета, сумочка, волосы убраны назад и стянуты в хвост. Несмотря на тяжелый день, она выглядела свежо. Прелестно.

Я помахал ей рукой. Она улыбнулась и зашагала ко мне. Все та же легкая, непринужденная походка; плавное волнообразное движение от ноги к бедру, от руки к плечу.

Почему-то я совсем не нервничал.

Пока она шла, я представлял ее с гитарой за плечом. Юрист, наяривающий на гитаре «Отель “Калифорния”». Потрясающая картинка. И неотразимая.

— Джек, прости, — искренне извинилась она. — Я уже собралась выходить, но тут, естественно, позвонил клиент. Срочное дело.

— Ничего страшного. Сам знаю, как это бывает.

Понедельник, вечер, бар практически пуст. Крохотные свечки весело мерцают на маленьких круглых столиках. Где-то под потолком наигрывает Стэн Гец[18]. Сара пьет красное вино. Передо мной бокал виски с содовой.

— Знаешь, я удивлен, что ты пришла.

Сара улыбнулась.

— Значит, мы квиты. Оба сегодня друг друга удивили.

— Так почему ты пришла?

— Выпить захотела, — сухо ответила она. Но тут же улыбнулась и пожала плечами: — Наверное, стало любопытно. Скажи мне правду. Все-таки зачем ты это сделал?

— Хотел тебя увидеть.

Она приподняла брови.

— Да, хотел тебя увидеть. Прости меня за прошлый раз. Это не имело никакого отношения к тебе. — Я сжался, сообразив, что начинаю повторяться. — Мой предыдущий роман закончился сравнительно недавно. И довольно плохо.

— Я так и поняла, тогда, в ресторане. А потом меня еще и Джени просветила.

Я притворился рассерженным:

— А я-то думал, она на моей стороне.

— Так и есть, — подтвердила Сара. — А роман действительно закончился?

— Да, действительно.

Сара огляделась:

— Ее ведь нет здесь, правда?

Я не сдержал улыбки:

— Нет, ее здесь нет. Я везде проверил.

Сара помолчала, глядя на меня.

— А сомнения?

— Их тоже нет. Никаких.

— Уверен?

— Абсолютно.

— По правде говоря, Джек, я понимаю, через что тебе пришлось пройти. Я тоже рассталась не так давно.

— Я слышал.

Теперь нахмурилась Сара:

— А я-то думала, Джени на моей стороне.

— Так и есть, — подтвердил я, и мы оба расхохотались. — Джени — настоящий двойной агент.

Сара вкратце поведала мне свою историю. Если опустить детали, это была самая обычная история о том, как два хороших человека не смогли быть счастливы друг с другом. Я слушал ее рассказ, и мой собственный невеселый роман вставал у меня перед глазами.

— Тебе уже скучно, — донеслось до меня.

Я встряхнулся.

— Нет, что ты. Просто подумал тут...

— Что?

— Да так, глупость.

— Скажи.

— Нет, это бред.

— Говори же! — потребовала Сара, угрожающе подавшись вперед.

— Латекс.

— Ты думал о латексе?

— Не думал, само пришло в голову.

Сара прищурилась:

— Надеюсь, ты не носишь латекс?

— Нет, а что?

— Вот и славно.

Теперь уже я заинтересовался:

— Все-таки в чем дело?

— Не могу объяснить. Просто мне не нравятся мужчины, которые надевают всю эту обтягивающую ерунду. Но объяснить толком не могу.

— Джон Уэйн никогда не носил латекс, — заметил я.

— Вот именно. — Сара улыбнулась.

— Но мне далеко до Джона Уэйна.

— Но ведь имя Джек — сокращенное от Джон?

Я кивнул.

— Значит, тебя зовут Джон. Уже лучше.

— Это почему?

— Хорошее мужское имя. Ненавижу имена вроде Лесли, или Кэрролл, или...

— Или Дана, — добавил я.

Она рассмеялась:

— Или Дана.

Я отпил виски.

— А я думала, ты бросил.

— Воздержание не спасло. Теперь я следую другому принципу. Умеренность. Алекс говорит, что понемногу каждый день даже полезно.

— Правильно говорит, — согласилась Сара. — Хорошо влияет на сердце.

Я посмотрел ей прямо в глаза и спросил:

— Ну и что ты думаешь? Выйдет у нас что-нибудь?

Взгляд Сары был не менее тверд.

— А что нам терять?

— Рассудок. Самоуважение. Достоинство. Время. Деньги.

— Ну-у-у, — протянула она, подыгрывая. — А что можно получить взамен?

Я призадумался.

— В перспективе — дружеское общение. Удовольствие. Теплоту. Понимание. Радость. Страсть.

— Что ж, — она подвинулась ближе и взяла меня за руку, — звучит заманчиво.

Я не сводил с нее глаз. Она была прелестна: голова чуть наклонена, прядь упала на щеку, большие зеленые глаза серьезно и пристально смотрят на меня.

— Да, — услышал я свой голос. — Точно.

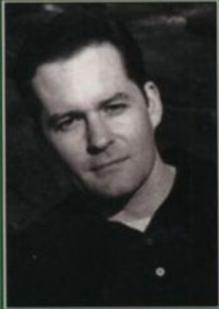
* * *

Ночью над Манхэттеном висит какой-то свет — яркое, объемное, сияющее свечение словно парит где-то между небом и макушкой города. В ясную ночь свет почти не видно, будто он растворяется, истончается. Когда же ночное небо скрыто за облаками, он сияет и переливается — свет тысяч и тысяч квартир и офисов, ресторанов и баров, образует над городом нимб. В такие ночи город вовсе не смотрится ниже или приземистее, как можно было бы предположить. Напротив, кажется еще выше и грандиознее — его заоблачные башни и шпили в буквальном смысле скребут небо.

В серии «PHANTIKI» вышли книги:

1. **Джессика Адамс** «E-mail: белая@одинокая»
2. **Джессика Адамс** «Том, Дик и Дебби Харри»
3. **Сьюзен Сассман** «На диете»
4. **Кейт О'Риордан** «Ангел дома»
5. **Индия Найт** «Моя жизнь на тарелке»
6. **Индия Найт** «Почему ты меня не хочешь?»
7. **Джози Ллойд и Эмлин Риз** «Давай вместе»
8. **Анна Дэвис** «Такси!»
9. **Фиона Уокер** «Люси без умолку»
10. **Лорен Хендерсон** «Заморозь мне “маргариту”»
11. **Лорен Хендерсон** «Мое бурное прошлое»
12. **Лорен Хендерсон** «Игры в любовь»
13. **Лайза Джуэлл** «Тридцатник, и только»
14. **Лайза Джуэлл** «Встретимся у Ральфа»
15. **Дженни Колган** «Свадьба Аманды»
16. **Софи Кинселла** «Тайный мир шопоголика»
17. **Софи Кинселла** «Шопоголик на Манхэттене»
18. **Софи Кинселла** «Шопоголик и брачные узы»
19. **Элисон Пирсон** «И как ей это удается?»
20. **Анна Макстед** «Бегом на шпильках»
21. **Джиджи Л. Грэйзер** «Мужеедка»
22. **Лора Локингтон** «Рождественский пирог»
23. **Крис Дайер** «Попутная любовь»
24. **Джон Дири** «Любовь и другие виды спорта»
25. **Ханна Маккоуч** «Под соусом»
26. **Кэти Пирсон** «Лучше только дома»

john dearie

Джон Дири занят очень серьезным делом: он — директор некоммерческой финансовой организации, которая помогает строить банковские системы в развивающихся странах. А в свободное от работы время он занят не менее серьезным делом — пишет романтические комедии, и получается это у него отлично. В США, на родине Д. Дири, его первая книга, которую журналисты окрестили “Сексом в большом городе для мужчин”, стала бестселлером.

Романтический, юмористический и тонкий роман о том, чего хотят современные мужчины. Для женщин эта книга воистину бесценна, поскольку раскрывает секреты и страхи мужской души, которые прячутся подальше от женских глаз.
Publisher's Weekly

Книга, которая во-первых, поднимает настроение, а во-вторых, заставляет по-новому взглянуть на мужчин. Оказывается, они не такие уж инопланетяне.
People

“Любовь и другие виды спорта” — отнюдь не высосанная из пальца романтическая история, в этой книге чувствуется пульс современной жизни, она правдива и откровенна, а еще она забавна и просто интересна.
Boston Sunday Herald

Если вы женщина и хотите узнать о мужчине больше, чем он хочет о себе сказать, то вот вам совет — прочтите эту книгу.
Evening Standard

“Любовь и другие виды спорта” — это не выдумки о том, что творится в мужской душе, а самый настоящий анализ современного мужчины, смешной и правдивый.
Kirkus Reviews

ISBN 5-86471-372-4
9 785864 713723 >

PHANOM PRESS

john dearie

Джон Дири занят очень серьезным делом: он — директор некоммерческой финансовой организации, которая помогает строить банковские системы в развивающихся странах. А в свободное от работы время он занят не менее серьезным делом — пишет романтические комедии, и получается это у него отлично. В США, на родине Д. Дири, его первая книга, которую журналисты окрестили “Сексом в большом городе для мужчин”, стала бестселлером.

Романтический, юмористический и тонкий роман о том, чего хотят современные мужчины. Для женщин эта книга воистину бесценна, поскольку раскрывает секреты и страхи мужской души, которые прячутся подальше от женских глаз.

Publisher's Weekly

Книга, которая, во-первых, поднимает настроение, а во-вторых, заставляет по-новому взглянуть на мужчин. Оказывается, они не такие уж инопланетяне.

тяне.

People

“Любовь и другие виды спорта” — отнюдь не высосанная из пальца романтическая история, в этой книге чувствуется пульс современной жизни, она правдива и откровенна, а еще она забавна и просто интересна

Boston Sunday Herald

Если вы женщина и хотите узнать о мужчине больше, чем он хочет о себе сказать, то вот вам совет — прочтите эту книгу.

Evening Standard

“Любовь и другие виды спорта” — это не выдумки о том, что творится в мужской душе, а самый настоящий анализ современного мужчины, смешной и правдивый.

Kirkus Reviews

PHANTOM PRESS

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

1

Букет невеста кидает своим незамужним подругам, а подвязку невесты жених бросает неженатым друзьям. — *Здесь и далее примеч. перев.*

[^^^]

2

Легендарная марка гитары.

[^^^]

3

Устройство для приема и отображения информации с финансовых рынков в режиме реального времени.

[^^^]

4

Вице-президент США в период президентства Билла Клинтона в 1992–2000 гг. Баллотировался в президенты США от Демократической партии на выборах в 2000 г., но проиграл Джорджу Бушу-младшему.

[^^^]

5

Популярное американское ток-шоу ведущей Опры Уинфри.

[^^^]

6

В обиходе так называют знаменитый музей «Метрополитен».

[^^^]

7

Один из залов музея, посвященный искусству Древнего Египта, где непосредственно и находится Храм Дендура (XV в. до н. э.), подаренный США правительством Египта в 1965 г.

[^^^]

8

Имеется в виду удивившая американскую публику история развода известного рок-исполнителя Билли Джоэла и супермодели Кристи Бринкли в 1994 г. после девяти лет супружества.

[^^^]

9

Небольшой частный парк в самом центре Манхэттена, пользоваться которым имеют право лишь жители окружающих домов.

[^^^]

10

Имеются в виду строчки из стихотворения Джона Донна (1572–1631), английского поэта: No man is an island... What happens to one man happens to me. Английское слово «man» переводится и как «человек», и как «мужчина».

[^^^]

11

Чарли Паркер (1920–1955) — известный американский джазовый саксофонист, композитор.

[^^^]

12

Район на о-ве Лонг-Айленд, вдоль побережья, где располагаются престижные загородные резиденции и пляжные «домики», среди владельцев которых немало известных людей.

[^^^]

13

Хэнк Уильямс (1923–1953) — прославленный музыкант, исполнитель блюза и «кантри».

[^^^]

14

Джек Керуак (1922–1969) — американский писатель, один из родоначальников бит-культуры.

[^^^]

15

Скарсдейл (Scarsdale) — маленький городишко в штате Нью-Йорк.

[^^^]

16

Все — известные джазовые музыканты, авторы мюзиклов «Звуки музыки» (Роджерс и Хэммерстайн), «Моя прекрасная леди» (Лернер и Лоуи) и многих других, ставших классикой жанра.

[^^^]

17

Да здравствуют различия! (фр.)

[^^^]

18

Стэн Гец (1927–1991) — известный джазовый саксофонист.

[^^^]